

William Blake
Selected
Verse

Moscow
Progress
Publishers
1982

Уильям Блейк
Стихи

Москва
«Прогресс»
1982

Составление, предисловие и комментарии А. М. ЗВЕРЕВА
Оформление Н. И. КРЫЛОВА
Редактор К. Н. АТАРОВА

Блейк У. ИЗБРАННЫЕ СТИХИ. Сборник. Сост.
А. М. Зверев. На англ. и русск. яз.— М.: Прогресс.—
1982.— 558 с.

Имя английского поэта и художника Уильяма Блейка хорошо знакомо советскому читателю. Настоящий сборник дает возможность и оценить творчество английского романтика в оригинале, и познакомиться с переводами стихов Блейка, сделанными советскими поэтами и переводчиками — С. Маршаком, В. Топоровым, А. Сергеевым, В. Микушевичем и др. В издании представлены «Песни Неведения и Познания», стихи разных лет, поэмы «Бракосочетание Рая и Ада», «Французская революция», «Америка», «Европа» и др.

Издание, сопровождаемое вступительной статьей и комментариями к тексту, проиллюстрированное рисунками самого поэта, предназначается для самых широких кругов любителей поэзии.

© Составление, предисловие, комментарии, переводы, отмеченные в содержании*, издательство «Прогресс», 1982.

В оформлении книги использованы рисунки У. Блейка.

Б $\frac{60602-192}{014(01)-82}$ 879-81

4703000000

ВЕЛИЧИЕ БЛЕЙКА

Уильяму Блейку (1757—1827) выпало жить в эпоху, когда круто менялся привычный порядок вещей.

Он был современником двух великих революций: Американской 1776 года и — спустя тринадцать лет — Французской. Бушевали наполеоновские войны. Волновалась Ирландия. Доведенные до отчаяния рабочие ломали станки, и лорд Байрон произнес в парламенте речь, защищая луддитов.

Большие события истории и вызванные ими битвы больших идей прочно вплетены в биографию Блейка. Внешне она монотонна, от начала и до конца заполнена тяжким повседневным трудом за гроши. Неудачи, непризнание, неуют — вот его жизнь год за годом. Все это так не похоже на типичный литературный быт того времени, что многие писавшие о Блейке поражались, каким образом он смог подняться над суровой будничностью, став великим художником и поэтом. Читая посвященные Блейку книги, подчас трудно осознать интенсивность и глубину происходившей в нем духовной работы. О ней говорят не столько биографические факты, сколько произведения, оставшиеся по большей части неизвестными современникам, хотя именно в творчестве Блейка нашел, быть может, свое самое целостное и самое своеобразное отражение весь тот исторический период, переломный для судеб Европы.

Перед нами не столь уж частый случай, когда художник уходит в полной безвестности, и еще долго время лишь замечает о нем всякую память, но уж зато после посмертного «открытия» слава накатывает такими могучими волнами, что потомкам кажется непостижимой выпавшая гению горькая, жестокая судьба.

Сын чулочника, с десяти лет отданный в учение граверу и дальше зарабатывавший себе на хлеб этим ремеслом, он с детства узнал, что такое социальная отверженность. Лондон в ту пору стремительно рос, торопясь застроить недавние окраины корпусами мануфактур, верфями, приземистыми грязноватыми до-

Байрона». Вордсворт и здесь сводил давние литературные счета — под старость это сделалось для него чуть ли не основным занятием, — но тем не менее искру сильного дарования он сумел почувствовать при всей своей заведомой предвзятости. Однако в «безумии» этого таланта не усомнился и Вордсворт. Своего рода миф, сложившийся еще на заре творчества Блейка, сопутствовал ему до конца.

Что же побуждало современников с такой уверенностью говорить о «безумии», о «больном», пусть и сильном, воображении, о нездоровых грезах и воспаленной фантазии? Отчего так драматично сложилась судьба Блейка, оказавшегося молчаливо, но непробиваемо изолированным от английской культуры рубежа двух столетий, от возможного читателя, возможного зрителя?

Ответ, кажется, напрашивается сам собой: его художественное видение было слишком новаторским, чтобы найти понимание и отклик у людей того времени. Были, конечно, исключения, но уж очень редкие. Томас Баттс, министерский чиновник, плененный дарованием Блейка и плативший ему по гинее за лист, доставляя основной заработок. Или — уже в последние годы — начинающий художник Джон Линелл, чье имя сохранилось в истории живописи не только благодаря собственным работам, но прежде всего потому, что он заказал Блейку дантовский цикл. Для других, включая и тогдашних знаменитостей, Блейк был слишком необычен, слишком огромен — и как художник, и как поэт. Требовалось время, чтобы ясно проступили масштабы и сущность сделанного им в искусстве.

Конечно, Блейк, как многие великие художники, опередил свою эпоху. В этом смысле драма его жизни не так уж необычна, тем более — для эпохи романтизма, чьи герои столько раз расплачивались за свой вызов духовной, социальной, художественной косности, снося издевки и поношения, гонения и травлю.

Но Блейк — явление резко специфическое и на таком фоне. Само его видение, современниками почитавшееся безумным, а потомками — гениальным, обладает настолько своеобразными истоками, что тут вряд ли уместна (и уж во всяком случае

недостаточна) до стереотипности обобщенная романтическая формула непризнанности как своего рода неперемennого условия бытия настоящего художника.

Начать хотя бы с того, что волею обстоятельств Блейк и в самом деле был, по тогдашним меркам, дилетантом. Академия его не признавала. Издатели не брали его книг. В типографии был напечатан только самый первый, еще почти ученический сборник «Поэтические наброски» (1783), где повсюду слышатся отголоски сентиментализма, в частности «Ночных мыслей» *The Complaint; or Night Thoughts on the Life, Death, and Immortality*, 1742-1745) Эдварда Юнга (Edward Young, 1683—1765), которые Блейку впоследствии довелось иллюстрировать. Средства для издания ссудил приятель Блейка художник Джон Флакмен. Свою лепту внес и священник Генри Мэтью, в чьем доме собирались прихожане, не чуждые литературных интересов. Он без ведома автора исправил несколько включенных в книгу стихотворений, и это возмутило Блейка. Автор забрал тираж из типографии и уничтожил его почти полностью. Больше он никогда не обращался за помощью к такого рода благодетелям. А ни один типограф не рискнул бы выпустить книжку безвестного автора за свой счёт.

И Блейку пришлось стать собственным издателем. Он избрал особый способ «иллюминированной печати»: гравировал листы и, вручную их раскрасив, сшивал. Так в нескольких десятках экземпляров опубликовал он свои «Песни Неведения и Познания», а затем и так называемые «пророческие книги»¹. Оттиски про-

¹ Свод поэм, получивший в позднейших исследованиях название «пророческие книги», создавался Блейком на протяжении трех десятилетий — приблизительно с 1789 по 1820 гг. Единство этому циклу придает, главным образом, воплотившаяся в нем поэтическая философия и мифология Блейка. Современные литературоведы выделяют в «пророческих книгах» несколько внутренних циклов: 1) ранние «пророчества» — «Тириэль», «Книга Тэль», еще достаточно традиционные по образности и художественным мотивам; 2) поэмы, непосредственно связанные с политическими событиями конца XVIII в. — «Французская революция», «Америка», «Европа», отчасти «Видения дочерей Альбиона»; 3) так наз. «малые пророческие книги», содержащие в себе блейковское истолкование

давались в его мастерской. Точнее сказать, пылились на полке. Спроса не было, и после смерти Блейка большинство книг пропало. Те, что чудом уцелели, теперь стоят целое состояние.

С дистанции в полтора века, быть может, покажется, что эта необычная ситуация в каком-то смысле была для Блейка благом: она избавила его от кабалы тогдашних издателей, а в том, что слово его рано или поздно будет услышано, поэт-провидец, каким он себя считал, сомневаться не мог. Однако Блейк переживал создавшееся положение достаточно тяжело, осыпая градом эпиграмм своих более удачливых — и менее щепетильных в литературных делах — современников, а в письмах тем немногим, кто был ему близок, жалуясь на тупоумие торговцев картинами и типографов, как и на их раболепство перед авторитетами вроде Рейнольдса.

Да и должна ли удивлять горечь и ярость этих его строк? С юности близкий к радикалам — таким, как Джозеф Джонсон (Joseph Johnson, 1743—1811) или Томас Пейн (Thomas Paine, 1737—1809), — подобно им впрямую откликавшийся на злобу дня и живший политическими страстями своей эпохи, Блейк, конечно, писал не для истории, а для современности и, как каждый поэт, хотел быть услышан. А его аудиторию обычно составляло всего несколько человек. И даже они ценили в Блейке, как правило, лишь талант художника, оставаясь равнодушными к его идеям.

Сохранилось свидетельство современника, что единственным, кто сорок с лишним лет поддерживал Блейка, полностью разделяя его общественные и нравственные убеждения, была жена поэта Кэтрин Баучер. Надо думать, что ею нередко и ограничивался круг читателей его произведений. Во всяком случае, нет

мифа о грехопадении и критику канонической христианской теологии, — «Первая книга Уризена», «Книга Ахании», «Книга Лоса»; 4) философские поэмы, представляющие собой изложение важнейших космогонических, теологических, нравственных и художественных идей Блейка, — «Бракосочетание Рая и Ада», «Мильтон», «Иерусалим» (подобную классификацию см., напр., в кн.: Martin K. Nurmi. *William Blake*. Lnd., 1975).

никаких фактов, указывающих, что кто-нибудь при жизни Блейка прочел стихи, оставшиеся в рукописях, — а ведь среди них есть вещи, первостепенно важные для него: «Странствие», «Хрустальная шкатулка»...

Прямым следствием этой изоляции была житейская неустроенность, нищета и обида на современников. Косвенным — специфическая творческая позиция Блейка, в немалой мере предопределившая и своеобразие созданного им художественного мира. Для истории искусства это, конечно, самое главное. Но нельзя забывать и о той цене, которой было оплачено это своеобразие.

Необычность блейковского мира почувствует каждый, кто откроет том его стихов, иллюстрированный гравюрами. Стихи и рисунок с самого начала составляли единый художественный комплекс — это многое объясняет в их образности. Еще существеннее сам факт, что Блейк вынужденно оказался в стороне от литературных баталий своего века, от его вкусов, увлечений, споров. От его расхожих понятий. Даже от его обиходного поэтического языка.

Он не ждал успеха и не стремился к нему. В самом прямом смысле слова поэзия была для него духовной потребностью, и только. Он не оглядывался ни на принятые каноны, ни на проверенные читательским признанием образцы. Идеи, выразившиеся в его книгах, метафоры и символы, в которых они запечатлены, весь поэтический мир Блейка менее всего ориентирован на существующую норму, иметь ли в виду эстетику конца XVIII века или романтические устремления.

При всех явных и скрытых перекличках с характерными мотивами литературы того времени, поэзия Блейка ощутимо выделяется на общем фоне, побуждая некоторых исследователей говорить о том, что это явление вообще неорганично для английской поэтической традиции, какой она складывалась вплоть до романтиков и даже после них — до XX века. Очевидное преувеличение, но тем не менее здесь есть доля истины. Содержание, которое раскрылось в стихах и «пророческих книгах» Блейка,

и в самом деле не имеет аналогий ни в предшествующей, ни в современной Блейку английской литературе. И оно определило новизну, самобытность его поэтики.

Прерафаэлиты видели в нем гения, обитавшего в сфере чистой духовности. А на деле его нельзя понять, не оценив в его стихах образности, навеянной той грубой повседневностью трущобных кварталов, которая ему была привычна с детства. Она вошла в поэзию Блейка, сообщив ей небывалую резкость социальных штрихов, графичность образов и такой всепроникающий урбанизм колорита, будто его стихи были написаны не в конце XVIII века, а по меньшей мере столетием позже.

Духовные корни Блейка уходят в ту же почву. Та среда, где вырос Блейк, продолжала хранить, передавая из поколения в поколение, сложившиеся еще в средневековье еретические и сектантские доктрины, в которых за ветхозаветными понятиями, категориями и образами полыхает едва сдерживаемое пламя плебейской революционности, а идея Рая крепится требованиями достойной жизни на земле. Преследовавшиеся еще более жестоко, чем неверие, эти учения — антиномианцев, фамилистов, «бешеных», иоахимитов — выдерживали самые беспощадные гонения официальной церкви и государства, а таившееся в них пламя на протяжении истории не раз вырывалось наружу, требования высказывались открыто — вспомнить хотя бы о Томасе Мюнцере, анабаптисте, вожде Крестьянской войны в Германии, казненном, как и большинство его сторонников.

По собственному свидетельству Блейка, он приобщился к этой облеченной в религиозные символы плебейской идеологии еще с юности. Мальчиком его уже посещали мистические видения. В 1788 году был прочитан труд Э. Сведенборга (1688—1772) «Мудрость ангелов», а затем «Небо и Ад» — одно из основных сочинений шведского мистика. В «пророческих книгах» повсюду попадаются следы этого чтения. Не раз пытались представить Блейка последовательным сторонником этого теолога, находя нечто знаменательное в том, что сведенборгианская «Новая церковь» была основана в год рождения поэта

(1757). Влияние нельзя недооценивать, но нельзя не видеть и открытого спора со Сведенборгом, развернутого во многих блейковских произведениях. Блейку остался совершенно чужд сведенборговский плоский морализм, как и метафизичность картины мира, созданной в «Небе и Аде», где духовное прочно отделено от материального, а субъективное от сущего.

Не могут удивить ни само это воздействие, ни последующая полемика. Идеи Сведенборга дали толчок мощному оппозиционному движению сектантства, но вскоре оно далеко переросло рамки сведенборговской теологии. А Блейку была важна, конечно, не сама по себе теология, ему было важно выраженное на ее языке стремление к справедливости и подлинной духовности бытия. Он воспринял пронесенный через столетия бунтарский дух, это еретическое толкование христианства как земной справедливости, эту нравственную ригористичность и особый духовный настрой, при котором суровой мерой божеского и сатанинского измеряется любой, даже мелкий людской поступок, и события сегодняшней жизни видятся как органическое продолжение событий евангельской истории в их высоком этическом смысле, и весь путь человечества предстает как ристалище Добра и Зла, борющихся со дней творения. Он воспринял основную мысль еретической теологии — мысль о человечности Христа, сформулированную еще в XII веке итальянским мистиком Иоахимом Флорским (ок. 1132—1202), идею Вечносущего евангелия, согласно которой бог есть не сила внешняя по отношению к человеку, но впервые выявленная в Иисусе внутренняя духовная сила каждого, высвобождение которой ознаменует грядущую эпоху бесцерковности, любви, братства и свободы. Он воспринял и символику, возникающую уже в самых ранних сектантских проповедях, — символику разрушения до камней Вавилона — порочного мира социальной иерархии и церковной лжи, и построения Иерусалима — царства человеческого равенства и осуществленной христианской нормы, государства-утопии, того Иерусалима, который у Блейка «свободу зовется средь Альбиона сыновей».

Понятия, в которых он мыслил, давно утратили свою содержательность, однако и через два столетия не потускнел демократизм идей, выраженных на этом трудном для современного читателя языке. Это был органичный, естественный демократизм, и, собственно, он и побуждал Блейка вступать в полемику со всеми философскими воззрениями своей эпохи и отвергать все принятые формы общественной организации как ложные в свете принципов Вечносущего евангелия.

Ему был глубоко чужд бэконовский и локковский рационализм, в котором Блейк видел утилитарную, бездуховную философию, лишь скрывающую высшую человеческую способность — Воображение, ту сокрытую в каждом духовную и нравственную энергию, которой должны быть сокрушены темницы Вавилона, чтобы воздвигнуть на их месте город справедливости. Основным оппонентом Локка (John Locke, 1632-1704) был епископ Беркли (George Berkeley, 1685-1753), но его идеализм, оправдывавший положение вещей в обществе провиденциальной волей, у Блейка находил только одну характеристику — «кощунство». Церковь на языке Блейка звалась Блудницей, а на полях брошюры берклианца Р. Уотсона (Richard Watson, 1737-1816) он написал: «Господь сотворил человека счастливым и богатым, и лишь хитроумие распорядилось так, что необразованные бедны. Омерзительная книга».

Уотсон нападал в своем памфлете на Томаса Пейна. Блейк был хорошо знаком с этим выдающимся деятелем молодой Америки по лондонскому кружку деистов, который в юности не раз посещал; в 1792 году он даже помог Пейну ускользнуть от охотившейся за ним британской полиции. Годом раньше была написана «Французская революция», набранная в типографии руководителя кружка Дж. Джонсона, но из-за цензурных строгостей не напечатанная и сохранившаяся, быть может, далеко не полностью. В ней Блейк еще полон революционного энтузиазма, поверженная Бастилия для него — один из вавилонских бастионов, наконец-то рухнувший. Развитие событий во Франции вскоре умерило его восторженные ожидания; деизм,

летий спустя. Нужно было, чтобы общезначимыми, жгуче актуальными стали явления, так тревожившие Блейка, который обнаружил их еще на исходе блистательного и радостного просветительского века, — растущая механистичность сознания, обретающегося в современном Вавилоне, и насильственное ограничение свободной человеческой воли, и засилье плоского рационализма и утилитаризма, повсеместно теснящего Поэтический Гений, Воображение, эту величайшую и незаменимую творческую способность, без которой нет Человека.

Его творчество кажется сегодня необходимым звеном, соединившим духовные и художественные традиции самых ранних эпох европейской истории с проблематикой, близкой культуре нашего времени. Поступательность, непрерывность в движении искусства, да и всей гуманистической мысли, без Блейка так же невозможны, как без его любимых поэтов Данте и Мильтона.

Воображение — верховное божество Блейка, которому посвящены его самые восторженные гимны, — оказывается ключевым понятием блейковской философии, истоки которой следует искать в еретических и сектантских воззрениях средних веков, а отклики и продолжения — уже у романтиков, шедших, того не ведая, проторенными Блейком путями. Воображению противостоит Своекорыстие — Разум рационалистов, закованный в круге земных, только земных, интересов, или абстрактные альтернативы Добра и Зла, из которых исходит каноническая христианская теология. Враждебные друг другу, эти две формы сознания для Блейка идентичны в своем стремлении затруднить, сделать вовсе неосуществимым непосредственное общение личности с заключенным в ней самой богом, познание сокрытой в любом человеке духовной субстанции и ее свободное развитие. Сам бог для Блейка не более чем космическое воображение, вольно творящее мир в согласии со стремлением людей к органическому, целостному бытию и с необходимостью эстетической гармонии и красоты.

Борьба Воображения и Своекорыстия — мотив, главенствующий

ший во всей блейковской космогонии, во всей сложнейшей образной символике «пророческих книг», и это борьба за целостного человека, признавшего, вопреки конкретным обстоятельствам своего существования, единственной и непререкаемой нормой Поэтический Гений и создающего царство справедливости из камней разрушенного им Вавилона. Именно из той первоматерии, которой наполнена его сегодняшняя жизнь (это важная особенность блейковского мышления, резко его отличающая от утопистов, рисовавших некий труднодостижимый идеал далекого будущего). Для Блейка построение такого царства — задача дня, задача каждого поколения и даже каждого человека, обязанного воздвигать его для себя, а тем самым и для человечества.

* * *

Блейка традиционно считают первым по времени поэтом английского романтизма. Такой взгляд отнюдь не безоснователен. Вместе с тем он не вполне точен.

Сделать эту оговорку побуждает не только сам факт невольной изоляции Блейка от художественной жизни той переломной эпохи, когда уверенно прокладывая себе дорогу романтизм, виднейшие представители которого либо вовсе не знали о гениальном гравере, либо относились к нему с явной предвзятостью. Так, Кольридж (Samuel Taylor Coleridge, 1772-1834), прочитав «Песни Неведения», выразился в том духе, что автор плохо представляет себе психологию ребенка, — свидетельство явного непонимания блейковского замысла. Ни Байрон, ни Шелли (Percy Bysshe Shelley, 1792-1822), ни Китс (John Keats, 1795-1821) ни разу не упомянули о Блейке, — вероятно, для них это было незнакомое имя.

Суть дела, впрочем, не в этом. Существовали более глубокие, уже не сводимые к литературным размежеваниям причины, которые предопределили конфликт Блейка как с покидавшим историческую сцену Просвещением, так и с романтической философией личности и искусства, будоражившей молодые умы.

универсума как абсолютного произведения искусства. Блейковская космогония носит беспримесно художественный характер, как бы ни были важны для нее опоры, воздвигнутые философией Сведенборга. «Пророческие книги» в своей совокупности образуют самый ранний романтический эпос, в основании которого лежит миф, охватывающий всю историю человечества. Байроновские мистерии, поэмы Шелли объективно возникли на той поэтической почве, которая уже была взрыхлена Блейком.

Он был и первооткрывателем того закона романтического мифологизма, который впоследствии так ярко проступил у Байрона и Шелли, а на языке теории был еще в самом начале XIX века сформулирован Шеллингом (1775—1854), в своих иенских чтениях говорившим о «мифологическом объяснении конкретного мира как смешения бесконечного и конечного начал в чувственных вещах»¹. И более того. Поэты романтического поколения опирались на некие устойчивые, обладавшие большой художественной историей мифологические «сюжеты» (Каин, Прометей), а Блейк даже полнее, чем они, осуществил принцип, который в шеллинговой «Философии искусства» — этой эстетической библии романтизма — выделен как определяющий для истинного искусства: «Всякий великий поэт призван превратить в нечто целое открывшуюся ему часть мира и из его материала создать собственную мифологию; мир этот (мифологический мир) находится в становлении, и современная поэту эпоха может открыть ему лишь часть этого мира; так будет вплоть до той лежащей в неопределенной дали точки, когда мировой дух сам закончит им самим задуманную великую поэму и превратит в одновременность последовательную смену явлений нового мира»².

Шеллинг подкрепляет свою мысль отсылкой к Данте. Он мог бы сослаться на Блейка — единственного из его современников, кто в полной мере следовал этой художественной программе, выражающей высшие устремления романтического искусства.

¹ Фр. В. Шеллинг. Философия искусства. М., 1966. с. 139.

² Там же, с. 147—148.

Однако даже такая глубокая родственность блейковского творчества романтизму не приглушила серьезных расхождений, дающих себя почувствовать прежде всего в социальных идеях и этической концепции.

Говоря в самой общей форме, расхождения определялись отказом Блейка признать примат идеального над материальным — для романтиков едва ли подлежащий сомнению. Диалектическое видение Блейка требовало признания этих двух начал равноправными. В его художественной вселенной они едины до неразличимости.

Здесь наглядно проявилось духовное воспитание XVIII столетия и еще ошутимее сказались размышления над страницами Сведенборга и споры с ним. Особенно существенную роль сыграла школа Якоба Бёме (1575—1624), проштудированного в годы, решающие для формирования Блейка. Об этом немецком мистике, жившем за полтора века до Блейка, Герцен отозвался как о человеке «гениальной интуиции», который «поднялся до величайших истин», хотя и был заключен в мистическую терминологию: он «имел твердость не останавливаться на букве... он действовал разумом, и мистицизм окрылял его разум»¹.

Характеристика, вполне уместная и для Блейка. Его мистицизм не имел ничего общего ни с поэзией тайн и ужасов, ни с тем характерным для романтиков томлением по недостижимому царству чистой идеальности, которое побуждало к настроениям бегства от реального мира в область запредельных откровений и грез. Подобно Бёме, Блейк был по складу своего мышления диалектиком, неизменно исходившим из впечатлений реальной действительности, как бы ее ни преображала его творческая фантазия. И этот своеобразный «корректив реальности» — едва ли не самая примечательная особенность всего видения Блейка.

Она прослеживается и в его лирике, и в «пророческих книгах». Как лирик Блейк получил признание еще у прерафаэлитов, и долгое времяистики литературы рассматривали его творчество

¹ А. И. Герцен. Собр. соч. в 9-ти тт., т. 9, М., 1958, с. 118, 119.

так, словно бы оно целиком сводилось к «Песням Неведения и Познания» и стихам из рукописей. «Пророческие книги» — начиная с «Бракосочетания Рая и Ада» до «Иерусалима» — были всерьез прочитаны лишь в самые последние десятилетия. Особенно велики здесь заслуги видного канадского литературоведа Нортропа Фрая (Northrop Frye, b. 1910), чье исследование «Пугающая симметрия» (*The Fearful Symmetry: A Study of William Blake*, 1947) явилось подлинной вехой в блейкиане, как, впрочем, и книга американского литературоведа Дэвида Эрдмана (David Erdman, b. 1904) «Пророк в битве с империей» (*Blake: Prophet against Empire*, 1954), развеявшая представление о Блейке как о визионере, которому не могли быть интересны страсти своего времени и кипевшая вокруг борьба идей¹.

Сегодня Блейк воспринимается прежде всего как философский поэт, наделенный неослабевающим интересом к социальной конкретности окружающего мира, к этой его первоматерии, питающей творческую фантазию художника.

Эта конкретика входит уже в его «песни» раннего периода, общая многим из них острую злободневность, которую должны были хорошо чувствовать тогдашние читатели Блейка, сколь ни узок был их круг. В «пророческих книгах», поэтическими средствами мифа воссоздающих былое, настоящее и будущее Альбиона — символа человечества, фрагменты христианской, индийской, античной мифологии дополняются специфически блейковскими мотивами и персонажами, и возникает целостный образ эпохи с ее надеждами, заботами, противоречиями.

Актуальный для того времени «сюжет» всегда оказывался у Блейка отзвуком вечной драмы, в которой сталкиваются богоравный свободный человек и простертый ниц перед алтарем прихожанин, Поэтический Гений и утилитарный Разум, Воображение и Своекорыстие. И сама драма наполняется содержанием тем более

¹ Советское литературоведение всегда рассматривало Блейка в социально-историческом контексте его эпохи (см. работы А. А. Елистратовой, В. М. Жирмунского, Е. А. Некрасовой и др.).

глубоким, что она разворачивается в конкретном историческом контексте, осознается и переживается реально, осязательно воссозданной исторической личностью, какой в «пророческих книгах» предстает повествующее «я». И каждая деталь подобного «сюжета» становилась компонентом блейковского мифа о человеке, взывающем целостности и истинной духовности бытия в мире, уже подчиненном утилитаристскому жизнепониманию со всеми неисчислимыми бедствиями, которые оно за собой влечет.

Актуальнейшим «сюжетом» тех лет была революция в колониях Нового Света, и «Америка» (1793) доносит живые отголоски умонастроения тогдашних лондонских радикалов, веривших, что скоро заря новой, истинно разумной и человеческой цивилизации перекинется через океан. В поэме упомянуто о решающих эпизодах войны мятежных территорий против метрополии, названы гремевшие в ту пору американские имена. Эмоциональная тональность «Америки», переполняющее ее радостное чувство завоеванной вольности, лишней раз свидетельствует, что Блейк во многом оставался человеком XVIII столетия, которому ненавистен монархический деспотизм и которого пьянит само слово Республика.

Но Блейк воспринимал революцию, как и все на свете, прежде всего в ее нравственном и эстетическом смысле — как шаг на долгом пути к царству Поэтического Гения, высвободившегося из оков.

И «Америка» написана не для прославления успехов побеждающей демократии, хотя Блейк, несомненно, сочувствовал им всей душой. Главенствующая роль принадлежит в поэме впервые здесь появляющемуся Орку — блейковскому Прометею и Адонису, одному из центральных персонажей мифологии «пророческих книг». В споре с ангелом Альбиона, олицетворяющим покорность заведенному порядку вещей, он не только обличает английскую тиранию, мешающую осуществиться американской свободе; Блейку важнее вложенная в уста Орка мысль о необходимости революций как бродила духовной энергии человека — революций, отнюдь не завершающихся провозглашением политической неза-

висимости, ибо речь идет о разрушении темниц Своекорыстия в самом человеческом сознании.

«Америка» — это гимн Свободе, и вызов царству Ночи, царству Уризена, которое у Блейка символизирует порядок вещей в современном мире, и еще одно подтверждение верности поэта своему идеалу богоравной личности, наделенной творческим, созидующим Воображением. Как и многие другие блейковские поэмы, «Америка» названа «пророчеством» не оттого, что автор пытается предсказать будущее, — у Блейка пророк тот, кто в сиюминутном различает вечное и непреходящее. Об истинном смысле борьбы, развернувшейся в колониях Нового Света, спор Орка и Уризена говорит читателю Блейка больше, чем цитируемые в поэме речи Вашингтона и достаточно достоверные в целом картины подлинных событий.

Каждая подробность наполняется значением символа, историческая реальность становится мифологической, а победа революции в колониях осознается Блейком прежде всего как торжество свободного Гения над плоским, утилитарным Разумом, обращающимся политической тиранией и «своекорыстной святостью», которая очень далека от истинной человечности. Блейк видел острее многих вольнодумцев его эпохи, которым кружили головы вести из Франции и из Америки. Даже «Французская революция» при всем ее восторженном пафосе содержит немало напоминаний о том, в каких муках рождаются и принимают характер закона гуманные нормы общественной жизни. А в «Европе», которая появилась всего три года спустя, постоянно слышится тревога, и она внушена не только заговором монархий против революционной Франции, не только расправой над членами лондонского Корреспондентского общества, заставившей умолкнуть английских радикалов и республиканцев. Блейка тревожит пассивность «обитателя темницы» — душевной темницы, в которой обретается рядовой человек, не пробужденный к подлинной, высокой жизни ни 4 июля 1776 года, ни штурмом Бастилии.

Поэма впервые выразила сомнения Блейка в том, что события

во Франции действительно знаменуют собой начало новой эры для всего человечества. Пройдет еще несколько лет, и Блейк, избавившись от многих иллюзий своей молодости, резко осудит бонапартизм. Впрочем, уже и Орк «Европы» заметно отличается от Орка «Америки» — теперь это подавленный дух, блуждающий в чащобах смерти.

Своеобразная трилогия, которую как бы образуют «Французская революция», «Америка» и «Европа», отразила и противоречия эпохи, и меняющуюся идейную ориентацию Блейка в те бурные годы, когда создавались эти «пророчества». Менялось и содержание, выраженное важнейшими персонажами блейковской мифологии: оттого Орк и наделен разными, порой несочетающимися качествами и функциями в отдельных поэмах цикла.

Но вместе с тем Блейк не изменил ни своим демократическим верованиям, ни важнейшей для «пророческих книг» мысли о неослабевающей борьбе полярных начал, придающей бытию динамизм и незавершенность. В «Америке» эта мысль выражена всего отчетливее: мир стремительно движется, догнивает долгая Ночь человечества, и уже видны первые лучи Утра. Образ, созданный в финале поэмы, — грандиозный, космический образ огня, борющегося с водами Атлантики и бушующего над двумя континентами, — заключает в себе мысль об очистительном нравственном пламени революции, которая призвана сокрушить Вавилон, воздвигнутый в сердцах людей. Не просто политический переворот, а революция духа является для Блейка ручательством, что воды Атлантики не затопят новосозданный материк Воображения, как в свое время затопили они английский остров, обращенный в вавилонскую темницу. Для Блейка назначение революции — приблизить день, когда исчезнут все сухопутные и водные границы, разделившие братьев по крови, и люди снова станут семьей, живущей по законам, которые записаны в Вечносущем евангелии.

Так блейковское мышление преобразовало злободневные темы его эпохи. В них вкладывалось содержание, только с накоплением исторического опыта осознававшееся в его настоящей зна-

чимости и приобретающее свою подлинную актуальность, когда тема, в блейковские времена дискутировавшаяся на всех углах, успевала давно уже сделаться достоянием профессоров. «Безумие» на поверку оказывалось провидением, и в этом смысле поэмы действительно приобретали «пророческое» значение.

Актуальным сюжетом была в те дни и борьба за запрещение работорговли; в 1787 году было основано аболиционистское общество, шли парламентские прения, на которые в «Песнях Неведения» Блейк откликнулся стихотворением «Негритенок». Это — редкие у него «стихи на случай», их антирасистский пафос очевиден. Однако ими не исчерпывается в блейковском творчестве сам «сюжет». Написанные в 1793 году «Видения дочерей Альбиона» посвящены как будто другой теме; только отдельные стихи, — например, о тиране Теотормоне, у чьих ног, «как волны на пустынном берегу, вскипают голоса рабов», — непосредственно ввели в поэму явление, смущавшее совесть лучших людей эпохи. Они и стали зерном, из которого выросло все «видение». Рабство героини поэмы Утуны — рабство «безутешной души Америки», духовное рабство всех, порожденное институтом рабовладения. Такого института не знает Альбион, но и его дочери «рыдают в рабстве», которое для Блейка — универсальное состояние людского рода: в Вавилоне идея равенства подменена отношениями раба и владельца, а принцип свободы — системой закабаления, социального и нравственного.

Поразителен этот ярко выраженный у Блейка дар осознавать, как прямо причастны к английским судьбам и к собственной судьбе события, явления, коллизии далеких стран и далеких эпох, осознавать целостность, неделимость человечества, взаимосвязь бесчисленных явлений физического и духовного мира, их переходность, их движущееся единство. Собственно, Блейку и принадлежит открытие диалектического взгляда на реальность, диалектического художественного видения.

Всего последовательнее оно воплотилось в лучшем его лирическом цикле «Песни Неведения и Познания», а наиболее открыто диалектический принцип мировосприятия был сформулирован

Ненависть необходимы для бытия Человека» — это великое органическое единство и открылось Блейку «среди адских огней», в беседе с Исайей и Иезекиилем, в испытаниях, которым подверг духовный разум поэта сошедший к нему Ангел. Открылся «безмерный мир восторга, недоступный вашим чувствам», — чувствам узников Уризена, персонажа, который в блейковской мифологии олицетворяет несвободное сознание современного Альбиона. Это плен духа, плен мысли; но «Жизнь — это Действие», мысль же только служит Действию оболочкой. «Действие — Вечный Восторг».

Здесь — суть философской и поэтической концепции, лежащей в фундаменте «Песен Неведения и Познания».

Впрочем, начатки диалектического постижения реальности можно обнаружить уже в «Поэтических набросках». Даже и за наиболее светлыми, радостными стихами этой юношеской книги угадывается не выраженное открыто, но уже посетившее Блейка чувство противоречивости мира, его неизбежной и необходимой дисгармонии, неоднозначности его явлений. Безумие у Блейка не аномалия и не восславленное впоследствии романтиками средство возвыситься над прозаизмом жизни, а «нормальное» бытие приверженца общепринятых моральных представлений, неспособного совладать с диалектической сложностью и «взрывчатостью» истинной, не иллюзорной действительности. Плен любви в тогдашней поэзии — непременно сладкий плен, возвышение и очищение души, у Блейка же высокое счастье соседствует с рабством, и «любви прекрасный князь» тешит себя беспомощностью жертв, опутанных его сетями (*Song*). Блейк написал эти стихи четырнадцатилетним подростком; едва ли для них был какой-то биографический повод — перед нами не итог пережитого, а свидетельство формирующейся мысли.

В «Песнях Неведения и Познания» диалектическое видение Блейка приобретает глубину и всеобъемлющую значимость, доступную только великому искусству. После того как были завершены «Песни Познания», Блейк никогда не гравировал отпечатанный им пятью годами раньше цикл о Неведении от-

дельно. Да это едва ли и было бы возможно, потому что смысл книги, ее существо — мысль о неразрывности духовного опыта человека, о его целостности, обнимающей и объединяющей в некоем высшем синтезе заложенную в личности от рождения «невинность», чистоту — и всю неизбежную умудренность каждого далеким от идеала бытием. Эта мысль о неожиданных, даже парадоксальных, порою трагических, но крепчайших связях, которыми скреплены мечта и действительность, детство и взрослый возраст человечества, его Неведение и Познание, составляющие два противоположных, однако, строго соразмерных и друг без друга одинаково незавершенных состояния Души.

Поэтому почти каждому стихотворению из цикла о Неведении находится свое соответствие в цикле о Познании, причем отношения внутри этих пар — отношения контраста, принципиальной разнонаправленности, но также и органической взаимосвязи, которую необходимо понять и принять. Здесь-то, в этой идее теснейшей соотнесенности «состояний», и воплотился блейковский диалектический взгляд на реальность, схваченную в ее подвижности, борьбе, в резких переходах от света к тени и от трагизма к высокой духовной радости, в ее динамике, в жизненосном Движении, сокрушающем любую схоластическую Мысль и любую претензию на абсолютность нравственных квалификаций. Там, где усматривают лишь торжествующее «Добро», Блейк обнаруживает и ущербность; в том, что именуют «Злом», — свою красоту. И вся книга оказывается еще одной попыткой опровергнуть верования века, мало того — изменить сам строй его мышления.

Однако художественное содержание «Песен» неизмеримо значительнее их конкретной полемической задачи. Это поэзия, где мир осмыслен в сближениях, для блейковского времени совершенно неожиданных, в высшей гармонии вечного и непереносимой расчлененности социального, текущего своего бытия, в пересечениях полярностей: ягненок, кроткий Агнец, — и созданный тем же Мастером в той же кузне ослепительно прекрасный тигр, воплощение великой энергии жизни, ее неиссякаемого огня и ярости, беспощадности ее законов; прозревший в царстве Неведения, об-

ретающий речь цветок — и другой цветок, большая роза, зачехшая при соприкосновении с Познанием; сияющие лица детей на светлом празднике в храме — и, в тот же самый Святой Четверг, голодные детские лица на улицах с их никогда не кончающейся тьмой.

В таких противостояниях, в сквозном контрасте воздушных, легких тонов цикла о Неведении, где все на свете еще дышит радостью и счастьем, точно в дни творенья, и лаконичной, жесткой по штриху графики «Песен Познания», изображающих полный горя макрокосм блейковского Сегодня, в самих резких переключениях эмоционального и образного ряда уловлена трагичность слома эпох и выражено чувство, которое оставалось неведомо XVIII веку. Это чувство оборвавшейся поступательности, единой направленности человеческой истории, чувство дискретности и разорванности каждого существования, пришедшее на смену былому ощущению его полноты и органичности, столь близкое романтикам (и еще больше — поэтам нашего столетия) чувство потерянности в мире разъединенных ложью церковных доктрин и потерпевшего банкротство обожевленного Разума, среди людей, которые подобны подсолнуху, день за днем тянущемуся к небосклону, но лишь утомленно провожающему светило в его движении к иным, озаренным краям.

Первооткрыватели Блейка — прерафаэлиты — воспринимали «Песни Неведения и Познания» как беспримесно романтическое произведение. И в самом деле, может показаться, что основной мотив цикла — трагическое несовпадение идеального и реального, естественного состояния мира, каким мы его видим в «Песнях Неведения», и того бесчеловечного, духовно стерильного миропорядка, который открывается в «Песнях Познания». Это чисто романтический мотив. Он органичен для замысла Блейка, но не исчерпывает поэтическую концепцию, воплощенную в его шедевре.

Естественный мир никогда не казался Блейку идеалом, недостижимым для современного человека. Это побудило его критически отнестись к руссоистской доктрине «естественности», столь

важной для романтизма. Романтики доверяли природе, порываясь к бегству от цивилизации, и искали панацею от зла действительности в подражании «естественному» добру, «естественной» красоте. Блейк говорил не о подражании, а о преобразении мира творческой фантазией. Один заказчик пожаловался, что фантазия увела Блейка слишком далеко. И в ответ Блейк написал: «Этот Мир есть Мир Воображения и Видения... для человека, наделенного Воображением, сама Природа — тоже Воображение».

Гармония природы, на его взгляд, была лишь предвосхищением более высокой гармонии, которую должна создать целостная и одухотворенная личность. Это убеждение предопределило и творческие принципы Блейка. У романтиков природа — зеркало души, у Блейка — скорее книга символов. Он не дорожит ни красочностью пейзажа, ни его достоверностью, как не дорожит и психологизмом. Все окружающее воспринимается им в свете духовных конфликтов, и прежде всего через призму вечного конфликта механистического и свободного видения. В природе он обнаруживает ту же пассивность и механистичность, что и в социальной жизни.

Поэтому и неведение, непорочность, духовная чистота, естественность — все то, что определяет эмоциональную и образную гамму первой части цикла, — для Блейка отнюдь не является лишь неким утраченным Раем. Его мысль сложнее, — быть может, наиболее полно она передана в образе заблудившегося и найденного ребенка, возникающем и в «Песнях Неведения» и в «Песнях Познания».

Ребенок олицетворяет собой тип мироощущения, обладающего органикой и целостностью, которые уже недоступны взрослому. В мире взрослых ребенок всегда одинок и несчастен. Он словно заблудившаяся «истинная душа» человечества. Для Блейка эта истинность — дар жизни по законам воображения. Но и в царстве Неведения подобная жизнь не может быть полноценно осуществлена. Познание — неизбежность для каждого, и оно вторгается даже в светлый мир ребенка. Мальчик теряет

в ночи отца, и потребовалось вмешательство Неба, чтобы найти обратную дорогу. Предчувствием блужданий по тупиковым путям Познания отравлена радость бытия в Неведении.

Здесь тоже выступает человеческая разделенность и несвобода от жестокого реального мира. Блейк отверг то облегченное и иллюзорное решение мучившего его конфликта, которое подсказывали идеи возврата к природе, к нравственному и эмоциональному неведению как средству преодоления этой несвободы. Она могла быть преодолена лишь после того, как душа вберет в себя весь горький опыт Познания и преобразит его в согласии с идеалами духовности и красоты, хранимыми каждым до той поры, пока не иссякла присущая человеку творческая способность — Воображение, Видение. Только тогда «истинная душа» будет действительно найдена — и человеком и человечеством.

В мире Блейка полярности Неведения и Познания, пересекаясь, не отрицают друг друга. И в этом признании «противоположных состояний» необходимым условием бытия личности, в этом отказе от соблазнов бегства в гармоничный, бестревожный мир, ибо отдельно от Познания его просто не существует, Блейк решительно расходится с романтической философией жизни, словно бы опережая ее и становясь прямым предшественником поэзии новейшего времени, впервые о себе заявившей уитменовскими «Листьями травы» и лирикой Бодлера.

Его Неведение — не идиллия, окрашивающая детские представления о мире, и не царство осуществленной мечты, пригрезившееся поэту в минуты ничем не омраченной душевной ясности. Это даже и не символ с годами утрачиваемой поэтической настроенности человека, когда ему невозможной кажется сама мысль о разрушении, несогласованности, жестокости — в природе ли, в общественном ли его существовании.

Скорее это некое духовное качество, подспудно хранящаяся память о том, каким является в мир — «взрослый» мир, неизбежный для него, как и для всех, мир Познания, движущийся, полный противоречий, притягивающий и отталкивающий

мир, — каждый человек, каким он создан по законам веры и любви. И каким он должен и остаться, вобрав в себя многоликость, фрагментарность, контрастность действительной жизни и духовно претворив пронизывающую ее этику Своекорыстия в высокую свободу Воображения, ее жестокость — в мудрую доброту, ее аномалию — в завершенную гармонию, доступную ему до тех пор, пока свет его Неведения не погас и окружающая реальность не притупила в нем способности постигать диалектическую, неоднозначную природу вещей.

Путь через Познание должен вести к тому — да не покажется парадоксом — все ведающему Неведению, которое для Блейка означало покоренную вершину, венец усилий в нескончаемой борьбе за целостность человеческого бытия, его свободу, его гуманность, его творческий дух.

Начиная с «Песен Неведения и Познания», все творчество Блейка — поиски надежных подступов к этой вершине, движение по этому тернистому пути, каждым новым своим поворотом заставляющему убедиться, что вершина недостижима. Гуманный идеал оказывался все больше не в ладу с прозаизмом своекорыстной действительности, и усилия Блейка преодолеть этот разрыв — его непоколебимая верность мечте об Иерусалиме, его патетические гимны бунтующему французскому Гению и сбросившей оковы американской Душе, его исканье подлинных рыцарей Воображения, пусть даже в эпохах неблизких, где были такие примеры, как Мильтон, Данте, Иов или блейковский еретический Христос «Вечносущего евангелия» (1810), — вся эта исступленная борьба с бездуховностью времени за истинно духовного человека в итоге завершилась поражением того, кто отважился ее завязать.

Верх брало время, и Блейк выпадал из него, даже посвященным в его искусство казался анахронизмом, да и был им, если под анахронизмом разуметь не отставание от своей эпохи, а ее опережение. В награвированной одновременно с «Песнями Неведения» (1789) «Книге Тэль», одной из самых светлых английских элегий, он уже осмыслил для себя то решение вечно-

го эстетического конфликта художника с будничным миром, которое впоследствии избрали романтики, и отверг его обманчивую простоту. Тэль, нерожденная душа, символ абсолютного Неведения, вступает в действительный мир лишь для того, чтобы тотчас же бежать прочь из этой «немой страны скорбей и слез, где не блеснет улыбка». Первичное Неведение, осознанное незнание, полная свобода от убийственной повседневности, царство фантазии, вознесшейся высоко над землей, — не здесь ли была сфера настоящей Поэзии, незамутненной духовности?

Для Блейка это романтическое построение, им же предугданное, осталось только великой иллюзией; в этом, быть может, и следует видеть первоисток неубывающей творческой значимости его искусства для новых и новых поэтических поколений. В «немой стране скорбей и слез» прошла вся его жизнь — не просто десятилетия существования на грани нищеты, не признанным, не услышанным, «безумным», но духовная жизнь поэта и художника, открывавшего эту страну для общественного сознания, которое лишь очень нескоро оказалось готовым постигнуть пафос блейковских исканий и смысл созданного им художественного языка. Жизнь, полная драматизма, но и великого напряжения творящего Разума, жизнь, ознаменованная никогда не прерывающейся борьбой со всеми догмами, порабощающими человеческий свободный Гений, и конечной неудачей в этой борьбе, но такой неудачей, без которой немислимо представить трудно осуществленный в поэзии сдвиг от XVIII века к новой эпохе, ее коллизиям, психологическому содержанию и потребностям духа.

А. Зверев

Contents

Содержание

CONTENTS

СОДЕРЖАНИЕ

From "Poetical Sketches"

Из книги «Поэтические наброски»

1. Song	48
1. Песня. <i>Перевод С. Я. Маршака</i>	49
<i>Перевод А. В. Парина</i>	502
2. To Spring	50
2. К весне. <i>Перевод В. А. Потаповой</i>	51
3. To Summer	52
3. К лету. <i>Перевод В. А. Потаповой</i>	53
4. To Autumn	54
4. К осени. <i>Перевод В. А. Потаповой</i>	55
5. To Winter.	56
5. К зиме. <i>Перевод В. А. Потаповой</i>	57
6. Mad Song	58
6. Безумная песня. <i>Перевод А. В. Парина</i>	59
7. To the Muses	60
7. К музам. <i>Перевод В. А. Потаповой</i>	61
8. Blind Man's Buff	62
8. Игра в жмурки. <i>Перевод С. Я. Маршака</i>	63
9. Gwin, King of Norway	70
9. Король Гвин. Баллада. <i>Перевод С. Я. Маршака</i>	71
10. From "King Edward the Third"	80
10. Песня менестреля. <i>Перевод А. Шариповой</i>	81

From "An Island in the Moon"

Стихи из «Острова на луне»

11. To be or not to be 86
 11. Быть или не быть, вот в чем... *Перевод В. Л. Топорова* 87
12. Leave, O leave me to my sorrows 90
 12. Предоставь меня печали... *Перевод В. А. Потаповой* 91

Songs of Innocence and of Experience Shewing the Two Contrary States of
 the Human Soul

Песни Неведения и Познания, показывающие два противоположных со-
 стояния человеческой души

Songs of Innocence

Песни Неведения

13. Introduction 96
 13. Вступление. *Перевод С. Я. Маршака* 97
 Перевод В. Л. Топорова 507
14. The Shepherd 102
 14. Пастух. *Перевод С. Я. Маршака* 103
15. The Echoing Green 104
 15. Зеленое ау. *Перевод В. Л. Топорова* 105
 Перевод С. Я. Маршака 508
16. The Lamb 106
 16* Ягненок. *Перевод В. Л. Топорова* 107
 Перевод С. Я. Маршака 509
17. The Little Black Boy 108
 17. Негритенок. *Перевод В. Л. Топорова* 109
 Перевод С. Я. Маршака 510
18. The Blossom 110
 18. Цветок. *Перевод В. Б. Микушевича* 111
19. The Chimney Sweeper 112
 19* Маленький трубочист. *Перевод В. Л. Топорова* 113
 Перевод С. Я. Маршака 512
20. The Little Boy Lost 114
 20* Заблудившийся мальчик. *Перевод В. Л. Топорова* 115
 Перевод С. Я. Маршака 513

21. The Little Boy Found	116
21.* Мальчик найденный. <i>Перевод В. Л. Топорова</i>	117
<i>Перевод С. Я. Маршака</i>	514
22. Laughing Song	118
22. Смеющаяся песня. <i>Перевод С. Я. Маршака</i>	119
23. A Cradle Song	120
23. Колыбельная песня. <i>Перевод К. Д. Бальмонта</i>	121
24. The Divine Image	124
24. По образу и подобию. <i>Перевод В. Л. Топорова</i>	125
25. Holy Thursday	126
25. Святой четверг. <i>Перевод В. Л. Топорова</i>	127
<i>Перевод С. Я. Маршака</i>	514
26. Night	128
26. Ночь. <i>Перевод С. Я. Маршака</i>	129
* <i>Перевод В. Л. Топорова</i>	515
27. Spring	132
27. Весна. <i>Перевод С. Я. Маршака</i>	133
28. Nurse's Song	134
28. Нянюшкина песня. <i>Перевод В. Б. Микушевича</i>	135
29. Infant Joy	136
29. Дитя-радость. <i>Перевод С. Я. Маршака</i>	137
30. A Dream	138
30. Сон. <i>Перевод В. Л. Топорова</i>	139
31. On Another's Sorrow	140
31. О скорби ближнего. <i>Перевод С. Я. Маршака</i>	141

Songs of Experience
Песни Познания

32. Introduction	146
32. Вступление. <i>Перевод В. Л. Топорова</i>	147

33. Earth's Answer	148
33. Ответ Земли. <i>Перевод В. Л. Топорова</i>	149
34. The Clod and the Pebble	150
34. Ком Земли и Камень. <i>Перевод В. Л. Топорова</i>	151
35. Holy Thursday	152
35.* Святой четверг. <i>Перевод В. Л. Топорова</i>	153
<i>Перевод С. Я. Маршака</i>	518
36. The Little Girl Lost	154
36. Заблудшая дочь. <i>Перевод В. Б. Микушевича</i>	155
37. The Little Girl Found	158
37. Обретенная дочь. <i>Перевод В. Б. Микушевича</i>	159
38. The Chimney Sweeper	162
38. Маленький трубочист. <i>Перевод В. Л. Топорова</i>	163
39. Nurse's Song	164
39. Нянюшкина песня. <i>Перевод В. Б. Микушевича</i>	165
40. The Sick Rose	166
40. Больная роза. <i>Перевод В. А. Погаповой</i>	167
<i>Перевод А. В. Парина</i>	520
41. The Fly	168
41.* Мотылек. <i>Перевод В. Л. Топорова</i>	169
<i>Перевод С. Я. Маршака</i>	520
42. The Angel	170
42. Ангел. <i>Перевод В. Л. Топорова</i>	171
43. The Tyger	172
43. Тигр. <i>Перевод В. Л. Топорова</i>	173
<i>Перевод К. Д. Бальмонта</i>	522
<i>Перевод С. Я. Маршака</i>	522
44. My Pretty Rose-Tree	174
44. Мой розовый куст. <i>Перевод В. Л. Топорова</i>	175
45. Ah! Sun-flower! weary of time	176
45. Ах! Подсолнух! что за жребий... <i>Перевод В. Л. Топорова</i>	177

From "The Rossetti Manuscript"
Из «Манускрипта Россетти»

(1789—1793)

58. Never seek to tell thy love	208
58. Словом высказать нельзя... <i>Перевод С. Я. Маршака</i>	209
* <i>Перевод В. Л. Топорова</i>	527
59. I saw a Chapel all of gold	210
59.* Предстал мне Златоглавый Храм... <i>Перевод В. Л. Топорова</i>	211
<i>Перевод В. А. Потановой</i>	528
60. I askèd a thief to steal me a peach	212
60. Вора просил я персик украсть... <i>Перевод В. А. Потановой</i>	213
61. I heard an Angel singing	214
61. Я слышал ангела пенье... <i>Перевод В. А. Потановой</i>	215
62. A Cradle Song	216
62.* Колыбельная. <i>Перевод В. Л. Топорова</i>	217
63. I fear'd the fury of my wind	218
63. Страхился я: мой вихрь убьет... <i>Перевод В. А. Потановой</i>	219
64. Infant Sorrow	220
64. Дитя-горе. <i>Перевод В. Л. Топорова</i>	221
65. Thou hast a lap full of seed	224
65. Зерна у тебя в подоле... <i>Перевод В. А. Потановой</i>	225
66. In a Mirtle Shade	226
66. Под миртовым деревом. <i>Перевод В. А. Потановой</i>	227
67. To Nobodaddy	228
67.* Отцу, не породившему сына. <i>Перевод В. Л. Топорова</i>	229
<i>Перевод В. А. Потановой</i>	530
68. The Wild Flower's Song	230
68. Песня дикого цветка. <i>Перевод С. Я. Маршака</i>	231
69. O lapwing! thou fliest around the heath	232
69. О чибис! Ты видишь внизу пустополе... <i>Перевод В. А. Потановой</i> 233	

70. Soft Snow	234
70. Мягкий снег. <i>Перевод В. А. Потановой</i>	235
71. Merlin's Prophecy	236
71. Пророчество Мерлина. <i>Перевод В. А. Потановой</i>	237
72. Day	238
72. День. <i>Перевод В. А. Потановой</i>	239
73. Why should I care for the men of Thames	240
73. Темза и Огайо. <i>Перевод В. А. Потановой</i>	241
74. Abstinence sows sand all over	242
74. Пламень волос и румяную плоть... <i>Перевод В. А. Потановой</i>	243
75. If you trap the moment before it's ripe	244
75. Схватив за вихор прежде времени случай... <i>Перевод В. А. Потановой</i>	245
76. He who bends to himself a Joy	246
76. Летучая радость. <i>Перевод С. Я. Маршака</i>	247
77. Riches	248
77. Богатство. <i>Перевод С. Я. Маршака</i>	249
78. An Answer to the Parson	250
78. Разговор духовного отца с прихожанином. <i>Перевод С. Я. Маршака</i>	251
79. Soft deceit & idleness	252
79. Лениость и обман блаженный... <i>Перевод В. А. Потановой</i>	253
80. Let the Brothels of Paris be opened	254
80. Двери настезь, парижские бордели!.. <i>Перевод В. Л. Топорова</i>	255
(1800—1803)	
81. My Spectre around me night and day	258
81.* Спектр и эманация. <i>Перевод В. Л. Топорова</i>	259
<i>Перевод В. А. Потановой</i>	532
82. When Klopstock England defied	264
82.* Клопшток Англию хулил как хотел... <i>Перевод В. Л. Топорова</i>	265

83. Mock on, mock on, Voltaire, Rousseau	266
83. Живей, Вольтер! Смелей, Руссо!.. <i>Перевод В. Л. Топорова</i>	267
84. When a man has married a wife	268
84. Пока не женимся... <i>Перевод С. Я. Маршака</i>	269
85. On the Virginity of the Virgin Mary and Johanna Southcott	270
85. О девственности девы Марии и Джоанны Саускотт. <i>Перевод В. А. Потаповой</i>	271
86. Morning	272
86. Утро. <i>Перевод С. Я. Маршака</i>	273
87. Now Art has lost its mental charms	274
87.* Утратило искусство свой... <i>Перевод В. Л. Топорова</i>	275

(1808—1811)

88. To F[lahman]	276
88. Моему хулителю. <i>Перевод С. Я. Маршака</i>	277
89. Here lies John Trot, the friend of all mankind	278
89. Ни одного врага всеобщий друг, Джон Трот... <i>Перевод В. А. Потаповой</i>	279
90. I was buried near this dyke	280
90. Эпитафия. <i>Перевод С. Я. Маршака</i>	281
91. My title as a genius thus is prov'd	282
91. Теперь попробуйте сказать, что я не гениален... <i>Перевод В. А. Потаповой</i>	283
92. Grown old in Love	284
92. Всю жизнь любовью пламенной сгорая... <i>Перевод С. Я. Маршака</i>	285
93. All pictures that's panted with sense and with thought	286
93. Чувства и мысли в картине нашедший... <i>Перевод В. А. Потаповой</i>	287
94. Why was Cupid a boy	288
94. Купидон. <i>Перевод В. А. Потаповой</i>	289
95. I askèd my dear friend Orator Prig	290
95. Что оратору нужно?.. <i>Перевод С. Я. Маршака</i>	291

96. Having given great offence by writing in prose 292
 96. Блейк в защиту своего Каталога. *Перевод В. А. Потаповой* 293
97. Some people admire the work of a fool 294
 97. Творенье дурака по вкусу многим людям... *Перевод В. А. Потаповой* 295
98. Since all the riches of this world 296
 98. О благодарности. *Перевод С. Я. Маршака* 297
99. I rose up at the dawn of day 298
 99. Я встал, когда редела ночь... *Перевод С. Я. Маршака* 299

The Pickering Manuscript
 Манускрипт Пикеринга

(1800—1803)

100. The Smile 300
 100. Улыбка. *Перевод А. В. Парина* 301
 * *Перевод В. Л. Топорова* 538
101. The Golden Net 302
 101. Златая сеть. *Перевод В. А. Потаповой* 303
102. The Mental Traveller 304
 102. Странствие. *Перевод В. Л. Топорова* 305
103. The Land of Dreams 312
 103. Юдоль грез. *Перевод В. Л. Топорова* 313
104. Mary 314
 104. Мэри. *Перевод С. Я. Маршака* 315
105. The Crystal Cabinet 318
 105.* Хрустальная шкатулка. *Перевод В. Л. Топорова* 319
Перевод С. Я. Маршака 541
106. The Grey Monk 320
 106. Серый монах. *Перевод В. Л. Топорова* 321
107. Auguries of Innocence 324
 107.* Изречения невинности. *Перевод В. Л. Топорова* 325

108. Long John Brown and Little Mary Bell	332
108. Длинный Джон Браун и малютка Мэри Бэлл. <i>Перевод С. Я. Маршака</i>	333
109. William Bond	334
109. Вильям Бонд. <i>Перевод В. Л. Топорова</i>	335
The Book of Thel	340
Книга Тэль. <i>Перевод С. Я. Маршака</i>	341
The Marriage of Heaven and Hell	350
Бракосочетание Рая и Ада. <i>Перевод А. Я. Сергеева</i>	351
Visions of the Daughters of Albion	384
Видения дочерей Альбиона. <i>Перевод А. Я. Сергеева</i>	385
The French Revolution	402
* Французская революция. <i>Перевод В. Л. Топорова</i>	403
America	442
* Америка. <i>Перевод В. Л. Топорова</i>	443
Europe	466
* Европа. <i>Перевод В. Л. Топорова</i>	467
From "Milton"	490
Из поэмы «Мильтон». <i>Перевод С. Я. Маршака</i>	491
Комментарии	497
Даты жизни и творчества Блейка	556

Selected
Verse

СТИХИ

FROM
"POETICAL SKETCHES"

1. SONG

How sweet I roam'd from field to field
And tasted all the summer's pride,
Till I the Prince of Love beheld
Who in the sunny beams did glide!

He show'd me lilies for my hair,
And blushing roses for my brow;
He led me through his gardens fair
Where all his golden pleasures grow.

With sweet May dews my wings were wet,
And Phoebus fir'd my vocal rage;
He caught me in his silken net,
And shut me in his golden cage.

He loves to sit and hear me sing,
Then, laughing, sports and plays with me.
Then stretches out my golden wing,
And mocks my loss of liberty.

ИЗ КНИГИ «ПОЭТИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ»

1. ПЕСНЯ

В полях порхая и кружась,
Как был я счастлив в блеске дня,
Пока любви прекрасный князь
Не кинул взора на меня.

Мне в кудри лилии он вплел,
Украсил розами чело,
В свои сады меня повел,
Где столько тайных нег цвело.

Восторг мой Феб воспламенил,
И, упоенный, стал я петь...
А он меж тем меня пленил,
Раскинув шелковую сеть.

Мой князь со мной играет зло.
Когда пою я перед ним,
Он расправляет мне крыло
И рабством тешится моим.

Перевод С. Я. Маршака

2. TO SPRING

O thou with dewy locks, who lookest down
Thro' the clear windows of the morning, turn
Thine angel eyes upon our western isle,
Which in full choir hails thy approach, O Spring!

The hills tell each other, and the list'ning
Valleys hear; all our longing eyes are turnèd
Up to thy bright pavilions: issue forth,
And let thy holy feet visit our clime.

Come o'er the eastern hills, and let our winds
Kiss thy perfumèd garments; let us taste
Thy morn and evening breath; scatter thy pearls
Upon our love-sick land that mourns for thee.

O deck her forth with thy fair fingers; pour
Thy soft kisses on her bosom; and put
Thy golden crown upon her languish'd head,
Whose modest tresses were bound up for thee.

2. К ВЕСНЕ

О светлый Гений с влажными кудрями,
Глядящий из промытых окон утра!
Ты взором ангельских очей окинь
Наш остров западный: он ждет Весны!

Перекликаются холмы и доли;
Глаза на твой блистающий шатер
Устремлены: в наш край стопой святой
Шагни через восточную гряду!

Нам утренним дыханьем и вечерним
Упиться дай! Пускай целуют ветры
Твою благоуханную одежду.
Земля полна истомы. Жемчугами

Укрась и поцелуями осыпь
Ей грудь, перстами чудными надень
Златой венец на голову, чьи косы
Стыдливо для тебя расплетены.

Перевод В. А. Потаповой

3. TO SUMMER

O thou who passest thro' our valleys in
Thy strength, curb thy fierce steeds, allay the heat
That flames from their large nostrils! thou, O Summer,
Oft pitched'st here thy golden tent, and oft
Beneath our oaks hast slept, while we beheld
With joy thy ruddy limbs and flourishing hair.

Beneath our thickest shades we oft have heard
Thy voice, when noon upon his fervid car
Rode o'er the deep of heaven; beside our springs
Sit down, and in our mossy valleys, on
Some bank beside a river clear, throw thy
Silk draperies off, and rush into the stream:
Our valleys love the Summer in his pride.

Our bards are fam'd who strike the silver wire:
Our youth are bolder than the southern swains:
Our maidens fairer in the sprightly dance:
We lack not songs, nor instruments of joy,
Nor echoes sweet, nor waters clear as heaven,
Nor laurel wreaths against the sultry heat.

3. К ЛЕТУ

С твоим вторженьем к нам в долины, Лето,
Ты жаром пышущих коней сдержи,
Умерь из ноздрей летящий пламень!
Когда в золотых шатрах, среди дубов,
Тебя клонило в сон, цветущим телом
И роскошью кудрей мы любовались.

Мы слушали твой голос в гуще леса,
Когда по небу в знойной колеснице
Катился полдень. У ручья присядь
Иль у реки, в долине мшистой, сбрось
Одежды мягкий шелк и прыгни в воду
Прозрачную. Во всем великолепии,
Тебя долины наши любят, Лето!

Из серебра у наших бардов струны.
Южан отважней наши храбрецы.
Никто не пляшет лучше наших дев.
У нас есть песни, сладостное эхо,
И реки, светлые как небеса,
И лавролиственных венков прохлада.

Перевод В. А. Потаповой

4. TO AUTUMN

O Autumn, laden with fruit, and stained
With the blood of the grape, pass not, but sit
Beneath my shady roof; there thou may'st rest,
And tune thy jolly voice to my fresh pipe,
And all the daughters of the year shall dance!
Sing now the lusty song of fruits and flowers.

'The narrow bud opens her beauties to
The sun, and love runs in her thrilling veins;
Blossoms hang round the brows of Morning, and
Flourish down the bright cheek of modest Eve,
Till clust'ring Summer breaks forth into singing,
And feather'd clouds strew flowers round her head.

'The spirits of the air live on the smells
Of fruit; and Joy, with pinions light, roves round
The gardens, or sits singing in the trees.'
Thus sang the jolly Autumn as he sat;
Then rose, girded himself, and o'er the bleak
Hills fled from our sight; but left his golden load.

4. К ОСЕНИ

Запятнанная кровью винограда,
Отягощенная плодами Осень,
Мой кров укромный не минуй, настрой
Свой голос в лад моей свирели свежей,
Чтоб года лучшим дочерям плясать!
Спой песню о цветах, плодах и злаках.

«Тугой бутон раскрыл светилу полдня
Свои красы; по всем прожилкам с дрожью
Текла любовь! Цветы венков свисали
Над лбом рассвета и зари вечерней
Стыдливymi щеками. Разразилось
Под перистыми облаками Лето.

Воздушных духов кормит сладкий запах
Плодов; снует на легких крыльях радость
По саду, заливаясь меж ветвей».
Так пела Осень у меня в гостях,
Но молча за угрюмые холмы
Ушла, златую ношу сбросив с плеч.

Перевод В. А. Потаповой

5. TO WINTER

'O Winter! bar thine adamantine doors:
The north is thine; there hast thou built thy dark
Deep-founded habitation. Shake not thy roofs,
Nor bend thy pillars with thine iron car.'

He hears me not, but o'er the yawning deep
Rides heavy; his storms are unchain'd, sheathèd
In ribbèd steel; I dare not lift mine eyes,
For he hath rear'd his sceptre o'er the world.

Lo! now the direful monster, whose skin clings
To his strong bones, strides o'er the groaning rocks:
He withers all in silence, and in his hand
Unclothes the earth, and freezes up frail life.

He takes his seat upon the cliffs,—the mariner
Cries in vain. Poor little wretch, that deal'st
With storms!—till heaven smiles, and the monster
Is driv'n yelling to his caves beneath mount Hecla.

5. К ЗИМЕ

Зима, замкни алмазные врата!
На Севере уходит в глубь земли
Твой мрачный кров. Не сотрясай его,
Не гни подпор железной колесницей.

Не слышит! Над зияющей бездной
Несется тяжело, свой грозный скиптер
Воздев и стаю бурь спустив с цепи.
Окованы они ребристой сталью.

Но чу! Страшилище шагает — кожа
Да кости, — а под ним утесы стонут.
Вот-вот разденет землю, чтоб морозом
Дыханье жизни хрупкой умертвить.

Оно садится на скалу. Злосчастный,
Со штормом бьется мореход, пока
Улыбка небо озарит и рухнет
Чудовище в провалы Геклы с воем.

Перевод В. А. Потаповой

6. MAD SONG

The wild winds weep,
And the night is a-cold;
Come hither, Sleep,
And my griefs unfold:
But lo! the morning peeps
Over the eastern steeps,
And the rustling beds of dawn
The earth do scorn.

Lo! to the vault
Of pavèd heaven,
With sorrow fraught
My notes are driven:
They strike the ear of night,
Make weep the eyes of day;
They make mad the roaring winds,
And with tempests play.

Like a fiend in a cloud,
With howling woe
After night I do crowd,
And with night will go;
I turn my back to the east
From whence comforts have increas'd;
For light doth seize my brain
With frantic pain.

6. БЕЗУМНАЯ ПЕСНЯ

В клоках небосклон,
 Студеный и лютой.
Коснись меня, Сон,
 Печали распутай!
Но щурится заря,
 Восток животворя.
Щебетание утренних птах
Занялось в небесах.

И в полог угрюмый,
 В шатер небоската
Летят мои думы,
 Печалью чреваты,
Смущая ночи слух
 И взоры солнцу застя,
И вселяют безумную ярость
В бушеванье ненастья.

Как морок, плыву
 И в туче рыдаю.
Я ночью живу —
 Наутро истаю.
К востоку спиной повернусь,
Приманкой его не прельщусь,
Ибо свет обжигает мой мозг,
Как расплавленный воск.

Перевод А. В. Парина

7. TO THE MUSES

Whether on Ida's shady brow,
Or in the chambers of the East,
The chambers of the sun, that now
From ancient melody have ceas'd;

Whether in Heaven ye wander fair,
Or the green corners of the earth,
Or the blue regions of the air
Where the melodious winds have birth;

Whether on crystal rocks ye rove,
Beneath the bosom of the sea
Wand'ring in many a coral grove,
Fair Nine, forsaking Poetry!

How have you left the ancient love
That bards of old enjoy'd in you!
The languid strings do scarcely move!
The sound is forc'd, the notes are few!

7. К МУЗАМ

На склонах Иды затененных,
В чертогах, что Восток воздвиг, —
В покоях, солнцем напоенных,
Где песнопений смолк язык,

Вы обретаетесь, богини,
Иль в небесах, среди миров?
Иль в тех слоях, где воздух синий
Рождает музыку ветров?

Или под лоном вод зеркальных
Вы, девять богоравных дев,
Средь рощ коралла, скал хрустальных
Сошлись, поэзию презрев?

Как вы могли забыть о чудной
Любви к певцам ушедших лет?
Ослабли струны, звуки скудны,
Нот мало, искренности нет!

Перевод В. А. Потаповой

8. BLIND MAN'S BUFF

When silver snow decks Susan's clothes,
And jewel hangs at th' shepherd's nose,
The blushing bank is all my care,
With hearth so red, and walls so fair;
'Heap the sea-coal, come, heap it higher,
The oaken log lay on the fire.'

The well-wash'd stools, a circling row,
With lad and lass, how fair the show!

The merry can of nut-brown ale,
The laughing jest, the love-sick tale,
Till, tir'd of chat, the game begins.

The lasses prick the lads with pins;
Roger from Dolly twitch'd the stool,
She, falling, kiss'd the ground, poor fool!

She blush'd so red, with side-long glance
At hob-nail Dick, who griev'd the chance.

But now for Blind man's Buff they call;

8. ИГРА В ЖМУРКИ

Только снег разоденет Сусанну в меха
И повиснет алмаз на носу пастуха,
Дорога́ мне скамья пред большим очагом
Да огнем озаренные стены кругом.

Горою уголь громоздите,
А поперек бревно кладите.
И табуретки ставьте в круг
Для наших парней и подруг.

В бочонке эль темней ореха,
Любовный шепот. Взрывы смеха,
Когда ж наскучит болтовня,
Затеем игры у огня.

Девчонки шустрые ребят
Кольнуть булавкой норовят.
Но не в долгу у них ребята —
Грозит проказницам расплата.

Вот Роджер бровью подмигнул
И утащил у Долли стул.
И вот, не ждавшая подвоха,
Поцеловала пол дуреха!
Потом оправила наряд,
На Джона бросив томный взгляд.

Джон посочувствовал девчурке.
Меж тем играть решили в жмурки
И стали быстро убирать
Все, что мешало им играть.

Of each encumbrance clear the hall—
Jenny her silken 'kerchief folds,
And blear-eyed Will the black lot holds.

Now laughing stops, with 'Silence! hush!'
And Peggy Pout gives Sam a push.

The Blind man's arms, extended wide,
Sam slips between:—'O woe betide
Thee, clumsy Will!'—But titt'ring Kate
Is penn'd up in the corner straight!

And now Will's eyes beheld the play;
He thought his face was t'other way.

'Now, Kitty, now! what chance hast thou,
Roger so near thee!—Trips, I vow!'

She catches him—then Roger ties
His own head up—but not his eyes;
For thro' the slender cloth he sees,
And runs at Sam, who slips with ease
His clumsy hold; and, dodging round,
Sukey is tumbled on the ground!—
'See what it is to play unfair!

Платок сложила Мэг два раза
И завязала оба глаза
Косому Виллу для того,
Чтоб он не видел ничего.

Чуть не схватил он Мэг за платье,
А Мэг, смеясь, к нему в объятия
Толкнула Роджера, но Вилл
Из рук добычу упустил.

Девчонки дразнят ротозея:
«Лови меня! Лови скорее!»
И вот, измаявшись вконец,
Бедняжку Кэт настиг слепец.
Он по пятам бежал вдогонку
И в уголок загнал девчонку.

— Попалась, Кэтти? Твой черед
Ловить того, кто попадет!
Смотри, вот Роджер, Роджер близко!.. —
И Кэтти быстро, словно киска,
В погоню кинулась за ним.
(Ему подставил ножку Джим.)

Надев платок, он против правил
Глаза свободными оставил.
И, глядя сквозь прозрачный шелк,
Напал на Джима он, как волк,
Но Джим ему не дался в руки
И с ног свалил малютку Сьюки.
Так не доводит до добра
Людей бесчестная игра!..

Но тут раздался дружный крик:
«Он видит, видит!» — крикнул Дик.

Where cheating is, there's mischief there.'
But Roger still pursues the chase,—
'He sees! he sees!' cries, softly, Grace;
'O Roger, thou, unskill'd in art,
Must, surer bound, go thro' thy part!

Now Kitty, pert, repeats the rimes,
And Roger turns him round three times,
Then pauses ere he starts—but Dick
Was mischief bent upon a trick;
Down on his hands and knees he lay
Directly in the Blind man's way,
Then cries out 'Hem!' Hodge heard, and ran
With hood-wink'd chance—sure of his man;
But down he came.—Alas, how frail
Our best of hopes, how soon they fail!

With crimson drops he stains the ground;
Confusion startles all around.

Poor piteous Dick supports his head,
And fain would cure the hurt he made;
But Kitty hasted with a key,
And down his back they straight convey
The cold relief; the blood is stay'd
And Hodge again holds up his head.
Such are the fortunes of the game,

«Ай да слепец!» — кричат ребята.
Не спорит Роджер виноватый.

И вот, как требует устав,
На Роджера наложен штраф:
Суровый суд заставил плута
Перевернуться трижды круто.
И, отпустив ему грехи,
Вертушка Кэт прочла стихи,
Чтобы игру начать сначала.
«Лови!» — вертушка закричала.

Слепец помчался напрямик,
Но он не знал, что хитрый Дик
Коварно ждет его в засаде
На четвереньках — шутки ради.

Он так и грохнулся... Увы!
Все наши планы таковы.
Не знает тот, кто счастье ловит,
Какой сюрприз судьба готовит...

Едва в себя слепец пришел
И видит: кровью залит пол.
Лицо ощупал он рукою —
Кровь из ноздрей бежит рекою.
Ему раскаявшийся Дик
Расстегивает воротник,
А Сэм несет воды холодной.
Но все старанья их бесплодны.
Кровь так и льет, как дождь из туч,
Пока не приложили ключ
К затылку раненого. (С детства
Нам всем знакомо это средство!)

And those who play should stop the same
By wholesome laws; such as all those
Who on the blinded man impose
Stand in his stead; as, long a-gone,
When men were first a nation grown,
Lawless they liv'd, till wantonness
And liberty began t' increase,
And one man lay in another's way:
Then laws were made to keep fair play.

Вот что случается порой,
Когда плутуют за игрой.
Создать для плутовства препоны
Должны разумные законы.
Ну, например, такой закон
Быть должен строго соблюден:
Пусть люди, что других обманут,
На место потерпевших станут.

Давным-давно — в те времена,
Когда людские племена
На воле жили, —нашим дедам
Был ни один закон неведом.
Так продолжалось до тех пор,
Покуда не возник раздор,
И ложь, и прочие пороки, —
Стал людям тесен мир широкий.
Тогда сказать пришла пора:
— Пусть будет честная игра!

Перевод С. Я. Маршака

9. GWIN, KING OF NORWAY

Come, kings, and listen to my song:
When Gwin, the son of Nore,
Over the nations of the North
His cruel sceptre bore;

The nobles of the land did feed
Upon the hungry poor;
They tear the poor man's lamb, and drive
The needy from their door.

'The land is desolate; our wives
And children cry for bread;
Arise, and pull the tyrant down!
Let Gwin be humblèd!'

Gordred the giant rous'd himself
From sleeping in his cave;
He shook the hills, and in the clouds
The troubl'd banners wave.

Beneath them roll'd, like tempests black,
The num'rous sons of blood;
Like lions' whelps, roaring abroad,
Seeking their nightly food.

Down Bleron's hills they dreadful rush,
Their cry ascends the clouds;
The trampling horse and clanging arms
Like rushing mighty floods!

9. КОРОЛЬ ГВИН

Баллада

Внемлите песне, короли!
Когда норвежец Гвин
Народов северной земли
Был грозный властелин,

В его владеньях нищету
Обкрадывала знать.
Овцу последнюю — и ту
Старались отобрать.

«Не кормит нищая земля
Больных детей и жен.
Долой тирана-короля,
Пускай покинет трон!»

Проснулся Гордред между скал,
Тирана лютей враг,
И над землей затрепетал
Его мятежный стяг.

За ним идут сыны войны
Лавиною сплошной,
Как львы, сильны и голодны,
На промысел ночной.

Через холмы их путь лежит,
Их клич несется ввысь.
Оружья лязг и дробь копыт
В единый гул слились.

Идет толпа детей и жен
Из сел и деревень,
И яростно звучит их стон
В железный зимний день.

Звучит их стон как волчий вой.
В ответ гудит земля.
Народ идет за головой
Тирана-короля.

От башни к башне мчится весть
По всей большой стране:
«Твоих противников не счесть.
Готовься, Гвин, к войне!»

Норвежец щит подымлет свой
И витязей зовет,
Подобных туче грозовой,
В которой гром живет.

Как плиты, что стоймя стоят
На кладбище немом,
Стоит бойцов безмолвный ряд
Пред грозным королем.

Они стоят пред королем,
Недвижны, как гранит,
Но вот один взмахнул копьем,
И сталь о сталь звенит.

Оставил земледелец плуг,
Рабочий — молоток,
Сменил свирель свою пастух
На боевой рожок.

Like the tall ghost of Barraton
Who sports in stormy sky,
Gwin leads his host, as black as night
When pestilence does fly,

With horses and with chariots—
And all his spearmen bold
March to the sound of mournful song,
Like clouds around him roll'd.

Gwin lifts his hand—the nations halt,
'Prepare for war!' he cries—
Gordred appears!—his frowning brow
Troubles our northern skies.

The armies stand, like balances
Held in th' Almighty's hand;—
'Gwin, thou hast fill'd thy measure up:
Thou'rt swept from out the land.'

And now the raging armies rush'd
Like warring mighty seas;
The heav'ns are shoök with roaring war,
The dust ascends the skies!

Earth smokes with blood, and groans and shakes
To drink her children's gore,
A sea of blood; nor can the eye
See to the trembling shore!

And on the verge of this wild sea
Famine and death doth cry;
The cries of women and of babes
Over the field doth fly.

Король войска свои ведет,
Как грозный призрак тьмы,
Как ночь, которая несет
Дыхание чумы.

И колесницы и войска
Идут за королем,
Как грозовые облака,
Скрывающие гром.

— Остановитесь! — молвил Гвин
И указал вперед. —
Смотрите, Гордред-исполин
Навстречу нам идет!..

Стоят два войска, как весы,
Послушные судьбе.
Король, последние часы
Отпущены тебе.

Настало время — и сошлись
Заклятых два врага,
И конница взметает ввысь
Сыпучие снега.

Вся содрогается земля
От грохота шагов.
Людская кровь поит поля —
И нет ей берегов.

Летают голод и нужда
Над грудой мертвых тел.
Как много горя и труда
Для тех, кто уцелел!

The King is seen raging afar,
With all his men of might;
Like blazing comets scattering death
Thro' the red fev'rous night.

Beneath his arm like sheep they die,
And groan upon the plain;
The battle faints, and bloody men
Fight upon hills of slain.

Now death is sick, and riven men
Labour and toil for life;
Steed rolls on steed, and shield on shield,
Sunk in this sea of strife!

The god of war is drunk with blood;
The earth doth faint and fail;
The stench of blood makes sick the heav'ns;
Ghosts glut the throat of hell!

O what have kings to answer for
Before that awful throne;
When thousand deaths for vengeance cry,
And ghosts accusing groan!

Like blazing comets in the sky
That shake the stars of light,
Which drop like fruit unto the earth
Thro' the fierce burning night;

Like these did Gwin and Gordred meet,
And the first blow decides;
Down from the brow unto the breast
Gordred his head divides!

Король полки бросает в бой.
Сверкают их мечи
Лучом кометы огневой,
Блуждающей в ночи.

Живые падают во прах,
Как под серпом жнецов.
Другие бьются на костях
Бессчетных мертвецов.

Вот конь под всадником убит.
И падают, звеня,
Конь на коня, и щит на щит,
И на броню броня.

Устал кровавый бог войны.
Он сам от крови пьян.
Смердящий пар с полей страны
Восходит, как туман.

О, что ответят короли,
Представ на Страшный суд,
За души тех, что из земли
О мести вопиют!

Не две хвостатые звезды
Столкнулись меж собой,
Рассыпав звезды, как плоды
Из чаши голубой.

То Гордред, горный исполин,
Шагая по телам,
Настиг врага — и рухнул Гвин,
Разрублен пополам.

Gwin fell: the sons of Norway fled,
All that remain'd alive;
The rest did fill the vale of death,
For them the eagles strive.

The river Dorman roll'd their blood
Into the northern sea;
Who mourn'd his sons, and overwhelm'd
The pleasant south country.

Исчезло воинство его.
Кто мог, живым ушел.
А кто остался, на того
Косматый сел орел.

А реки кровь и снег с полей
Умчали в океан,
Чтобы оплакал сыновей
Бурливый великан.

Перевод С. Я. Маршака

10. FROM "KING EDWARD THE THIRD"

O sons of Trojan Brutus, cloth'd in war,
 Whose voices are the thunder of the field,
 Rolling dark clouds o'er France, muffling the sun
 In sickly darkness like a dim eclipse,
 Threatening as the red brow of storms, as fire
 Burning up nations in your wrath and fury!

Your ancestors came from the fires of Troy,
 (Like lions rous'd by light'ning from their dens,
 Whose eyes do glare against the stormy fires),
 Heated with war, fill'd with the blood of Greeks,
 With helmets hewn, and shields coverèd with gore,
 In navies black, broken with wind and tide:

They landed in firm array upon the rocks
 Of Albion; they kiss'd the rocky shore;
 'Be thou our mother and our nurse,' they said;
 'Our children's mother, and thou shalt be our grave,
 The sepulchre of ancient Troy, from whence
 Shall rise cities, and thrones, and arms, and awful pow'rs.'

Our fathers swarm from the ships. Giant voices
 Are heard from the hills, the enormous sons
 Of Ocean run from rocks and caves, wild men,
 Naked and roaring like lions, hurling rocks,
 And wielding knotty clubs, like oaks entangled
 Thick as a forest, ready for the axe.

Our fathers move in firm array to battle;
 The savage monsters rush like roaring fire,
 Like as a forest roars with crackling flames,
 When the red lightning, borne by furious storms,

10. ПЕСНЯ МЕНЕСТРЕЛЯ

О сыновья троянских беглецов,
От ваших голосов громopodobных
На галльском небе облака сгустились
И в сумраке ужасного затмения
Явился алый диск, предвестник бурь,
Чреватых погребением народов.

Из Илиона вышли ваши предки
(Они, как львы пещер, на свет рычали,
Метали взоры молниям навстречу,
И греческая кровь играла в жилах)
В тяжелых шлемах, в боевых доспехах,
На утлых кораблях, разбитых ветром.

Они бросали якоря у скал,
И целовали берег Альбиона,
И причитали: «Матерью нам будь,
Вскорми, вспои нас и прими останки,
И стань гробницей сокрушенной Трои,
И дай в наследство города и троны».

Они пустились вплавь от кораблей.
Тогда со стороны донесся шум:
Чудовищные дети океана
Неслись навстречу от пещер и скал,
Ревели, словно львы,— но вдруг застыли,
Как лес густой, готовый к топору.
В доспехах медных в битву шли отцы.
Чудовища рванулись напролом,
Как пламя, провожаемое ветром,
Как молнии, рожденные раздором,

Lights on some woody shore; the parchèd heavens
Rain fire into the molten raging sea.

The smoking trees are strewn upon the shore,
Spoil'd of their verdure. O how oft have they
Defy'd the storm that howlèd o'er their heads!
Our fathers, sweating, lean on their spears, and view
The mighty dead: giant bodies streaming blood.
Dread visages frowning in silent death.

Then Brutus spoke, inspir'd; our fathers sit
Attentive on the melancholy shore:
Hear ye the voice of Brutus—'The flowing waves
Of time come rolling o'er my breast,' he said;
'And my heart labours with futurity:
Our sons shall rule the empire of the sea.

'Their mighty wings shall stretch from east to west.
Their nest is in the sea, but they shall roam
Like eagles for the prey; nor shall the young
Crave or be heard; for plenty shall bring forth,
Cities shall sing, and vales in rich array
Shall laugh, whose fruitful laps bend down with fulness.

'Our sons shall rise from thrones in joy,
Each one buckling on his armour; Morning
Shall be prevented by their swords gleaming,
And Evening hear their song of victory:
Their towers shall be built upon the rocks,
Their daughters shall sing, surrounded with shining spears.

'Liberty shall stand upon the cliffs of Albion,
Casting her blue eyes over the green ocean;

Как ниспадение раскаленных звезд
На ледяную пену океана.

И рухнули деревья с плоскогорья,
И капли крови дрогнули на листьях.
О, сколько бурь им отразить пришлось!
И ваши предки хмуро созерцали
Величье смерти, муки великанов,
Испуг в глазах, смертельный взлет бровей.

И вышел Брут. Отцы, ему внимая,
На берегах меланхолии сидели.
И молвил Брут: «Непрочная волна,
Волна времен играет надо мной,
Но с будущим сотрудничает сердце:
Моим сынам покорно будет море.

Они протянут мощные крыла
С востока на закат и будут жить,
Не жалуясь и жалобам не внемля.
Они потомкам счастье принесут:
Здесь встанут города, и ветви яблонь
Надломятся под тяжестью плодов.

И юноши поднимутся на тронах,
И каждый обвенчается с любимой.
Они проснутся под бряцанье копий,
Победный марш им будет колыбельной,
Они построят замки на вершинах
И дочерей оружием оградят.

И на седые горы Альбиона
Придет голубоглазая свобода,

Or, tow'ring, stand upon the roaring waves,
Stretching her mighty spear o'er distant lands;
While, with her eagle wings, she covereth
Fair Albion's shore, and all her families.

Возвышенная, встанет над волнами,
И мощное копьё направит вдаль,
И крыльями огромными накроет
И подданных своих, и эту землю».

Перевод А. Шараповой

FROM "AN ISLAND
IN THE MOON"

* * *

11. To be or not to be
Of great capacity,
Like Sir Isaac Newton,
Or Locke, or Doctor South,
Or Sherlock upon Death—
I'd rather be Sutton!

For he did build a house
For agèd men and youth,
With walls of brick and stone;
He furnish'd it within
With whatever he could win,
And all his own.

He drew out of the Stocks
His money in a box,
And sent his servant
To Green the Bricklayer,
And to the Carpenter;
He was so fervent.

The chimneys were threescore,
The windows many more;
And, for convenience,
He sinks and gutters made,
And all the way he pav'd
To hinder pestilence.

Was not this a good man—
Whose life was but a span,

СТИХИ
ИЗ «ОСТРОВА НА ЛУНЕ»

* * *

11. Быть иль не быть, вот в чем
Вопрос, таким сычом,
Как сэр Йсаак Ньютон?
Как доктор Соут? Как Локк?
Как враль и демагог?
— Но мне милее Саттон!

Построил Саттон дом
Болезнью и трудом
Измученным созданьям,
Поэтому воздам
Его благим трудам,
Его святым стараньям.

Плюя на пустомель,
Он вывернул кошель,
Решив не покупиться,
Чтоб дружная артель
В жару и в метель
Знай строила больницу.

Там тридцать шесть палат,
А окон там — трикрат;
Но все еще звенело
В его казне — и вот
Отвод для нечистот
Он воздвигает смело!

Что ж, разве он не мил?
И разве не затмил

Whose name was Sutton—
As Locke, or Doctor South,
Or Sherlock upon Death,
Or Sir Isaac Newton?

Вас, доктор Соут, вас, Локк,
Вас, враль и демагог, —
Благотворитель Саттон?

Перевод В. Л. Топорова

* * *

12. Leave, O leave me to my sorrows;

Here I'll sit and fade away,
Till I'm nothing but a spirit,
And I lose this form of clay.

Then if chance along this forest
Any walk in pathless way,
Thro' the gloom he'll see my shadow
Hear my voice upon the breeze.

* * *

12. Предоставь меня печали!
Я, истаяв, не умру.
Стану духом я — и только!—
Хоть мне плоть и по нутру.

Без дорог блуждая, кто-то
Здесь, в лесах, повитых тьмой,
Тень мою приметит ночью
И услышит голос мой.

Перевод В. А. Потаповой

The Tyger

Tyger Tyger, burning bright,
In the forests of the night,
What immortal hand or eye,
Could frame thy fearful symmetry?

In what distant deeps or skies
Burnt the fire of thine eyes?
On what wings dare he aspire?
What the hand, dare seize the fire?

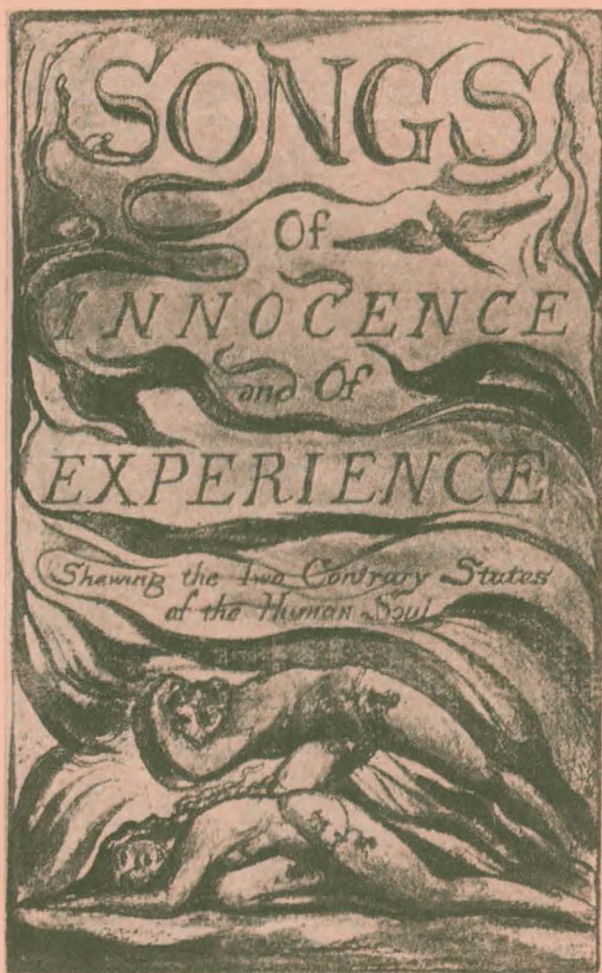
And what shoulder & what art,
Could twist the sinews of thy heart?
And when thy heart began to beat,
What dread hand? & what dread feet?

What the hammer? what the chain,
In what furnace was thy brain?
What the anvil? what dread grasp,
Dare its deadly terrors clasp?

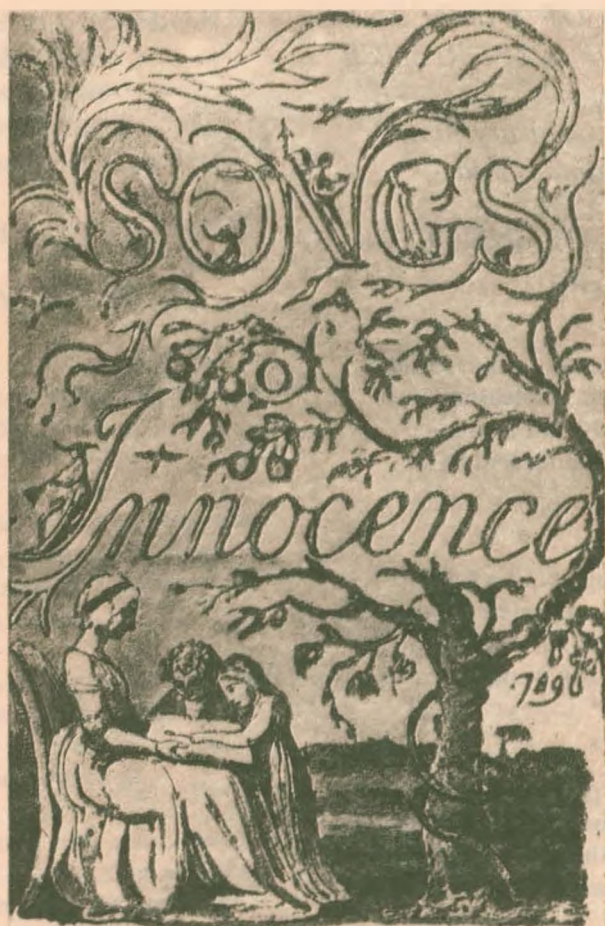
When the stars threw down their spears,
And water'd heaven with their tears:
Did he smile his work to see?
Did he who made the Lamb make thee?

Tyger Tyger burning bright,
In the forests of the night,
What immortal hand or eye,
Dare frame thy fearful symmetry?

✓ The Author & Painter W Blake

*SONGS OF INNOCENCE
AND OF EXPERIENCE*

*Shewing
the Two Contrary States
of the Human Soul*

SONGS OF INNOCENCE

13. INTRODUCTION

Piping down the valleys wild,
Piping songs of pleasant glee,
On a cloud I saw a child,
And he laughing said to me:

‘Pipe a song about a Lamb!’
So I piped with merry cheer.
‘Piper, pipe that song again;’
So I piped: he wept to hear.

‘Drop thy pipe, thy happy pipe;
Sing thy songs of happy cheer:’
So I sang the same again,
While he wept with joy to hear.

‘Piper, sit thee down and write
In a book, that all may read.’
So he vanish’d from my sight,
And I pluck’d a hollow reed,

*ПЕСНИ НЕВЕДЕНИЯ
И ПОЗНАНИЯ,
показывающие
два противоположных состояния
человеческой души*

ПЕСНИ НЕВЕДЕНИЯ

13. ВСТУПЛЕНИЕ

Дул я в звонкую свирель.
Вдруг на тучке в вышине
Я увидел колыбель,
И дитя сказало мне:

— Милый путник, не спеши.
Можешь песню мне сыграть? —
Я сыграл от всей души,
А потом сыграл опять.

— Кинь счастливый свой тростник.
Ту же песню сам пропой!—
Молвил мальчик и поник
Белокурой головой.

— Запиши для всех, певец,
То, что пел ты для меня! —
Крикнул мальчик наконец
И растаял в блеске дня.

Я перо из тростника
В то же утро смастерил,
Взял воды из родника
И землю замутил.

And I made a rural pen,
And I stain'd the water clear,
And I wrote my happy songs
Every child may joy to hear.

И, раскрыв свою тетрадь,
Сел писать я для того,
Чтобы детям передать
Радость сердца моего!

Перевод С. Я. Маршака

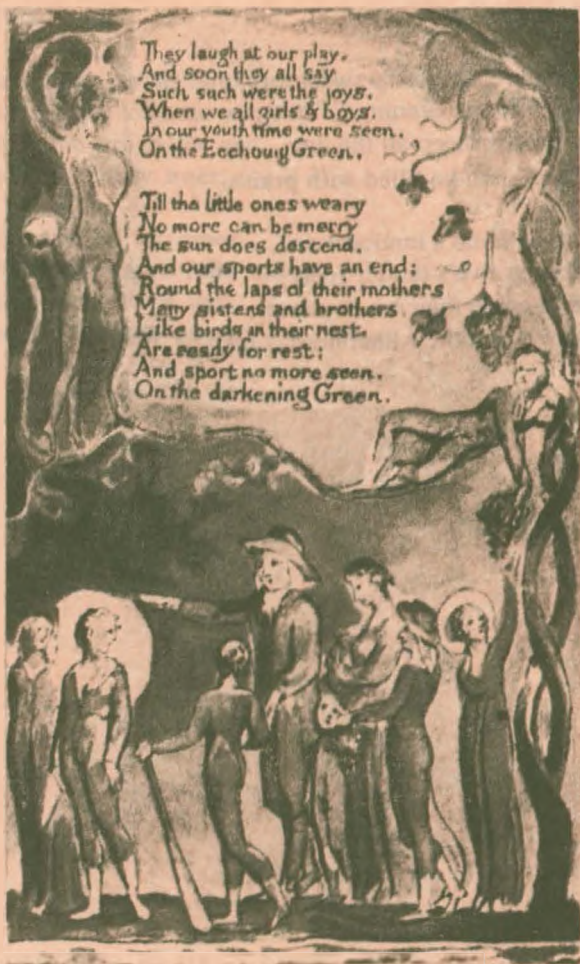
The Echoing Green

The Sun does arise
And make happy the slæes
The merry bells ring
To welcome the Spring
The skylark and thrush
The birds of the bush
Sing louder around,
To the bells' cheerful sound
While our sports shall be seen,
On the Echoing Green.

Old John with white hair
Does laugh away care
Sitting under the oak
Among the old folk

They laugh at our play,
And soon they all say
Such such were the joys,
When we all girls & boys,
In our youth time were seen,
On the Echoing Green.

Till the little ones weary
No more can be merry
The sun does descend,
And our sports have an end;
Round the laps of their mothers
Many sisters and brothers
Like birds in their nest,
Are ready for rest:
And sport no more seen,
On the darkening Green.

14. THE SHEPHERD

How sweet is the Shepherd's sweet lot!
From the morn to the evening he strays;
He shall follow his sheep all the day,
And his tongue shall be fillèd with praise.

For he hears the lamb's innocent call,
And he hears the ewe's tender reply;
He is watchful while they are in peace,
For they know when their Shepherd is nigh.

14. ПАСТУХ

Как завиден удел твой, пастух.
Ты встаешь, когда солнце встает,
Гонишь кроткое стадо на луг,
И свирель твоя славу поет.

Зов ягнят, матерей их ответ
Летним утром ласкают твой слух.
Стадо знает: опасности нет,
Ибо с ним его чуткий пастух.

Перевод С. Я. Маршака

15. THE ECHOING GREEN

The Sun does arise,
And make happy the skies;
The merry bells ring
To welcome the Spring;
The skylark and thrush,
The birds of the bush,
Sing louder around
To the bells' cheerful sound,
While our sports shall be seen
On the Echoing Green.

Old John, with white hair,
Does laugh away care,
Sitting under the oak,
Among the old folk.
They laugh at our play,
And soon they all say:
'Such, such were the joys
When we all, girls and boys,
In our youth time were seen
On the Echoing Green.'

Till the little ones, weary,
No more can be merry;
The sun does descend,
And our sports have an end.
Round the laps of their mothers
Many sisters and brothers,
Like birds in their nest,
Are ready for rest,
And sport no more seen
On the darkening Green.

15. ЗЕЛЕНОЕ АУ

Чу! солнце встает,
И чист небосвод.
Чу! колокола —
Весна к нам пришла.
Чу! стриж и снегирь,
Весенний псалтырь.
Чу! песни и звон
Друг дружке вдогон.
Раздвинем листву
С зеленым ау!

Вот гладкий пенек,
Сидит старичок.
Вот рядом другой.
Весенний покой.
Вот, глядя на нас,
Он начал рассказ:
«Вот так-то и мы
Плясали до тьмы.
Кидались в листву
С зеленым ау».

Но мальчик устал,
От старших отстал.
А из-за ветвей
Свет солнца слабей.
Эй, брат и сестра,
Домой вам пора!

Эй, крошка-птенец,
Усни наконец!
Покинем листву
С зеленым ау.

16. THE LAMB

Little Lamb, who made thee?

Dost thou know who made thee?

Gave thee life, and bid thee feed,
By the stream and o'er the mead;
Gave thee clothing of delight,
Softest clothing, woolly, bright,
Gave thee such a tender voice,
Making all the vales rejoice?

Little Lamb, who made thee?

Dost thou know who made thee?

Little Lamb, I'll tell thee,

Little Lamb, I'll tell thee:

He is callèd by thy name,
For He calls Himself a Lamb.
He is meek, and He is mild;
He became a little child.
I a child, and thou a lamb,
We are callèd by His name.

Little Lamb, God bless thee!

Little Lamb, God bless thee!

16. ЯГНЕНОК

Милый! чьей рукой
Сделан ты — такой?
Кто на свет тебя послал,
Кто траву тебе постлал,
Кто привел тебя к ручью,
Шерстку выдумал твою,
Блеять кто тебе велел
Так, чтоб всяк повеселел?

Милый! чьей рукой
Сделан ты — такой?

Слушай и внимай!
Слушай и внимай!
Твой создатель — тезка твой,
Ибо Агнец он Святой;
Кроток он и нежен он,
Он Дитятей наречен;
Ты ягненок, я дитя,
Он таков, как ты и я.
Твой Творец — Господь!
Твой Творец — Господь!

Перевод В. Л. Топорова

17. THE LITTLE BLACK BOY

My mother bore me in the southern wild,
And I am black, but O! my soul is white;
White as an angel is the English child,
But I am black, as if bereav'd of light.

My mother taught me underneath a tree,
And, sitting down before the heat of day,
She took me on her lap and kissèd me,
And, pointing to the east, began to say:

'Look on the rising sun,—there God does live,
And gives His light, and gives His heat away;
And flowers and trees and beasts and men receive
Comfort in morning, joy in the noonday.

'And we are put on earth a little space,
That we may learn to bear the beams of love;
And these black bodies and the sunburnt face
Is but a cloud, and like a shady grove.

'For when our souls have learn'd the heat to bear,
The cloud will vanish; we shall hear His voice,
Saying: "Come out from the grove, My love and care,
And round My golden tent like lambs rejoice." '

Thus did my mother say, and kissèd me;
And thus I say to little English boy,
When I from black and he from white cloud free,
And round the tent of God like lambs we joy,

I'll shade him from the heat, till he can bear
To lean in joy upon our Father's knee;
And then I'll stand and stroke his silver hair,
And be like him, and he will then love me.

17. НЕГРИТЕНОК

Там, где рожден я, — солнце и песок,
И черен я, одна душа бела.
Английский мальчик — белый ангелок,
А негритянский — черная смола.

Мать прятала меня в тени деревьев
От зноя, наступающего днем,
И, к небу руку черную воздев,
С любовью говорила мне о нем:

— На небе солнце, а на солнце Бог,
Он дарит свет, он дарит свет и тень,
Чтоб каждый человек, зверек, листок
Хвалил рассвет и славил ясный день.

Лучи любви небесной горячи,
И жар любви мы вытерпеть должны;
Сгорели б мы, Господь не облачи
Нас в черные сплошные пелены.

Душа не знает этой черноты
И белоснежной выйдет из пелен,
Когда раздастся Голос с высоты
И призовет ягнят на небосклон.

Так мать мне говорила в той стране,
Так, белый мальчик, я скажу тебе:
— Ты в белой, сам я — в черной пелене,
Но нас, ягнят, зовет Господь к себе;

Я помогу тебе снести жару
На солнечной дороге в небеса,
И выйдем, братья, к божьему шатру,
И я твои поглажу волоса.

Перевод В. Л. Топорова

18. THE BLOSSOM

Merry, merry sparrow!
Under leaves so green,
A happy blossom
Sees you, swift as arrow,
Seek your cradle narrow
Near my bosom.

Pretty, pretty robin!
Under leaves so green,
A happy blossom
Hears you sobbing, sobbing,
Pretty, pretty robin,
Near my bosom.

18. ЦВЕТОК

Стриж! Цветы прозрели.
Видит нас цветок.
Так лети же
Ты, стрела без цели,
К тесной колыбели,
К сердцу ближе.

Милая касатка!
Слышит нас цветок.
Так лети же
Плакать сладко-сладко,
Милая касатка,
К сердцу ближе.

Перевод В. Б. Микушевича

19. THE CHIMNEY SWEEPER

When my mother died I was very young,
And my father sold me while yet my tongue
Could scarcely cry ‘weep! ’weep! ’weep!’
So your chimneys I sweep, and in soot I sleep.

There’s little Tom Dacre, who cried when his head,
That curl’d like a lamb’s back, was shav’d: so I said
‘Hush, Tom! never mind it, for when your head’s bare
You know that the soot cannot spoil your white hair.’

And so he was quiet, and that very night,
As Tom was a-sleeping, he had such a sight!—
That thousands of sweepers, Dick, Joe, Ned, and Jack,
Were all of them lock’d up in coffins of black.

And by came an Angel who had a bright key,
And he open’d the coffins and set them all free;
Then down a green plain leaping, laughing, they run,
And wash in a river, and shine in the sun.

Then naked and white, all their bags left behind,
They rise upon clouds and sport in the wind;
And the Angel told Tom, if he’d be a good boy,
He’d have God for his father, and never want joy.

And so Tom awoke; and we rose in the dark,
And got with our bags and our brushes to work.
Tho’ the morning was cold, Tom was happy and warm;
So if all do their duty they need not fear harm.

19. МАЛЕНЬКИЙ ТРУБОЧИСТ

Мать оставила рано меня сиротой,
А отец, удрученный своей нищетой,
Крошку-сына, который едва лепетал,
К трубочистам чумазым в ученье послал.

Не вылажу из сажи — уж так повелось.
Тома наголо брили. Орал он. «Да брось, —
Я сказал, — ты кудрявей ягненка, а тот
Никогда не пролез бы, как мы, в дымоход».

Перестал он, бедняга, кричать, да потом
Сон диковинно-странный увидел наш Том:
Будто тыщи чумазых — Дик, Джо, Нед и Джек —
В черный гроб заколочены кем-то навек.

Но приходит к ним ангел с волшебным ключом,
И выходят на волю Дик, Джо, Нед и Том,
Ну а там уж — и радость, и песни, и смех,
И весеннее солнце, и речка для всех.

Искупались, отмыли от сажи бока
И вбежали стремглав нагишом в облака.
Ангел Тому сказал: «Нужно быть молодцом,
И послушному сыну Бог будет отцом».

Тут — опять подниматься и копать скрести,
И тяжелую сажу в ведерках нести.
Том — усердней других, хоть наказчик умолк.
Плакать нечего, коль выполняешь свой долг.

Перевод В. Л. Топорова

20. THE LITTLE BOY LOST

'Father! father! where are you going?
O do not walk so fast.
Speak, father, speak to your little boy,
Or else I shall be lost.'

The night was dark, no father was there;
The child was wet with dew;
The mire was deep, and the child did weep,
And away the vapour flew.

20. ЗАБЛУДИВШИЙСЯ МАЛЬЧИК

«Отец, отец! куда спешишь?
Помедленней иди.
Такая тишь, а ты молчишь,
И темень впереди!»

И точно: тьма со всех сторон,
Болотная роса.
Напрасно он взывал, смущен,
Лишь пар вокруг вился.

Перевод В. Л. Топорова

21. THE LITTLE BOY FOUND

The little boy lost in the lonely fen,
Led by the wand'ring light,
Began to cry; but God, ever nigh,
Appear'd like his father, in white.

He kissèd the child, and by the hand led,
And to his mother brought,
Who in sorrow pale, thro' the lonely dale,
Her little boy weeping sought.

21. МАЛЬЧИК НАЙДЕННЫЙ

В тряси́ну мальчик угоди́л,
Кружа́ за светля́ком;
Он закрича́л — но тут предста́л
Госпо́дь: родным отцо́м.

Найде́ныша он приласка́л
И к матери́ отнес,
Блужда́вшей с крико́м в лесу́ вели́ком,
Охри́пшей от долги́х слез.

Перевод В. Л. Топорова

22. LAUGHING SONG

When the green woods laugh with the voice of joy,
And the dimpling stream runs laughing by;
When the air does laugh with our merry wit,
And the green hill laughs with the noise of it;

When the meadows laugh with lively green,
And the grasshopper laughs in the merry scene,
When Mary and Susan and Emily
With their sweet round mouths sing 'Ha, Ha, He!'

When the painted birds laugh in the shade,
Where our table with cherries and nuts is spread,
Come live, and be merry, and join with me,
To sing the sweet chorus of 'Ha, Ha, He!'

22. СМЕЮЩАЯСЯ ПЕСНЯ

В час, когда листва шелестит, смеясь,
И смеется ключ, меж камней змеясь,
И смеемся, даль взбудоражив, мы,
И со смехом шлют нам ответ холмы,

И смеется рожь и хмельной ячмень,
И кузнечик рад хохотать весь день,
И вдали звенит, словно гомон птиц,
«Ха-ха-ха! Ха-ха!» — звонкий смех девиц,

А в тени ветвей стол накрыт для всех,
И, смеясь, трещит меж зубов орех, —
В этот час приди, не боясь греха,
Посмеяться всласть: «Хо-хо-хо! Ха-ха!»

Перевод С. Я. Маршака

23. A CRADLE SONG

Sweet dreams, form a shade
O'er my lovely infant's head;
Sweet dreams of pleasant streams
By happy, silent, moony beams.

Sweet sleep, with soft down
Weave thy brows an infant crown.
Sweet sleep, Angel mild,
Hover o'er my happy child.

Sweet smiles, in the night
Hover over my delight;
Sweet smiles, mother's smiles,
All the livelong night beguiles.

Sweet moans, dovelike sighs,
Chase not slumber from thy eyes.
Sweet moans, sweeter smiles,
All the dovelike moans beguiles.

Sleep, sleep, happy child,
All creation slept and smil'd;
Sleep, sleep, happy sleep,
While o'er thee thy mother weep.

Sweet babe, in thy face
Holy image I can trace.
Sweet babe, once like thee,
Thy Maker lay and wept for me,

Wept for me, for thee, for all,
When He was an infant small.

23. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Сладость снов, сойди, как тень,
Сон, дитя мое одень.
Сны, сойдите, как ручей
Лунных ласковых лучей.

Сладкий сон, как нежный пух,
Убаюкай детский слух.
Ангел кроткий, сладкий сон,
Обступи со всех сторон.

Смех, сверкай во тьме ночей
Над отрадою моей.
Будь с ним лучшей из утех,
Материнский нежный смех.

Каждой жалобе шепни:
«Задремли и отдохни».
Каждой жалобе скажи:
«Крылья легкие сложи».

Спи, дитя, счастливым сном,
Целый мир уснул кругом.
Спи же, спи, родимый мой,
Я поплачу над тобой.

Преодо мной священный лик
На твоём лице возник,
Твой Создатель здесь, во сне,
Горько плакал обо мне.

Как невинное дитя,
Плакал, глазками блестя,

Thou His image ever see,
Heavenly face that smiles on thee,

Smiles on thee, on me, on all;
Who became an infant small.
Infant smiles are His own smiles;
Heaven and earth to peace beguiles.

О тебе и обо всех,
И слезами смысл наш грех.

И теперь глядит, любя,
Он с улыбкой на тебя,
В снах ребенка спит он сам.
Мир земле и небесам.

Перевод К. Д. Бальмонта

24. THE DIVINE IMAGE

To Mercy, Pity, Peace, and Love
All pray in their distress;
And to these virtues of delight
Return their thankfulness.

For Mercy, Pity, Peace, and Love
Is God, our Father dear,
And Mercy, Pity, Peace, and Love
Is man, His child and care.

For Mercy has a human heart,
Pity a human face,
And Love, the human form divine,
And Peace, the human dress.

Then every man, of every clime,
That prays in his distress,
Prays to the human form divine,
Love, Mercy, Pity, Peace.

And all must love the human form,
In heathen, Turk, or Jew;
Where Mercy, Love, and Pity dwell
There God is dwelling too.

24. ПО ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ

Добро, Смиренье, Мир, Любовь —
Вот перечень щедрот,
Которых каждый человек,
Моля и плача, ждет.

Добро, Смиренье, Мир, Любовь
Познал в себе Творец,
Добро, Смиренье, Мир, Любовь
Вложил в детей Отец.

И наше сердце у Добра,
И наш — Смиренья взгляд,
И в нашем образе — Любовь,
Мир — наш нательный плат.

Любой из нас, в любой стране,
Зовет, явясь на свет,
Добро, Смиренье, Мир, Любовь —
Иной молитвы нет.

И нехристь — тоже человек,
И в том любви залог:
Где Мир, Смиренье и Любовь, —
Там, ведомо, сам Бог.

Перевод В. Л. Топорова

25. HOLY THURSDAY

'Twas on a Holy Thursday, their innocent faces clean,
The children walking two and two, in red and blue and green,
Grey-headed beadles walk'd before, with wands as white as snow,
Till into the high dome of Paul's they like Thames' waters flow.

O what a multitude they seem'd, these flowers of London town!
Seated in companies they sit with radiance all their own.
The hum of multitudes was there, but multitudes of lambs,
Thousands of little boys and girls raising their innocent hands.

Now like a mighty wind they raise to Heaven the voice of song,
Or like harmonious thunderings the seats of Heaven among.
Beneath them sit the agèd men, wise guardians of the poor;
Then cherish pity, lest you drive an angel from your door.

25. СВЯТОЙ ЧЕТВЕРГ

Они проходят по два в ряд — сама Невинность с ними!
Они идут, лаская взгляд одежками цветными.
Седые старцы впереди, чья кожа — жестче пемзы.
Толпа вливается в собор, как будто воды Темзы.

Какие россыпи цветов — зеленый, синий, красный!
Откуда в Англии они — в туманной и ненастной?
Услышишь: галками галдят, присмотришься: ягнята;
Обряд свершается святой, и сами дети святы.

Вот вихрем пенье поднялось и в небо полетело.
Гром чистогласный огласил церковные приделы.
И старцы, мудры и щедры, душой взывают к богу.
Даянье — благо; не гони просителя с порога.

Перевод В. Л. Топорова

26. NIGHT

The sun descending in the west,
The evening star does shine;
The birds are silent in their nest,
And I must seek for mine.
The moon, like a flower,
In heaven's high bower,
With silent delight
Sits and smiles on the night.

Farewell, green fields and happy groves,
Where flocks have took delight.
Where lambs have nibbled, silent moves
The feet of angels bright;
Unseen they pour blessing,
And joy without ceasing,
On each bud and blossom,
And each sleeping bosom.

They look in every thoughtless nest,
Where birds are cover'd warm;
They visit caves of every beast,
To keep them all from harm.
If they see any weeping
That should have been sleeping,
They pour sleep on their head,
And sit down by their bed.

When wolves and tigers howl for prey,
They pitying stand and weep;
Seeking to drive their thirst away,
And keep them from the sheep.
But if they rush dreadful,
The angels, most heedful,

26. НОЧЬ

Заходит солнце, и звезда
Сияет в вышине.
Не слышно песен из гнезда.
Пора уснуть и мне.
Луна цветком чудесным
В своем саду небесном
Глядит на мир, одетый в тьму,
И улыбается ему.

Прощайте, рощи и поля,
Невинных стад приют.
Сейчас, травы не шевеля,
Там ангелы идут
И льют благословенье
На каждое растенье,
На почку, спящую пока,
И чашу каждого цветка.

Они хранят покой гнезда,
Где спят птенцы весной,
И охраняют от вреда
Зверей в глуши лесной.
И если по дороге
Услышат шум тревоги,
Печальный вздох иль тяжкий стон,
Они несут страдальцам сон.

А если волк иль мощный лев
Встречается в пути,
Они спешат унять их гнев
Иль жертву их спасти.
Но если зверь к мольбам их глух,
Невинной жертвы кроткий дух

Receive each mild spirit,
New worlds to inherit.

And there the lion's ruddy eyes
Shall flow with tears of gold,
And pitying the tender cries,
And walking round the fold,
Saying 'Wrath, by His meekness,
And, by His health, sickness
Is driven away
From our immortal day.

'And now beside thee, bleating lamb,
I can lie down and sleep;
Or think on Him who bore thy name,
Graze after thee and weep.
For, wash'd in life's river
My bright mane for ever
Shall shine like the gold
As I guard o'er the fold.'

Уносят ангелы с собой
В другое время, в мир другой.

И там из красных львиных глаз
Прольются капли слез,
И будет охранять он вас,
Стада овец и коз,
И скажет: «Гнев — любовью,
А немощи — здоровьем
Рассеяны, как тень,
В бессмертный этот день.

Теперь, ягненок, я могу
С тобою рядом лечь,
Пастись с тобою на лугу
И твой покой беречь.
Живой водой омылся я,
И грива пышная моя,
Что всем живым внушала страх,
Сияет золотом в лучах».

Перевод С. Я. Маршака

27. SPRING

Sound the flute!
Now it's mute.
Birds delight
Day and night;
Nightingale
In the dale,
Lark in sky,
Merrily,

Merrily, merrily, to welcome in the year.

Little boy,
Full of joy;
Little girl,
Sweet and small;
Cock does crow,
So do you;
Merry voice,
Infant noise,

Merrily, merrily, to welcome in the year.

Little lamb,
Here I am;
Come and lick
My white neck;
Let me pull
Your soft wool;
Let me kiss
Your soft face:

Merrily, merrily, we welcome in the year.

27. ВЕСНА

Чу, свирель!
Смолкла трель...
Соловей —
Меж ветвей.
Жаворонок в небе.
Всюду птичий щебет.
Весело, весело
Встречаем мы весну!

Рады все на свете.
Радуются дети.
Петух — на насесте.
С ним поем мы вместе.
Весело, весело
Встречаем мы весну!

Милый мой ягненок,
Голосок твой тонок.
Ты ко мне, дружок, прильни,
Язычком меня лизни.
Дай погладить, потрепать
Шерстки шелковую прядь.
Дай-ка поцелую
Мордочку смешную.
Весело, весело
Встречаем мы весну!

Перевод С. Я. Маршака

28. NURSE'S SONG

When the voices of children are heard on the green,
And laughing is heard on the hill,
My heart is at rest within my breast,
And everything else is still.

'Then come home, my children, the sun is gone down,
And the dews of night arise;
Come, come, leave off play, and let us away
Till the morning appears in the skies.'

'No, no, let us play, for it is yet day,
And we cannot go to sleep;
Besides, in the sky the little birds fly,
And the hills are all cover'd with sheep.'

'Well, well, go and play till the light fades away,
And then go home to bed.'
The little ones leapèd and shoutèd and laugh'ed
And all the hills echoèd.

28. НЯНЮШКИНА ПЕСНЯ

Когда детвора резвится с утра,
На холмы поднимаясь бегом,
Спокойно мне в моей тишине,
И все спокойно кругом.

«Домой, детвора, теперь нам пора.
На закате роса холодна.
Пора, детвора! Домой до утра!
Гулять нам нельзя дотемна».

«Нет, еще не пора! И в разгаре игра,
И солнце еще не зашло.
В небе множество птах, и стада на холмах.
И по-прежнему в мире светло!»

«Хорошо, детвора, правда, спать вам пора,
Не померк еще радостный свет!»
От холма до холма крики, смех, кутерьма,
Так что эхо смеется в ответ.

Перевод В. Б. Микушевича

29. INFANT JOY

'I have no name:
I am but two days old.'
What shall I call thee?
'I happy am,
Joy is my name.'
Sweet joy befall thee!

Pretty Joy!
Sweet Joy, but two days old.
Sweet Joy I call thee
Thou dost smile,
I sing the while,
Sweet joy befall thee!

29. ДИТЯ-РАДОСТЬ

— Мне только два дня.
Нет у меня
Пока еще имени.
— Как же тебя назову?
— Радуюсь я, что живу.
Радостью — так и зови меня!

Радость моя —
Двух только дней, —
Радость дана мне судьбою.

Глядя на радость мою,
Я пою:
Радость да будет с тобою!

Перевод С. Я. Маршака

30. A DREAM

Once a dream did weave a shade
O'er my Angel-guarded bed,
That an emmet lost its way
Where on grass methought I lay.

Troubled, 'wilder'd, and forlorn,
Dark, benighted, travel-worn,
Over many a tangled spray,
All heart-broke I heard her say:

'O, my children! do they cry?
Do they hear their father sigh?
Now they look abroad to see:
Now return and weep for me.'

Pitying, I dropp'd a tear;
But I saw a glow-worm near,
Who replied: 'What wailing wight
Calls the watchman of the night?

'I am set to light the ground,
While the beetle goes his round:
Follow now the beetle's hum;
Little wanderer, hie thee home.'

30. СОН

В изголовье Ангел встал,
А во сне я увидал,
Что лежу на травке я
И гляжу на муравья.

А несчастный муравей,
Как в лесу, бредет в траве,
Жалок, мал и одинок.
Вот что, плача, он изрек:

«Дети! ищите ль отца,
Окликаая без конца?
Ах! оставьте поиск свой.
Сироты, пора домой!..»

Я заплакал: вот бедняк.
Вдруг, смотрю, спешит светляк,
Молвя: «Хватит! это мы!
Кто тревожит Стража тьмы?»

Я Светляк, со мною Жук,
Я есмь свет, а он есть звук,
Поспеш на звук и свет —
Охраним тебя от бед!»

Перевод В. Л. Топорова

31. ON ANOTHER'S SORROW

Can I see another's woe,
And not be in sorrow too?
Can I see another's grief,
And not seek for kind relief?

Can I see a falling tear,
And not feel my sorrow's share?
Can a father see his child
Weep, nor be with sorrow fill'd?

Can a mother sit and hear
An infant groan, an infant fear?
No, no! never can it be!
Never, never can it be!

And can He who smiles on all
Hear the wren with sorrows small,
Hear the small bird's grief and care,
Hear the woes that infants bear,

And not sit beside the nest,
Pouring pity in their breast;
And not sit the cradle near,
Weeping tear on infant's tear;

And not sit both night and day,
Wiping all our tears away?
O, no! never can it be!
Never, never can it be!

He doth give His joy to all;
He becomes an infant small;
He becomes a man of woe;
He doth feel the sorrow too.

31. О СКОРБИ БЛИЖНЕГО

Разве ближних вам не жаль,
Если их гнетет печаль?
Зная ближнего мученья,
Кто не ищет облегченья?

Можно ль, видя слез ручьи,
Не прибавить к ним свои?
И кого из вас не тронет,
Если сын ваш тяжело стонет?

И какая может мать
Вместе с крошкой не страдать?
Нет, нет, никогда,
Ни за что и никогда!

Как же тот, кто всем отец,
Видит скорбь твою, птенец?
Как всевидящий и чуткий
Может слышать стон малютки

И не быть вблизи гнезда,
Где тревога и нужда,
И не быть у той кровати,
Где ребенок в лихорадке?

Не сидеть с ним день и ночь.
Не давая изнемочь?
Нет, нет, никогда,
Ни за что и никогда!

Он дает отраду нам,
Он младенцем был и сам,
Сам изведал он печаль,
И ему страдальцев жаль.

Think not thou canst sigh a sigh,
And thy Maker is not by;
Think not thou canst weep a tear,
And thy Maker is not near.

O! He gives to us His joy
That our grief He may destroy;
Till our grief is fled and gone
He doth sit by us and moan.

Разве слабый детский стон
С высоты не слышит он?
Разве каждый вздох людской
Не встречает он с тоской?

Он стремится нам помочь.
Наши скорби гонит прочь,
А пока их не прогонит,
Он и сам от скорби стонет.

Перевод С. Я. Маршака

THE FLY.

*Little Fly,
The sun's mere play,
By thoughtless hand
Has brought away.*

*Am not I
A fly like thee?
Or art not thou
A man like me?*

*For I dance
And drink of wine;
Till some blind hand
Shall brush my wing.*

*If thought is life
And strength & breath
And the want
Of thought is death,*

*Then am I
A happy fly.
If I live,
Or if I die.*

SONGS OF EXPERIENCE

32. INTRODUCTION

Hear the voice of the Bard!
Who present, past, and future, sees;
Whose ears have heard
The Holy Word
That walk'd among the ancient trees,

Calling the lapsèd soul,
And weeping in the evening dew;
That might control
The starry pole,
And fallen, fallen light renew!

'O Earth, O Earth, return!
Arise from out the dewy grass;
Night is worn,
And the morn
Rises from the slumberous mass.

'Turn away no more;
Why wilt thou turn away.
The starry floor,
The wat'ry shore,
Is giv'n thee till the break of day.'

ПЕСНИ ПОЗНАНИЯ

32. ВСТУПЛЕНИЕ

Слушайте голос Певца!
Песня его разбудит
Ваши сердца
Словом Творца —
Слово было, и есть, и будет.

Заблудшие души Оно зовет,
Вопия над росой вечерней,
А черн небосвод —
Вновь звезды зажжет,
Мир вырвет из тьмы дочерней!

«Вернись, о Земля Светла,
Мрак отряхая росный!
Ночь дряхла,
Рассветная мгла
Брезжит в трясине косной.

Не исчезай никогда!
Что тебе здесь нейдет?
В небе звезда,
В море вода —
Мало ль чего найдется».

Перевод В. Л. Топорова

33. EARTH'S ANSWER

Earth rais'd up her head
 From the darkness dread and drear.
 Her light fled,
 Stony dread!
 And her locks cover'd with grey despair.

'Prison'd on wat'ry shore,
 Starry Jealousy does keep my den:
 Cold and hoar,
 Weeping o'er,
 I hear the Father of the Ancient Men.

'Selfish Father of Men!
 Cruel, jealous, selfish Fear!
 Can delight,
 Chain'd in night,
 The virgins of youth and morning bear?

'Does spring hide its joy
 When buds and blossoms grow?
 Does the sower
 Sow by night,
 Or the ploughman in darkness plough?

'Break this heavy chain
 That does freeze my bones around.
 Selfish! vain!
 Eternal bane!
 That free Love with bondage bound.'

33. ОТВЕТ ЗЕМЛИ

Но тяжело во мрак
Смотрит Земля слепая
Свет иссяк!
Камень и прах!
В горе склонилась глава седая.

«Море меня сдавило.
Зависть звезд извела,
Как могила,
Мне тело изрыла
Ярость Отца Мирового Зла.

Низкий себялюбек Творец!
Злобный завистник Страх!
Утру обещанная,
Обещечена,
Стонет на дыбе Невинность в цепях!

Вешнему ветру нельзя не веять,
Почкам — не набухать.
Может ли сеятель
Ночью сеять,
Пахарь — во тьме пахать?

Холод звездных оков ледяной
Кости мои пронзил.
Страшный! злой!
Любуясь собой,
Радость и рабство ты слил».

Перевод В. Л. Топорова

34. THE CLOD AND THE PEBBLE

'Love seeketh not itself to please,
Nor for itself hath any care,
But for another gives its ease,
And builds a Heaven in Hell's despair.'

So sung a little Clod of Clay,
Trodden with the cattle's feet,
But a Pebble of the brook
Warbled out these metres meet:

'Love seeketh only Self to please,
To bind another to its delight,
Joys in another's loss of ease,
And builds a Hell in Heaven's despite.'

34. КОМ ЗЕМЛИ И КАМЕНЬ

— Не себялюбица Любовь:
Готова претерпеть беду,
Пролить слезу, порою кровь...
С любовью счастье — и в аду! —

Так пел беспечный Ком Земли.
Вдруг — Лошадь. И копытом — трах!
И Камень, притаясь в пыли,
Передразнил в таких стихах:

— Нет, себялюбица Любовь:
Готовит всем беду свою —
Те слезы льют, порою — кровь:
С любовью — горе и в раю!

Перевод В. Л. Топорова

35. HOLY THURSDAY

Is this a holy thing to see
In a rich and fruitful land,
Babes reduc'd to misery,
Fed with cold and usurious hand?

Is that trembling cry a song?
Can it be a song of joy?
And so many children poor?
It is a land of poverty!

And their sun does never shine,
And their fields are bleak and bare,
And their ways are fill'd with thorns:
It is eternal winter there.

For where'er the sun does shine,
And where'er the rain does fall,
Babe can never hunger there,
Nor poverty the mind appal.

35. СВЯТОЙ ЧЕТВЕРГ

Святость — это не про вас.
Ваша милостыня — срам.
Взгляд голодных детских глаз
Приговор выносит вам.

Или плач звенит, как песнь?
Или плачут не всерьез?
Или бедность, как болезнь, —
Проходящая от слез?

Что за нищая страна!
Круглый год стоит зима,
Целый день — ночная тьма,
Нива тощая черна.

Ибо солнцем и дождем
Тот лишь край одарен, где
Детям голод незнаком
И — нет нүжды в низкой мзде.

Перевод В. Л. Топорова

36. THE LITTLE GIRL LOST

In futurity
I prophetic see
That the earth from sleep
(Grave the sentence deep)

Shall arise and seek
For her Maker meek;
And the desert wild
Become a garden mild.

In the southern clime,
Where the summer's prime
Never fades away,
Lovely Lyca lay.

Seven summers old
Lovely Lyca told;
She had wander'd long
Hearing wild birds' song.

'Sweet sleep, come to me
Underneath this tree.
Do father, mother, weep?
Where can Lyca sleep?

'Lost in desert wild
Is your little child.
How can Lyca sleep
If her mother weep?

'If her heart does ache
Then let Lyca wake;
If my mother sleep,
Lyca shall not weep.

36. ЗАБЛУДШАЯ ДОЧЬ

Днесь провижу я:
Сон стряхнет земля
(В глубине души
Это запиши),

Чтобы наконец
Найден был Творец
И в пустыне сад
После всех утрат.

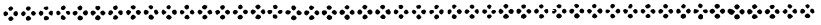
В дальней той стране,
Где нет конца весне,
Девочка лежит
Лет семи на вид.

Лица долго шла.
Птицам нет числа.
Голоса в глуши
Дивно хороши.

«Слышу в тишине:
Плачут обо мне
И отец и мать.
Как мне задремать?

Наступила ночь.
В пустыне ваша дочь.
Разве можно спать,
Если плачет мать?

Лице не до сна,
Если мать грустна.
Если дремлет мать,
Можно мне поспать.

'Frowning, frowning night,
O'er this desert bright,
Let thy moon arise
While I close my eyes.'

Sleeping Lyca lay
While the beasts of prey,
Come from caverns deep,
View'd the maid asleep.

The kingly lion stood,
And the virgin view'd,
Then he gamboll'd round
O'er the hallow'd ground.

Leopards, tigers, play
Round her as she lay,
While the lion old
Bow'd his mane of gold

And her bosom lick,
And upon her neck
From his eyes of flame
Ruby tears there came;

While the lioness
Loos'd her slender dress,
And naked they convey'd
To caves the sleeping maid.

Сумрачная ночь!
Лице спать невмочь.
Глядя на луну,
Я глаза сомкну».

К ней приходит сон,
И со всех сторон
Собралось над ней
Множество зверей.

Старый пляшет лев,
Лику разглядев,
Лес ликует весь:
Место свято здесь.

И вокруг нее
Кроткое зверье,
Так что лев-старик
Перед ней поник.

Он лизал ее,
Он лобзал ее.
Алая слеза
Зверю жжет глаза.

В умиление лев.
Девочку раздев,
Львица в темный грот
Спящую берет.

Перевод В. Б. Микушевича

37. THE LITTLE GIRL FOUND

All the night in woe
Lyca's parents go
Over valleys deep,
While the deserts weep.

Tired and woe-begone,
Hoarse with making moan,
Arm in arm seven days
They trac'd the desert ways.

Seven nights they sleep
Among shadows deep,
And dream they see their child
Starv'd in desert wild.

Pale, thro' pathless ways
The fancied image strays
Famish'd, weeping, weak,
With hollow piteous shriek.

Rising from unrest,
The trembling woman prest
With feet of weary woe:
She could no further go.

In his arms he bore
Her, arm'd with sorrow sore;
Till before their way
A couching lion lay.

Turning back was vain:
Soon his heavy mane
Bore them to the ground.
Then he stalk'd around,

37. ОБРЕТЕННАЯ ДОЧЬ

И отец и мать
Вышли дочь искать.
В долах ни души.
Рыдания в глуши.

Ищут наугад,
Плачут и кричат.
Семь печальных дней
Они в разлуке с ней.

Семь ночей подряд
Во тьме пустынной спят.
В тех местах глухих
Сон морочит их.

Будто слабый крик
В душу к ним проник.
Лица голодна,
Измучена, бледна.

Истомилась мать
И не в силах встать.
Муж помог жене
В безлюдной той стране.

Немощную нес,
Ослабев от слез,
Шел едва-едва.
Вдруг он видит льва.

Гривой лев трясет.
Слабых кто спасет?
Перед грозным львом
Падают ничком.

Smelling to his prey;
But their fears allay
When he licks their hands,
And silent by them stands.

They look upon his eyes
Fill'd with deep surprise;
And wondering behold
A spirit arm'd in gold.

On his head a crown;
On his shoulders down
Flow'd his golden hair.
Gone was all their care.

'Follow me,' he said;
'Weep not for the maid;
In my palace deep
Lyca lies asleep.'

Then they followèd
Where the vision led,
And saw their sleeping child
Among tigers wild.

To this day they dwell
In a lonely dell;
Nor fear the wolfish howl
Nor the lions' growl.

Зверь обнюхал их
И, вздохнув, притих.
Нет, не растерзал, —
Руки облизал.

Подняли глаза.
Минула гроза.
Дух глазам предстал,
Золотом блистал.

В золотой броне,
Словно весь в огне.
Волосы до плеч.
Царственная речь:

— Следуйте за мной
В мой чертог земной.
Лица ваша в нем
Спит глубоким сном.

В заповедный грот
Видение ведет.
Спать среди зверей
Девочке теплой.

Там живут они
До сих пор одни,
Не страшась волков
И свирепых львов.

Перевод В. Б. Микушевича

38. THE CHIMNEY SWEEPER

A little black thing among the snow,
Crying ‘weep! weep!’ in notes of woe!
‘Where are thy father and mother, say?’—
‘They are both gone up to the Church to pray.

‘Because I was happy upon the heath,
And smil’d among the winter’s snow,
They clothèd me in the clothes of death,
And taught me to sing the notes of woe.

‘And because I am happy and dance and sing,
They think they have done me no injury,
And are gone to praise God and His Priest and King,
Who make up a Heaven of our misery.’

38. МАЛЕНЬКИЙ ТРУБОЧИСТ

Малыш чумазый, — в метель, в мороз, —
На гребне крыши ослеп от слез.
— Куда ушли вы, отец и мать?
— Молиться богу, спасенья ждать.

— Не унывал я июльским днем,
Не горевал я в метель, в мороз.
Мне сшили саван вы, мать с отцом,
На гребне крыши, в юдоли слез.

Не унываю — пляшу, пою, —
А вы и рады: работа впрок.
Весь день на небе — да не в раю.
В раю — священник, король и бог.

Перевод В. Л. Топорова

39. NURSE'S SONG

When the voices of children are heard on the green
And whisp'rings are in the dale,
The days of my youth rise fresh in my mind,
My face turns green and pale.

Then come home, my children, the sun is gone down,
And the dews of night arise;
Your spring and your day are wasted in play,
And your winter and night in disguise.

39. НЯНЮШКИНА ПЕСНЯ

Когда детвора резвится с утра
И слышится шепот в тени,
Как больно мне вспоминать в тишине
Мои минувшие дни!

Пора возвращаться домой, детвора!
На закате роса холодна.
Затянулась игра, и узнать вам пора,
Как зима ледяная темна.

Перевод В. Б. Микушевича

40. THE SICK ROSE

O Rose, thou art sick!
The invisible worm,
That flies in the night,
In the howling storm,

Has found out thy bed
Of crimson joy;
And his dark secret love
Does thy life destroy.

40. БОЛЬНАЯ РОЗА

О роза, ты больна!
Во мраке ночи бурной
Разведаль червь тайник
Любви твоей пурпурной.

И он туда проник,
Незримый, ненасытный,
И жизнь твою сгубил
Своей любовью скрытной.

Перевод В. А. Потаповой

41. THE FLY

Little Fly,
Thy summer's play
My thoughtless hand
Has brush'd away.

Am not I
A fly like thee?
Or art not thou
A man like me?

For I dance,
And drink, and sing,
Till some blind hand
Shall brush my wing.

If thought is life
And strength and breath,
And the want
Of thought is death;

Then am I
A happy fly,
If I live
Or if I die.

41. МОТЫЛЕК

Жаль мотылька!
Моя рука
Нашла его
В раю цветка.

Мой краток век.
Твой краток срок.
Ты человек.
Я мотылек.

Порхаю, зная:
Сгребет, сметет
Рука слепая
И мой полет.

Но если мыслить
И значит — быть,
А кончив мыслить,
Кончаем жить, —

То жить желаю
Мой краткий срок, —
Весь век порхая, —
Как мотылек.

Перевод В. Л. Топорова

42. THE ANGEL

I dreamt a dream! what can it mean?
And that I was a maiden Queen,
Guarded by an Angel mild:
Witless woe was ne'er beguil'd!

And I wept both night and day,
And he wip'd my tears away,
And I wept both day and night,
And hid from him my heart's delight.

So he took his wings and fled;
Then the morn blush'd rosy red;
I dried my tears, and arm'd my fears
With ten thousand shields and spears.

Soon my Angel came again:
I was arm'd, he came in vain;
For the time of youth was fled,
And grey hairs were on my head.

42. АНГЕЛ

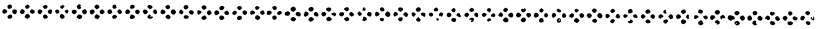
Мне снился сон — престранный сон!
Безмужней я взошла на трон,
Лишь кроткий ангел был со мной —
Беспомощный заступник мой.

И день и ночь мой крик звучал,
А он мне слезы утирал;
О чем — и ночь и день — мой крик,
Я скрыла, ангел не постиг.

Он улетел в рассветный час,
И тыщи копий и кирас
Я верным срахам раздала,
А плакать — больше не могла.

Вернулся вскоре ангел мой —
Страх не пускает в мой покой, —
И не увидит никогда,
Что голова моя седа.

Перевод В. Л. Топорова

43. THE TYGER

Tyger! Tyger! burning bright
In the forests of the night,
What immortal hand or eye
Could frame thy fearful symmetry?

In what distant deeps or skies
Burnt the fire of thine eyes?
On what wings dare he aspire?
What the hand dare seize the fire?

And what shoulder, and what art,
Could twist the sinews of thy heart?
And when thy heart began to beat,
What dread hand? and what dread feet?

What the hammer? what the chain?
In what furnace was thy brain?
What the anvil? what dread grasp
Dare its deadly terrors clasp?

When the stars threw down their spears,
And water'd heaven with their tears,
Did he smile his work to see?
Did he who made the Lamb make thee?

Tyger! Tyger! burning bright
In the forests of the night,
What immortal hand or eye,
Dare frame thy fearful symmetry?

43. ТИГР

Тигр, о тигр! кровавый сполох,
Быстрый блеск в полночных долах,
Устрашительная статья,
Кто посмел тебя создать?

В преисподней иль в эдеме
Некто в царской диадеме
Огонь в очах твоих зажег?
Как он вытерпел ожог?

Кто качнул рукою властной
Сердца маятник ужасный
И, услышав грозный стук,
Не убрал смятенных рук?

Кто хребет крепил и прочил?
В кузне кто тебя ворочал?
В чьих клещах твой мозг пылал?
Чьею злобой закипал?

А когда ты в ночь умчался,
Неужели улыбался
Твой создатель — возлюбя
И ягненка, и — тебя?

Тигр, о тигр! кровавый сполох,
Быстрый блеск в полночных долах,
Устрашительная статья, —
Кто велел тебе восстать?

Перевод В. Л. Топорова

44. MY PRETTY ROSE-TREE

A flower was offer'd to me,
Such a flower as May never bore;
But I said 'I've a pretty Rose-tree,'
And I passèd the sweet flower o'er.

Then I went to my pretty Rose-tree,
To tend her by day and by night,
But my Rose turn'd away with jealousy,
And her thorns were my only delight.

44. МОЙ РОЗОВЫЙ КУСТ

Я увидел цветок. Он, маня,
Как в невиданном мае, расцвел.
«Есть розовый куст у меня», —
Я подумал и мимо прошел.

День и ночь, не ведая сна,
Я лелеял бы розу мою.
Но ревниво замкнулась она —
Лишь колючки ее познаю.

Перевод В. Л. Топорова

* * *

45. Ah, Sun-flower! weary of time,
Who countest the steps of the sun;
Seeking after that sweet golden clime,
Where the traveller's journey is done;

Where the Youth pined away with desire,
And the pale Virgin shrouded in snow,
Arise from their graves, and aspire
Where my Sun-flower wishes to go.

* * *

45. Ах! подсолнух! что за жребий —
Мерить солнца шаг дневной
И грустить о знойном небе
Над блаженною страной,

Где, бежав от льда и злобы,
Отрок с девою, чисты,
Зрят, пустые кинув гробы,
Край, которым бредишь ты.

Перевод В. Л. Топорова

46. THE LILY

The modest Rose puts forth a thorn,
The humble Sheep a threat'ning horn;
While the Lily white shall in love delight,
Nor a thorn, nor a threat, stain her beauty bright.

46. ЛИЛЕЯ

Тернием колет Роза, строга.
Овечка, грозя, подымает рога.
А Лилея, бела, для любви расцвела,
Не угрозой, не терньем — красотой взяла.

Перевод А. В. Парина

47. THE GARDEN OF LOVE

I went to the Garden of Love,
And saw what I never had seen:
A Chapel was built in the midst,
Where I used to play on the green.

And the gates of this Chapel were shut,
And 'Thou shalt not' writ over the door;
So I turn'd to the Garden of Love
That so many sweet flowers bore;

And I saw it was fillèd with graves,
And tomb-stones where flowers should be;
And priests in black gowns were walking their rounds,
And binding with briars my joys and desires.

47. САД ЛЮБВИ

Я отправился в Сад Любви.
Я и раньше бывал там не раз.
Но, придя, я его не узнал:
Там часовня стояла сейчас.

Дверь в часовню была заперта.
«Бог накажет» — прочел я над ней.
Я прочел, оглянулся вокруг:
Не узнал ни дерев, ни аллея.

Там, где было просторно цветам,
Тесно жались могилы теперь,
И священники в черном шли шагом дозорным
И пути печали на любовь налагали.

Перевод В. Л. Топорова

48. THE LITTLE VAGABOND

Dear mother, dear mother, the Church is cold,
But the Ale-house is healthy and pleasant and warm;
Besides I can tell where I am used well,
Such usage in Heaven will never do well.

But if at the Church they would give us some ale,
And a pleasant fire our souls to regale,
We'd sing and we'd pray all the livelong day,
Nor ever once wish from the Church to stray.

Then the Parson might preach, and drink, and sing,
And we'd be as happy as birds in the spring;
And modest Dame Lurch, who is always at church,
Would not have bandy children, nor fasting, nor birch.

And God, like a father, rejoicing to see
His children as pleasant and happy as He,
Would have no more quarrel with the Devil or the barrel,
But kiss him, and give him both drink and apparel.

48. МАЛЕНЬКИЙ БРОДЯЖКА

Ах, маменька, в церкви и холод и мрак.
Куда веселей придорожный кабак.
К тому же ты знаешь повадку мою —
Такому бродяжке не место в раю.

Вот ежели в церкви дадут нам винца
Да пламенем жарким согреют сердца,
Я буду молиться весь день и всю ночь.
Никто нас из церкви не выгонит прочь.

И станет наш пастырь служить веселей.
Мы счастливы будем, как птицы полей.
И строгая тетка, что в церкви весь век,
Не станет пороть малолетних калек.

И бог будет счастлив, как добрый отец,
Увидев довольных детей наконец.
Наверно, простит он бочонок и черта
И дьяволу выдаст камзол и ботфорты.

Перевод С. Я. Маршак

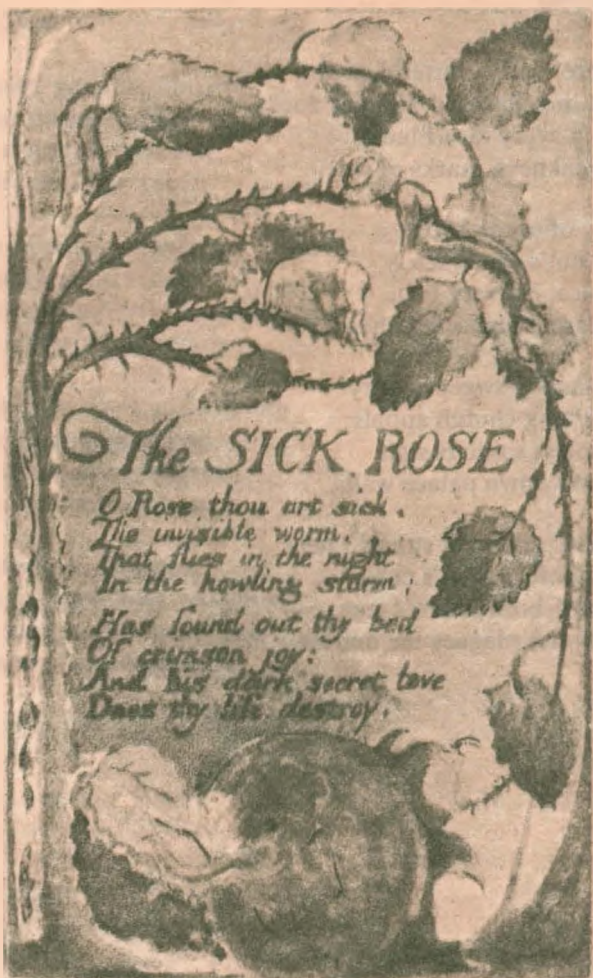
LONDON

I wander thro' each charter'd street,
Near where the charter'd Thames does flow,
And mark in every face I meet
Marks of weakness, marks of woe

In every cry of every Man,
In every Infants cry of fear,
In every voice: in every ban,
The woe-beggared manacles I hear

How the Clanking sweepers cry
Every blackning Church appalls,
And the hapless Soldiers sigh,
Runs in blood down Palace walls

But most thro' midnight streets I hear
How the youthful Harlots curse
Blasts the new-born Infants tear
And whitens with the plagues the Marriage hearse

The SICK ROSE

O Rose, thou art sick,
The invisible worm,
That flies in the night,
In the howling storm;
Has found out thy bed
Of crimson joy;
And his dark secret love
Does thy life destroy.

49. LONDON

I wander thro' each charter'd street,
Near where the charter'd Thames does flow,
And mark in every face I meet
Marks of weakness, marks of woe.

In every cry of every Man,
In every Infants cry of fear,
In every voice, in every ban,
The mind-forg'd manacles I hear.

How the chimney-sweeper's cry
Every black'ning church appals;
And the hapless soldiers sigh
Runs in blood down palace walls.

But most thro' midnight streets I hear
How the youthful harlots curse
Blasts the new-born infants tear,
And blights with plagues the marriage hearse.

49. ЛОНДОН

По вольным улицам брожу,
У вольной издавна реки.
На всех я лицах нахожу
Печать бессилья и тоски.

Мужская брань, и женский стон,
И плач испуганных детей
В моих ушах звучат, как звон
Законом созданных цепей.

Здесь трубочистов юных крики
Пугают сумрачный собор,
И кровь солдата-горемыки
Течет на королевский двор.

А от проклятий и угроз
Девчонки в закоулках мрачных
Чернеют капли детских слез
И катафалки новобрачных.

Перевод С. Я. Маршака

50. THE HUMAN ABSTRACT

Pity would be no more
If we did not make somebody poor;
And Mercy no more could be
If all were as happy as we.

And mutual fear brings peace,
Till the selfish loves increase:
Then Cruelty knits a snare,
And spreads his baits with care.

He sits down with holy fears,
And waters the ground with tears;
Then Humility takes its root
Underneath his foot.

Soon spreads the dismal shade
Of Mystery over his head;
And the caterpillar and fly
Feed on the Mystery.

And it bears the fruit of Deceit,
Ruddy and sweet to eat;
And the raven his nest has made
In its thickest shade.

The Gods of the earth and sea
Sought thro' Nature to find this tree;
But their search was all in vain:
There grows one in the Human brain.

50. ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ АБСТРАКЦИЯ

Была бы жалость на земле едва ли,
Не доводи мы ближних до сумы.
И милосердья люди бы не знали,
Будь и другие счастливы, как мы.

Покой и мир хранит взаимный страх.
И себялюбье властвует на свете.
И вот жестокость, скрытая впотьмах,
На перекрестках расставляет сети.

Святого страха якобы полна,
Слезами грудь земли поит она.
И скоро под ее зловещей сенью
Ростки пускает кроткое смиренье.

Его покров зеленый распростер
Над всей землей мистический шатер.
И тайный червь, мертвящий все живое,
Питается таинственной листвою.

Оно приносит людям каждый год
Обмана сочный и румяный плод.
И в гуще листьев, темной и тлетворной,
Невидимо гнездится ворон черный.

Все наши боги неба и земли
Искали это дерево от века.
Но отыскать донныне не могли:
Оно растет в мозгу у человека.

Перевод С. Я. Маршака

51. INFANT SORROW

My mother groan'd, my father wept,
Into the dangerous world I leapt;
Helpless, naked, piping loud,
Like a fiend hid in a cloud.

Struggling in my father's hands,
Striving against my swaddling-bands,
Bound and weary, I thought best
To sulk upon my mother's breast.

51. ДИТЯ-ГОРЕ

Мать в слезах. Отец взбешен.
Страшный мир со всех сторон.
Затаюсь, нелеп и наг,
Словно дьявол в пеленах.

То в руках отцовских хватких
Я забьюсь в бесовских схватках,
То угрюмый взор упру
В мир, что мне не по нутру.

Перевод В. Л. Топорова

52. A POISON TREE

I was angry with my friend:
I told my wrath, my wrath did end.
I was angry with my foe:
I told it not, my wrath did grow.

And I water'd it in fears,
Night and morning with my tears;
And I sunned it with smiles,
And with soft deceitful wiles.

And it grew both day and night,
Till it bore an apple bright;
And my foe behold it shine,
And he knew that it was mine,

And into my garden stole
When the night had veil'd the pole:
In the morning glad I see
My foe outstretch'd beneath the tree.

52. ДРЕВО ЯДА

В ярость друг меня привел —
Гнев излил я, гнев прошел.
Враг обиду мне нанес —
Я молчал, но гнев мой рос.

Я таил его в тиши
В глубине своей души,
То слезами поливал,
То улыбкой согревал.

Рос он ночью, рос он днем.
Зрело яблочко на нем,
Яда сладкого полно.
Знал мой недруг, чье оно.

Темной ночью в тишине
Он прокрался в сад ко мне
И остался недвижим,
Ядом скованный моим.

Перевод С. Я. Маршака

53. A LITTLE BOY LOST

'Nought loves another as itself,
Nor venerates another so,
Nor is it possible to Thought
A greater than itself to know:

'And, Father, how can I love you
Or any of my brothers more? .
I love you like the little bird
That picks up crumbs around the door.'

The Priest sat by and heard the child,
In trembling zeal he seiz'd his hair:
He led him by his little coat,
And all admir'd the priestly care.

And standing on the altar high,
'Lo! what a fiend is here,' said he,
'One who sets reason up for judge
Of our most holy Mystery.'

The weeping child could not be heard,
The weeping parents wept in vain;
They stripp'd him to his little shirt,
And bound him in an iron chain;

And burn'd him in a holy place,
Where many had been burn'd before:
The weeping parents wept in vain.
Are such things done on Albion's shore?

53. ЗАБЛУДИВШИЙСЯ МАЛЬЧИК

«Нельзя любить и уважать
Других, как собственное я,
Или чужую мысль признать
Гораздо большей, чем своя.

Я не могу любить сильнее
Ни мать, ни братьев, ни отца.
Я их люблю, как воробей,
Что ловит крошки у крыльца».

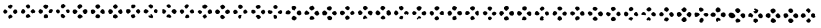
Услышав это, духовник
Дитя за волосы схватил
И поволок за воротник.
А все хвалили этот пыл.

Потом, взобравшись на амвон,
Сказал священник: «Вот злодей!
Умом понять пытался он
То, что сокрыто от людей!»

И не был слышен детский плач,
Напрасно умоляла мать,
Когда дитя раздел палач
И начал цепь на нем ковать.

Был на костре — другим на страх —
Преступник маленький сожжен...
Не на твоих ли берегах
Все это было, Альбион?

Перевод С. Я. Маршака

54. A LITTLE GIRL LOST

*Children of the future age,
Reading this indignant page,
Know that in a former time,
Love, sweet Love, was thought a crime!*

In the Age of Gold,
Free from winter's cold,
Youth and maiden bright
To the holy light,
Naked in the sunny beams delight.

Once a youthful pair,
Fill'd with softest care,
Met in garden bright
Where the holy light
Had just remov'd the curtains of the night.

There, in rising day,
On the grass they play;
Parents were afar,
Strangers came not near,
And the maiden soon forgot her fear.

Tired with kisses sweet,
They agree to meet
When the silent sleep
Waves o'er heaven's deep,
And the weary tired wanderers weep.

To her father white
Came the maiden bright;
But his loving look,
Like the holy book,
All her tender limbs with terror shook.

54. ЗАБЛУДШАЯ ДЕВОЧКА

*Дети будущих веков!
Из разгневанных стихов
Вы узнаете о том,
Что Любовь была грехом.*

В веке золотом,
Светом залитом, —
Вечная весна
И, как снег ясна,
Юных тел нагая белизна.

Он, она — юны,
Нежных дум полны.
Хорошо двоим
Утром золотым,
Утром, вечным светом залитым.

В утренней тиши
В кущах ни души:
Не глядит отец,
Не спешит гонец, —
Уна внемлет трепету сердец.

Восстают из трав,
Радостно устав;
Новой встречи ждут
В час, как все уснут,
В час, когда лишь странники бредут.

И, как снег светла,
В дом к отцу вошла.
Бел отец как лед,
Полн святых забот,
Он взглянул — и страх ее трясет.

'Ona! pale and weak!
To thy father speak:
O! the trembling fear,
O! the dismal care,
That shakes the blossoms of my hoary hair!'

«Дочь, как ты бледна!
Уна, ты больна?
О, потоки слез!
Гибельный вопрос
Рвет, как вихрь, цветы седых волос!»

Перевод В. Л. Топорова

55. TO TIRZAH

Whate'er is born of mortal birth
Must be consumèd with the earth,
To rise from generation free:
Then what have I to do with thee?

The sexes sprung from shame and pride,
Blow'd in the morn; in evening died;
But Mercy chang'd death into sleep;
The sexes rose to work and weep.

Thou, Mother of my mortal part,
With cruelty didst mould my heart,
And with false self-deceiving tears
Didst bind my nostrils, eyes, and ears;

Didst close my tongue in senseless clay,
And me to mortal life betray:
The death of Jesus set me free:
Then what have I to do with thee?

55. К ТИРЗЕ

Рожденный Матерью Земной
Опять смешается с Землей;
Став прахом, станет Персть равна —
Так что же мне в тебе, Жена?

Восстав из Спеси и Стыда,
Два Пола пали в Никуда;
Но Смерть до Сна низведена —
Два Пола встали после сна.

Мать Смертной Участи Моей!
Дарительница Всех Скорбей!
Замазала твоя слеза
Мне Ноздри, Уши и Глаза.

Мне косным сделала Язык.
На смерть я из Тебя возник!
Душа Голгофой спасена —
Так что же мне в тебе, Жена?

Перевод В. Л. Топорова

56. THE SCHOOLBOY

I love to rise in a summer morn
When the birds sing on every tree;
The distant huntsman winds his horn,
And the skylark sings with me.
O! what sweet company.

But to go to school in a summer morn,
O! it drives all joy away;
Under a cruel eye outworn,
The little ones spend the day
In sighing and dismay.

Ah! then at times I drooping sit,
And spend many an anxious hour,
Nor in my book can I take delight,
Nor sit in learning's bower,
Worn thro' with the dreary shower.

How can the bird that is born for joy
Sit in a cage and sing?
How can a child, when fears annoy,
But droop his tender wing,
And forget his youthful spring?

O! father and mother, if buds are nipp'd
And blossoms blown away,
And if the tender plants are stripp'd
Of their joy in the springing day,
By sorrow and care's dismay,

56. ШКОЛЬНИК

Люблю я летний час рассвета.
Щебечут птицы в тишине.
Трубит в рожок охотник где-то.
И с жаворонком в вышине
Перекликаться люблю мне.

Но днем сидеть за книжкой в школе —
Какая радость для ребят?
Под взором старших, как в неволе,
С утра усаженные в ряд,
Бедняги школьники сидят.

С травой и птицами в разлуке
За часом час я провожу.
Утех ни в чем не нахожу
Под ветхим куполом науки,
Где каплет дождик мертвой скуки.

Поет ли дрозд, попавший в сети,
Забыв полеты в вышину?
Как могут радоваться дети,
Встречая взаперти весну?
И никнут крылья их в плену.

Отец и мать! Коль ветви сада
Ненастным днем обнажены
И шелестящего наряда
Чуть распутившейся весны
Дыханьем бури лишены, —

How shall the summer arise in joy,
Or the summer fruits appear?
Or how shall we gather what griefs destroy,
Or bless the mellowing year,
When the blasts of winter appear?

Придут ли дни тепла и света,
Тая в листве румяный плод?
Какую радость даст нам лето?
Благословим ли зрелый год.
Когда зима опять дохнет?

Перевод С. Я. Маршака

57. THE VOICE OF THE ANCIENT BARD

Youth of delight, come hither,
And see the opening morn,
Image of truth new-born.
Doubt is fled, and clouds of reason,
Dark disputes and artful teasing.
Folly is an endless maze,
Tangled roots perplex her ways.
How many have fallen there!
They stumble all night over bones of the dead,
And feel they know not what but care,
And wish to lead others, when they should be led.

57. ГОЛОС ДРЕВНЕГО БАРДА

Придите, молодые!
Уже заря зажглась,
И правда родилась.
Скрылись тени вековые,
Мудрствования пустые.
Лабиринтом вырос бред.
От корней проходу нет.
Многие споткнулись там,
Блуждая по костям во мраке до зари.
Плетутся с горем пополам,
Себя вождями мнят, а им самим нужны
Поводыри.

Перевод В. Б. Микушевича

FROM "THE ROSSETTI MANUSCRIPT"

(1789-1793)

* * *

58. Never seek to tell thy love,
Love that never told can be;
For the gentle wind does move
Silently, invisibly.

I told my love, I told my love,
I told her all my heart;
Trembling, cold, in ghastly tears,
Ah! she doth depart.

Soon as she was gone from me,
A traveller came by,
Silently, invisibly:
He took her with a sigh.

ИЗ «МАНУСКРИПТА РОССЕТТИ»

(1789—1793)

* * *

58. Словом высказать нельзя
Всю любовь к любимой.
Ветер движется, скользя,
Тихий и незримый.

Я сказал, я все сказал,
Что в душе таилось.
Ах, любовь моя в слезах,
В страхе удалилась.

А мгновение спустя
Путник, шедший мимо,
Тихо, вкрадчиво, шутя
Завладел любимой.

Перевод С. Я. Маршака

* * *

59. I saw a Chapel all of gold
That none did dare to enter in,
And many weeping stood without,
Weeping, mourning, worshipping.

I saw a Serpent rise between
The white pillars of the door,
And he forc'd and forc'd and forc'd;
Down the golden hinges tore,

And along the pavement sweet,
Set with pearls and rubies bright,
All his shining length he drew,
Till upon the altar white

Vomiting his poison out
On the Bread and on the Wine.
So I turn'd into a sty,
And laid me down among the swine.

* * *

59. Предстал мне Златоглавый Храм —
И заповеден был Порог,
И толпы оробелых там
Молились и валились с ног.

Но вот у Врат, меж двух колонн
Белейших, показался Змий —
Пополз, пополз, вползая, Он
Туда, где править призван Сый.

Златые Створы миновав,
По перловицам половиц
Вполз, ослепительно кровав,
В Святых Святую — и завис

Над миром, и, разинув Зев,
Исторг на Плоть и Кровь свой Яд.
Тогда я воротился в хлев
И жить решил, где свиньи спят.

Перевод В. Л. Топорова

* * *

60. I askèd a thief to steal me a peach.
He turnèd up his eyes.
I ask'd a lithe lady to lie her down:
Holy and meek, she cries.

As soon as I went
An Angel came:
He wink'd at the thief,
And smil'd at the dame;

And without one word said
Had a peach from the tree,
And still as a maid
Enjoy'd the lady.

* * *

60. Вора просил я персик украсть.
Мне был молчаливый отказ.
Стройную даму просил я возлечь —
Но брызнули слезы из глаз.

Тут ангел вору
Моргнул, а гибкой
Леди поклон
Отвесил с улыбкой,

И овладел,
Между шуткой и делом,
Дамой податливой,
Персиком спелым.

Перевод В. А. Потаповой

* * *

61. I heard an Angel singing
When the day was springing:
'Mercy, Pity, Peace
Is the world's release.'

Thus he sang all day
Over the new-mown hay,
Till the sun went down,
And haycocks lookèd brown.

I heard a Devil curse
Over the heath and the furze:
'Mercy could be no more
If there was nobody poor,

'And Pity no more could be,
If all were as happy as we.'
At his curse the sun went down,
And the heavens gave a frown.

[Down pour'd the heavy rain
Over the new reap'd grain;
And Misery's increase
Is Mercy, Pity, Peace.]

* * *

61. Я слышал ангела пенье,
А день стоял — загляденье:
«Жалость, Согласье, Благодсть
Превозмогут любую тягость!»

Он пел, исполняя свой долг,
Над скошенным сеном — и смолк
После заката, когда
Бурой казалась скирда.

Над дроком и вереском, братья,
Я дьявола слышал заклатья:
«Толк о Благости вреден,
Коль скоро никто не беден.

Кто счастлив, как наше сословье,
Тем Жалость — одно пустословье!»
От заклатья солнце зашло,
Небес помрачнело чело,

И ливень хлынул с неба
На копны сжатого хлеба.
Пришла нищета в одночасье,
С ней — Благодсть, Жалость, Согласье.

Перевод В. А. Потаповой

62. A CRADLE SONG

Sleep! sleep! beauty bright,
Dreaming o'er the joys of night;
Sleep! sleep! in thy sleep
Little sorrows sit and weep.

Sweet Babe, in thy face
Soft desires I can trace,
Secret joys and secret smiles,
Little pretty infant wiles.

As thy softest limbs I feel,
Smiles as of the morning steal
O'er thy cheek, and o'er thy breast
Where thy little heart does rest.

O! the cunning wiles that creep
In thy little heart asleep.
When thy little heart does wake
Then the dreadful lightnings break,

From thy cheek and from thy eye,
O'er the youthful harvests nigh.
Infant wiles and infant smiles
Heaven and Earth of peace beguiles.

62. КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Сон! сон! поведи,
Где свет впереди!
Там свет — в глубине,
И — горе на дне.

Спи, схожий лицом
С заблудшим отцом.
Спи, грешен, лукав.
Спи, сыне, устав.

Спи, нежный и злой.
Спи вместе с Землей.
Сон в мире большом.
Сон в сердце твоём.

Уж сердце полно
Всего, что темно.
Так страшный рассвет
Родится на свет.

Он брызнет из глаз
В положенный час. —
Лукав и кровав. —
И — Небо поправ.

Перевод В. Л. Топорова

* * *

63. I fear'd the fury of my wind
Would blight all blossoms fair and true;
And my sun it shin'd and shin'd,
And my wind it never blew.

But a blossom fair or true
Was not found on any tree;
For all blossoms grew and grew
Fruitless, false, tho' fair to see.

* * *

63. Страшился я: мой вихрь убьет
Прекрасный и невинный цвет.
Но солнце с неба льет и льет
Поток лучей, а ветра нет.

Когда настал цветенья час,
Лишь пустоцвет густой-густой
Все рос да рос и тешил глаз
Бесплодной, лживой красотой.

Перевод В. А. Потаповой

64. INFANT SORROW

i

My mother groan'd, my father wept;
Into the dangerous world I leapt,
Helpless, naked, piping loud,
Like a fiend hid in a cloud.

ii

Struggling in my father's hands,
Striving against my swaddling-bands,
Bound and weary, I thought best
To sulk upon my mother's breast.

iii

When I saw that rage was vain,
And to sulk would nothing gain,
Turning many a trick and wile
I began to soothe and smile.

iv

And I sooth'd day after day,
Till upon the ground I stray;
And I smil'd night after night,
Seeking only for delight.

v

And I saw before me shine
Clusters of the wand'ring vine;
And, beyond, a Myrtle-tree
Stretch'd its blossoms out to me.

vi

But a Priest with holy look,
In his hands a holy book,
Pronouncèd curses on his head
Who the fruits or blossoms shed

64. ДИТЯ-ГОРЕ

Мать в слезах. Отец взбешен.
Страшный мир со всех сторон.
Затаюсь, нелеп и наг,
Словно дьявол в пеленах.

То в руках отцовских хватких
Я забьюсь в бесовских схватках,
То угрюмо взор упру
В мир, что мне не по нутру.

Но поняв, что грудь — суха,
Я затих: тоска — тиха.
Но поняв: тоска бессильна,
Улыбаться стал умильно.

Я, затихши в жалкой зыбке,
Раздавал свои улыбки;
Спрыгнул и пошел потом,
Наслаждением влеком.

И увидел я отрадные
Кущи, гроздья виноградные,
Мне деревья и кусты
Сыпали свои цветы...

И тогда отец мой скучный,
Пятикнижья чтец послушный,

vii

I beheld the Priest by night;
He embrac'd my Myrtle bright:
I beheld the Priest by day,
Where beneath my vines he lay.

viii

Like a serpent in the day
Underneath my vines he lay:
Like a serpent in the night
He embrac'd my Myrtle bright.

ix

So I smote him, and his gore
Stain'd the roots my Myrtle bore;
But the time of youth is fled,
And grey hairs are on my head.

Проклял сына и связал,
К древу мирта приковал.

Перевод В. Л. Топорова

* * *

65. Thou hast a lap full of seed,
And this is a fine country.
Why dost thou not cast thy seed,
And live in it merrily?

Shall I cast it on the sand
And turn it into fruitful land?
For on no other ground
Can I sow my seed,
Without tearing up
Some stinking weed.

* * *

65.— Зерна у тебя в подоле,
Благодатен этот край.
Что ж ты не засеешь поле
И не снимешь урожай?

— Я зарюю их в песок бесплодный.
Там создам я край свой плодородный.
На другой земле нельзя
Сеять мне, доколе
От зловонных сорняков
Не очищу поле!

Перевод В. А. Потаповой

66. IN A MIRTLE SHADE

Why should I be bound to thee,
O my lovely mirtle tree?
Love, free love, cannot be bound
To any tree that grows on ground.

O, how sick & weary I
Underneath my mirtle lie,
Like to dung upon the ground
Underneath my mirtle bound.

Oft my mirtle sign'd in vain
To behold my heavy chain;
Oft my father saw us sigh,
And laugh'd at our simplicity.

So I smote him & his gore
Stain'd the roots my mirtle bore.
But the time of youth is fled,
And grey hairs are on my head.

66. ПОД МИРТОВЫМ ДРЕВОМ

Древо мирта, отчего я
Связан узами с тобою?
Как любви — самой свободе —
На одном цвести угодье?

Гнет блаженству не союзник.
Плохо нам с тобой, союзник.
Как навоз, лежу в пыли
На твоём клочке земли.

Древо плакало: протрется
Цепь, я плакал: не порвется.
А родитель хохотал:
Все про нас и цепь он знал.

Я убил отца, и корни,
Кровью политые, черны.
Вытерпевши столько лет —
Сам теперь и стар и сед.

Перевод В. А. Потаповой

67. TO NOBODADDY

Why art thou silent and invisible,
Father of Jealousy?
Why dost thou hide thyself in clouds
From every searching eye?

Why darkness and obscurity
In all thy words and laws,
That none dare eat the fruit but from
The wily Serpent's jaws?
Or is it because secrecy gains females' loud applause?

67. ОТЦУ, НЕ ПОРОДИВШЕМУ СЫНА

Зачем безмолвен ты, зачем
Незрим, Ревнивый Отче?
Зачем туманной пеленой
Пытаешь наши очи?

Зачем ты гневной тьмой объял
Слова свои святы,
И несть для нас иных плодов,
Чем те, что в зеве Змия?

Одна ль повинна в этом
Страсть женская к секретам?

Перевод В. Л. Топорова

68. THE WILD FLOWER'S SONG

As I wander'd the forest,
The green leaves among,
I heard a Wild Flower
Singing a song.

'I slept in the earth
In the silent night,
I murmur'd my fears
And I felt delight.

'In the morning I went,
As rosy as morn,
To seek for new joy;
But I met with scorn.'

68. ПЕСНЯ ДИКОГО ЦВЕТКА

Меж листьев зеленых
Ранней весной
Пел свою песню
Цветик лесной:

— Как сладко я спал
В темноте, в тишине,
О смутных тревогах
Шептал в полусне.

Раскрылся я, светел,
Пред самую зорькой,
Но свет меня встретил
Обидою горькой.

Перевод С. Я. Маршака

* * *

69. O lapwing! thou fliest around the heath,
Nor seest the net that is spread beneath.
Why dost thou not fly among the corn fields?
They cannot spread nets where a harvest yields.

* * *

69. О чибис! Ты видишь внизу пустополе.
Тенета развешаны там на приволье.
Ты мог бы над спеющей нивой носиться:
Сетей не раскинут, где хлеб колосится!

Перевод В. А. Потаповой

70. SOFT SNOW

I walkèd abroad on a snowy day:
I ask'd the soft Snow with me to play:
She play'd and she melted in all her prime;
And the Winter call'd it a dreadful crime.

70. МЯГКИЙ СНЕГ

Бродил я однажды по зимним тропинкам.
— Со мной поиграйте! — сказал я снежинкам.
Играли — и таяли... Их поведенью
Зима ужасалась, как грехопаденью.

Перевод В. А. Потаповой

71. MERLIN'S PROPHECY

The harvest shall flourish in wintry weather
When two Virginities meet together:
The king and the priest must be tied in a tether
Before two Virgins can meet together.

71. ПРОРОЧЕСТВО МЕРЛИНА

Деревья зимой зацветут, взойдут из-под снега посевы,
Когда повстречаются две целомудренных девы.
Но сперва короля и попа стреножьте веревкой единой,
Чтобы встретилась дева невинная с девой невинной.

Перевод В. А. Потаповой

72. DAY

The sun arises in the East,
Cloth'd in robes of blood and gold;
Swords and spears and wrath increas'd
All around his bosom roll'd,
Crown'd with warlike fires and raging desires.

72. ДЕНЬ

Восходит солнце на востоке.

Кровь, злато — вот его наряд!

Вокруг вскипает гнев жестокий.

Мечи и копья там горят.

Венец его и знаки царской власти —

Огни войны, воинственные страсти.

Перевод В. А. Потаповой

* * *

73. Why should I care for the men of Thames,
Or the cheating waves of charter'd streams;
Or shrink at the little blasts of fear
That the hireling blows into my ear?

Tho' born on the cheating banks of Thames,
Tho' his waters bathèd my infant limbs,
The Ohio shall wash his stains from me:
I was born a slave, but I go to be free!

73. ТЕМЗА И ОГАЙО

Чем обязан я вам, — если с Темзы вы родом, —
И коварным, отмеченным Хартией, водам?
Разве должен терять я присутствие духа
От всего, что вдувает наушник мне в ухо?

Берегов этих лживых я был уроженцем
И в бесчестных волнах искупался младенцем,
Смой, Огайо, с меня эту мутную воду!
Я родился рабом, но познаю свободу.

Перевод В. А. Потаповой

* * *

74. Abstinence sows sand all over
The ruddy limbs and flaming hair,
But Desire gratified
Plants fruits of life and beauty there.

* * *

74. Пламень волос и румяную плоть
Песком Воздержанье заносит.
Утоленных желаний цветущая ветвь
На сыпучем песке плодоносит.

Перевод В. А. Потаповой

* * *

75. If you trap the moment before it's ripe,
The tears of repentance you'll certainly wipe;
But if once you let the ripe moment go
You can never wipe off the tears of woe.

* * *

75. Схватив за вихор прежде времени случай,
Заплачешь слезами раскаянья.
Но, миг проморгав подходящий, — не мучай
Себя: нет причин для отчаянья.

Перевод В. А. Потаповой

* * *

76. He who bends to himself a Joy
Doth the wingèd life destroy;
But he who kisses the Joy as it flies
Lives in Eternity's sunrise.

76. ЛЕТУЧАЯ РАДОСТЬ

Кто удержит радость силою,
Жизнь погубит легкокрылую.

На лету целуй ее —
Утро вечности твое!

Перевод С. Я. Маршака

77. RICHES

The countless gold of a merry heart,
The rubies and pearls of a loving eye,
The indolent never can bring to the mart,
Nor the secret hoard up in his treasury.

77. БОГАТСТВО

Веселых умов золотые крупинки,
Рубины и жемчуг сердец
Бездельник не сбудет с прилавка на рынке,
Не спрячет в подвалы скупец.

Перевод С. Я Маршака

78. AN ANSWER
TO THE PARSON

Why of the sheep do you not learn peace?
Because I don't want you to shear my fleece.

**78. РАЗГОВОР ДУХОВНОГО ОТЦА
С ПРИХОЖАНИНОМ**

- Мой сын, смирению учитесь у овец!..
- Боюсь, что стричь меня вы будете, отец!

Перевод С. Я. Маршака

* * *

79. Soft deceit & idleness
These are beauties sweetest dress.

* * *

79. Лениость и обман блаженный —
Красоты наряд бесценный.

Перевод В. А. Потаповой

* * *

80. "Let the Brothels of Paris be opened
 With many an alluring dance
 To awake the Pestilence thro' the city,"
 Said the beautiful Queen of France.

The King awoke on his couch of gold,
 As soon as he heard these tidings told:
 "Arise & come, both fife & drum,
 And the Famine shall eat both crust & crumb."

Then he swore a great & solemn Oath:
 "To kill the people I am loth,
 But if they rebel, they must go to hell:
 They shall have a Priest & a passing bell."

Then old Nobodaddy aloft
 Farted & belch'd & cough'd,

And said, "I love hanging & drawing & quartering
 Every bit as well as war & slaughtering.
 Damn praying & singing,
 Unless they will bring in
 The blood of ten thousand by fighting or swinging."

The Queen of France just touched this Globe,
 And the Pestilence darted from her robe;
 But our good Queen quite grows to the ground,
 And a great many suckers grow all around.

Fayette beside King Lewis stood;
 He saw him sign his hand;
 And soon he saw the famine rage
 About the fruitful land.

* * *

80. «Двери настезь, парижские бордели!
Пусть зараза по городу летит,
С голытьбою обвенчана судьбою», —
Королева Франции велит.

Король со золотого ложа слетел,
Тó услышав, чего знать не хотел:
«Вставай, народ, труба зовет,
Не то все до крошки Голод сожрет!»

И вот Король дал великий обет:
«Приязни в кровавых казнях нет,
Но бунтовщикам я воли не дам —
На плаху полягут ко всем чертям!»

И вот Не Породивший Сына отец
Съел, рыгнул и раскашлялся под конец:
«Обожаю войны, повешения, четвертования,
Смакую каждый кусок страдания.
Набили оскомину благодарственные завывания,
Предпочитаю выслушивать поношения
И выкушивать многотысячные жертвоприношения!»

Шар Земной Антуанетта взяла, —
Зараза из платья ее плыла.
К земле клонилась наша добрая Королева —
Лизоблюдями отягощенное древо.

Увидел верный Лафайет
Жест властный Короля —
И голод Францию объял,
И вымерли поля.

Fayette beheld the Queen to smile
And wink her lovely eye;
And soon he saw the pestilence
From street to street to fly.

Fayette beheld the King & Queen
In tears & iron bound;
But mute Fayette wept tear for tear,
And guarded them around.

Fayette, Fayette, thou'rt bought & sold,
And sold is thy happy morrow;
Thou gavest the tears of Pity away
In exchange for the tears of sorrow.

Who will exchange his own fire side
For the steps of another's door?
Who will exchange his wheaten loaf
For the links of a dungeon floor?

O, who would smile on the wintry seas,
& Pity the stormy roar?
Or who will exchange his new born child
For the dog at the wintry door?

Услышал верный Лафайет
Антуанетты смех —
Зараза вспыхнула в стране,
Затронув вся и всех.

Увидел верный Лафайет
В цепях сию Чету —
И с тихим плачем стал не Палач им,
А Сторож на посту.

Ты был менялой, Лафайет,
Но барыши пропали:
Ты сострадания слезу
Променял на слезы печали.

Кто променяет свой очаг
На черный чужой порог?
Кто променяет пшеничный хлеб
На тюремный замок?

Кто ж пожалеет ураган
И ливневый поток?
Кто ж променяет свое дитя
На пса, что в пути промок?

Перевод В. Л. Топорова

(1800-1803)

* * *

i

81. My Spectre around me night and day
Like a wild beast guards my way;
My Emanation far within
Weeps incessantly for my sin.

ii

'A fathomless and boundless deep,
There we wander, there we weep;
On the hungry craving wind
My Spectre follows thee behind.

iii

'He scents thy footsteps in the snow,
Wheresoever thou dost go,
Thro' the wintry hail and rain.
When wilt thou return again?

iv

'Dost thou not in pride and scorn
Fill with tempests all my morn,
And with jealousies and fears
Fill my pleasant nights with tears?

v

'Seven of my sweet loves thy knife
Has bereavèd of their life.
Their marble tombs I built with tears,
And with cold and shuddering fears.

(1800—1803)

81. СПЕКТР И ЭМАНАЦИЯ

Мой Спектр опричь меня кружит,
Как хищник, жертву сторожит,
А Эманация моя,
Рыдая, бросила меня.

«Во мраке бездны безысходной,
Свершая грех непервородный,
Блуждаем и рыдаем мы —
Тебя мой Спектр ждет в царстве тьмы.

Твой след — куда ты ни пошла бы, —
Через ущелья и ухабы, —
Отыщет он, сквозь град и снег.
Когда ж вернешься ты навек?

Не та ли ты, что гнев с презреньем
Воздвигла над моим смиреньем,
Не та ли, что сожгла слезми
Мои игральщища с людьми?

Не ты ли семь моих любовей
Похоронила в море крови?
Не ты ль велишь, чтоб я забыл
Семь приснопамятных могил?

vi

'Seven more loves weep night and day
Round the tombs where my loves lay,
And seven more loves attend each night
Around my couch with torches bright.

vii

'And seven more loves in my bed
Crown with wine my mournful head,
Pitying and forgiving all
Thy transgressions great and small.

viii

'When wilt thou return and view
My loves, and them to life renew?
When wilt thou return and live?
When wilt thou pity as I forgive?'

a

['O'er my sins thou sit and moan:
Hast thou no sins of thy own?
O'er my sins thou sit and weep,
And lull thy own sins fast asleep.]

b

['What transgressions I commit
Are for thy transgressions fit.
They thy harlots, thou their slave;
And my bed becomes their grave.]

ix

'Never, never, I return:
Still for victory I burn.
Living, thee alone I'll have;
And when dead I'll be thy grave.

Еще семь раз любил я, зная,
Что ждет любовь земля сырая,
И семь других в полночном сне
Скользнули с факелом ко мне.

И семь с великою душою,
Наивозлюбленнейших мною,
Лозой увили мне чело,
Не ставя Зло твое во зло.

Когда ж вернешься ты, чтоб всех
Их воскресить, избыв свой грех?
Когда ж вернешься ты, меня —
Как я прощаю — не казня?»

(«Мои грехи тебе мешают,
А собственные — не смущают?
К моим — презренье беспредельное,
Своим — поешь ты колыбельную».)

(«Что за грех, что мной свершен,
Тобою не предвосхищен?
Шлюх ты шлешь мне на подмену —
Знаешь собственную цену».)

«Не вернусь я, ибо пеней
Должен быть триумф — не мене!
Коль тебя переживу —
Будет повод к торжеству!

x

'Thro' the Heaven and Earth and Hell
 Thou shalt never, never quell:
 I will fly and thou pursue:
 Night and morn the flight renew.'

c

['Poor, pale, pitiable form
 That I follow in a storm;
 Iron tears and groans of lead
 Bind around my aching head.]

xi

'Till I turn from Female love
 And root up the Infernal Grove,
 I shall never worthy be
 To step into Eternity.

xii

'And, to end thy cruel mocks,
 Annihilate thee on the rocks,
 And another form create
 To be subservient to my fate.

xiii

'Let us agree to give up love,
 And root up the Infernal Grove;
 Then shall we return and see
 The worlds of happy Eternity.

xiv

'And throughout all Eternity
 I forgive you, you forgive me.
 As our dear Redeemer said:
 "This the Wine, and this the Bread."'

Небо, Землю и Геенну
Не объять тебе, смятенный.
Полечу куда смелей
Провозвестницей твоей!»

(«Бедный, жалкий, беспомощный
Спутник мой во тьме полночной,
За тебя я, как в оковах,
Вся в слезах своих свинцовых».)

«Тщетно к вечности взываю
Я, пока не поломаю
Адский лес сухой хвои, —
Путы женские твои.

Я распну тебя на скалах,
Чтоб не зреть в твоих оскалах
Зла, ни жалости к себе,
Ни презрения к судьбе.

Или я создам другое
Нечто, сходное с тобою,
Адский лес сухой хвои —
Иль вступи на путь Любви.

И, отринув бессердечность,
Обретем в согласье Вечность —
Ведь Спасителем дана
Мера Хлеба и Вина».

Перевод В. Л. Топорова

* * *

82. When Klopstock England defied,
Uprose William Blake in his pride;
For old Nobodaddy aloft
...and belch'd and cough'd;
Then swore a great oath that made Heaven quake,
And call'd aloud to English Blake.
Blake was giving his body ease,
At Lambeth beneath the poplar trees.
From his seat then started he
And turn'd him round three times three.
The moon at that sight blush'd scarlet red,
The stars threw down their cups and fled,
And all the devils that were in hell,
Answerèd with a ninefold yell.
Klopstock felt the intripled turn,
And all his bowels began to churn,
And his bowels turn'd round three times three,
And lock'd in his soul with a ninefold key;...
Then again old Nobodaddy swore
He ne'er had seen such a thing before,
Since Noah was shut in the ark,
Since Eve first chose her hellfire spark,
Since 'twas the fashion to go naked,
Since the old Anything was created...

* * *

82. Клопшток Англию хулил как хотел,
Но тут как раз Вильям Блейк подоспел;
Ибо Не Породивший Сына отец
...рыгнул и раскашлялся под конец;
Священная затрепетала семейка
От заклатья, разбудившего Британского Блейка.
Вильям Блейк восседал орлом
В окрестностях Лондона, под топольком.
Не усидев на насиженном месте —
Куча осталась на этом месте, —
Трижды он обернулся на месте,
Что было началом священной мести.
Кровью налилась при виде этого Луна,
Звезды повалились; как хватив вина,
И девятикратной площадною бранью
Отозвалось чертей Кромешное Собрание.
Клопшток, в ответ на троекратный поворот,
Трижды с визгом схватился за живот,
Трижды в его животе перевернулись все кишки,
И девять раз подряд душа его встала на дыбки...
Тогда Не Породивший Сына отец
Поклялся, что не встречался ему подобный игрец
С тех пор, как Ной смастерил свой ковчег,
С тех пор, как Ева вкусила запретных нег,
С тех пор, как он тьму отделил от света,
С тех пор, как содеять замыслил это...
Восчувствовав так, он меня просил,
Чтоб муку Клопштокову я смягчил...
Тако Блейк победил, облегчаясь,
А уж в стихах победит, ручаюсь!

Перевод В. Л. Топорова

* * *

83. Mock on, mock on, Voltaire, Rousseau;
Mock on, mock on; tis all in vain!
You throw the sand against the wind,
And the wind blows it back again.

And every sand becomes a gem
Reflected in the beams divine;
Blown back they blind the mocking eye,
But still in Israel's paths they shine.

The Atoms of Democritus
And Newton's Particles of Light
Are sands upon the Red Sea shore,
Where Israel's tents do shine so bright.

* * *

83. Живей, Вольтер! Смелей, Руссо!
Бушуй, бумажная гроза!
Вернется по ветру песок,
Что нам швыряете в глаза.

Песчинка каждая — алмаз,
Когда в ней блещет луч небес...
Насмешники! для ваших глаз
Несть в нашей Библии чудес!

Придумал атом Демокрит,
Ньютон разъял на части свет...
Песчаный смерч Науки спит,
Когда мы слушаем Завет.

Перевод В. Л. Топорова

* * *

84. When a man has married a wife, he finds out whether
Her knees and elbows are only glued together.

* * *

84. Пока не женимся, сказать мы не сумеем,
Не клеены ли у жены колени клеєм.

Перевод С. Я. Маршака

85. ON THE VIRGINITY
OF THE VIRGIN MARY AND
JOHANNA SOUTHCOTT

Whate'er is done to her she cannot know,
And if you'll ask her she will swear it so.
Whether 'tis good or evil none's to blame:
No one can take the pride, no one the shame.

85. О ДЕВСТВЕННОСТИ
ДЕВЫ МАРИИ
И ДЖОАННЫ САУСКОТТ

Содеяли с нею добро или зло?
Не знает сама; безмятежно чело.
И некому это поставить в укор:
Ничья тут заслуга, ничей тут позор.

Перевод В. А. Потаповой

86. MORNING

To find the Western path,
Right thro' the Gates of Wrath
I urge my way;
Sweet Mercy leads me on
With soft repentant moan:
I see the break of day.

The war of swords and spears,
Melted by dewy tears,
Exhales on high;
The Sun is freed from fears,
And with soft grateful tears
Ascends the sky.

86. <УТРО>

Ища тропинки на Закат,
Пространством тесным Гневных Врат
Я бодро прохожу.
И жалость кроткая меня
Ведет, в раскаянье стена.
Я проблеск дня слежу.

Мечей и копий гаснет бой
Рассветной раннею порой,
Залит слезами, как росой.
И солнце, в радостных слезах,
Преодолев свой тяжкий страх,
Сияет ярко в небесах.

Перевод С. Я. Маршака

* * *

87. 'Now Art has lost its mental charms
France shall subdue the world in arms.'
So spoke an Angel at my birth;
Then said 'Descend thou upon earth;
Renew the Arts on Britain's shore,
And France shall fall down and adore.
With works of art their armies meet
And War shall sink beneath thy feet.
But if thy nation Arts refuse,
And if they scorn the immortal Muse,
France shall the arts of peace restore
And save thee from the ungrateful shore.'

Spirit who lov'st Britannia's Isle
Round which the fiends of commerce smile—

* * *

87. Утратило искусство свой
Пленительный духовный строй,
Теперь им заправляет Галл, —
Так добрый ангел мне сказал. —
Но ты, продолжил он, рожден
Вернуть искусство в Альбион.
Пойдут искусства рать на рать —
И галльскому — не устоять.
Но если Франции отдашь
Победу — то искусств шабаш
Охватит целый материк,
И там сочтут, что ты велик...

Мой дух, надежда Альбиона,
Заулыбался чуть смущенно...

Перевод В. Л. Топорова

(1808-1811)

88. TO F [LAXMAN]

I mock thee not, though I by thee am mockèd;
Thou call'st me madman, but I call thee blockhead.

(1808—1811)

88. МОЕМУ ХУЛИТЕЛЮ

Пусть обо мне ты распускаешь ложь,
Я над тобою не глумлюсь тайком.
Пусть сумасшедшим ты меня зовешь,
Тебя зову я только дураком.

Перевод С. Я. Маршака

* * *

89. Here lies John Trot, the friend of all mankind:
He has not left one enemy behind.
Friends were quite hard to find, old authors say;
But now they stand in everybody's way.

* * *

89. Ни одного врага всеобщий друг, Джон Трот,
Оставить не сумел у Вечности Ворот.
«Друг — редкость!» — мыслили так древние в тревоге.
Теперь друзья стоят всем поперек дороги.

Перевод В. А. Потаповой

* * *

90. I was buried near this dyke,
That my friends may weep as much as they like.

90. ЭПИТАФИЯ

Я погребен у городской канавы водосточной,
Чтоб слезы лить могли друзья и днем и еженощно.

Перевод С. Я. Маршака

* * *

91. My title as a genius thus is prov'd:
Not prais'd by Hayley, nor by Flaxman lov'd.

* * *

91. Теперь попробуйте сказать, что я не гениален:
Флексманом я не любим, Хейли — не захвален.

Перевод В. А. Потаповой

* * *

92. Grown old in Love from Seven till Seven times Seven
I oft have wish'd for Hell, for Ease from Heaven.

* * *

92. Всю жизнь любовью пламенной сгорая,
Мечтал я в ад попасть, чтоб отдохнуть от рая.

Перевод С. Я. Маршака

* * *

93. All pictures that's panted with sense and with thought
Are panted by madmen, as sure as a groat;
For the greater the fool is the pencil more blest,
As when they are drunk they always pant best.
They never can Raphael it, Fuseli it, nor Blake it;
If they can't see an outline, pray how can they make it?
When men will draw outlines begin you to jaw them;
Madmen see outlines and therefore they draw them.

* * *

93. Чувства и мысли в картине нашедший
Смекнет, что ее написал сумасшедший.
Чем больше дурак — тем острее наитье.
Блажен карандаш, если дурень — в подпийе.
Кто контур не видит — не может его рисовать,
Ни рафаэлить, ни фюзелить, ни блейковать.
За контурный метод вы рады художника съесть,
Но контуры видит безумец и пишет как есть.

Перевод В. А. Потаповой

* * *

94. Why was Cupid a boy,
And why a boy was he?
He should have been a girl,
For aught that I can see.

For he shoots with his bow,
And the girl shoots with her eye,
And they both are merry and glad,
And laugh when we do cry.

And to make Cupid a boy
Was the Cupid girl's mocking plan;
For a boy can't interpret the thing
Till he is become a man.

And then he's so pierc'd with cares,
And wounded with arrowy smarts,
That the whole business of his life
Is to pick out the heads of the darts.

'Twas the Greeks' love of war
Turn'd Love into a boy,
And woman into a statue of stone—
And away fled every joy.

94. КУПИДОН

Зачем ты создан, Купидон
С мальчишескою статью?
Тебе бы девочкою быть,
По моему понятию!

Ты поражаешь цель стрелой,
А девочка — глазами,
И оба счастливы, когда
Зальемся мы слезами.

В затее — мальчиком тебя
Создать, узнал я женщин руку:
Лишь возмужав, постигнешь ты
Глумленья сложную науку.

Но до тех пор — несчетных стрел
В тебя вопьются жальца,
А их выдергивать из ран
Всю жизнь — удел страдальца.

Любви придав мужскую статью,
Из камня женский пол ваять
Войнолюбивый вздумал грек —
И радость унесло навек.

Перевод В. А. Потаповой

* * *

95. I askèd my dear friend Orator Prig:
‘What’s the first part of oratory?’ He said: ‘A great wig.’
‘And what is the second?’ Then, dancing a jig
And bowing profoundly, he said: ‘A great wig.’
‘And what is the third?’ Then he snored like a pig,
And, puffing his cheeks out, replied: ‘A great wig.’
So if a great panter with questions you push,
‘What’s the first part of panting?’ he’ll say ‘A pant-brush.’
‘And what is the second?’ with most modest blush,
He’ll smile like a cherub, and say: ‘A pant-brush.’
‘And what is the third?’ he’ll bow like a rush,
With a leer in his eye, he’ll reply: ‘A pant-brush.’
Perhaps this is all a panter can want:
But, look yonder—that house is the house of Rembrandt!

* * *

95. — Что оратору нужно? Хороший язык?

— Нет, — ответил оратор. — Хороший парик!

— А еще? — Не смутился почтенный старик

И ответил: — Опять же хороший парик.

— А еще? — Он задумался только на миг

И воскликнул: — Конечно, хороший парик!

— Что, маэстро, важнее всего в портретисте?

Он ответил: — Особые качества кисти.

— А еще? — Он, палитру старательно чистя,

Повторил: — Разумеется, качество кисти.

— А еще? — Становясь понемногу речистей,

Он воскликнул: — Высокое качество кисти!

Перевод С. Я. Маршака

* * *

96. Having given great offence by writing in prose,
 I'll write in verse as soft as Bartoloze.
 Some blush at what others can see no crime in;
 But nobody sees any harm in riming.
 Dryden, in rime, cries 'Milton only plann'd':
 Every fool shook his bells throughout the land.
 Tom Cooke cut Hogarth down with his clean gravings:
 Thousands of connoisseurs with joy ran raving.
 Thus, Hayley on his toilette seeing the soap,
 Cries, 'Homer is very much improv'd by Pope.'
 Some say I've given great provision to my foes,
 And that now I lead my false friends by the nose.
 Flaxman and Stothard, smelling a sweet savour,
 Cry 'Blakified drawing spoils painter and engraver';
 While I, looking up to my umbrella,
 Resolv'd to be a very contrary fellow,
 Cry, looking quite from skumference to centre:
 'No one can finish so high as the original Inventor.'
 Thus poor Schiavonetti died of the Cromek—
 A thing that's tied around the Examiner's neck!
 This is my sweet apology to my friends,
 That I may put them in mind of their latter ends.
 If men will act like a maid smiling over a churn,
 They ought not, when it comes to another's turn,
 To grow sour at what a friend may utter,
 Knowing and feeling that we all have need of butter.
 False friends, fie! fie! Our friendship you shan't sever;
 In spite we will be greater friends than ever.

96. БЛЕЙК В ЗАЩИТУ СВОЕГО КАТАЛОГА

Поскольку от прозы моей остались у многих занозы,
Гравюр Бартолоцци нежней, стихи напишу вместо прозы.
Иной без причин заливаётся краской стыда.
Однако никто в рифмоплетстве не видит вреда.
«Мильтоном создан лишь план!» — Драйден
в стихах восклицает,

И всякий дурацкий колпак бубенцами об этом бряцает.
Хогарта Кук обкорнал чистеньким гравированьицем.
С ревом бегут знатоки, восхищаясь его дарованьицем.
Хейли, на мыло взирая, хватил через меру:
«Поп, — закричал он, — придал совершенства Гомеру!»
За нос фальшивых друзей вожу, говорят, я неплохо
И ополчиться успел, от врагов ожидая подвоха.
Флексман со Стотхардом пряность учуяли нюхом:
«Беда, коль гравер и художник проникнутся
блейковским духом!»

Но я, непокладистый малый, на собственный зонт
Беспечно смотрю снизу вверх и готов на афронт.
В точку, где сходятся спицы, уставив гляделки,
Кричу я: «Лишь автор способен достичь
благородства отделки!»

Жертва кромёков, — несчастный погиб Скьявонетти:
Петля на шею — мы скажем об этом предмете!
Прошу у друзей извиненья — зачем наобум
Я мысль о грядущей кончине привел им на ум?
Как девушка, над маслобойкой стан склонившая гибкий,
Мутовку другим уступая, с лица не стирайте улыбки,
Не скисайте от слова друга, если оно не хвалебно,
Не забывайте, что масло любому из нас потребно!
Ложным друзьям в досаду, наперекор их фальши,
Истинной дружбы узы крепнуть будут и дальше!

Перевод В. А. Потаповой

* * *

97. Some people admire the work of a fool,
For it's sure to keep your judgement cool;
It does not reproach you with want of wit;
It is not like a lawyer serving a writ.

* * *

97. Творенье дурака по вкусу многим людям.
О нем наверняка мы без волненья судим.
Нас в тупости оно не упрекнет; в отместку,
Как стряпчий, — не пришлет судебную повестку.

Перевод В. А. Потаповой

* * *

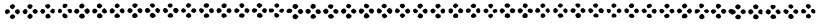
98. Since all the riches of this world
May be gifts from the Devil and earthly kings,
I should suspect that I worshipp'd the Devil
If I thank'd my God for worldly things.

98. О БЛАГОДАРНОСТИ

От дьявола и от царей земных
Мы получаем знатность и богатство.
И небеса благодарить за них,
По моему суждению, — святотатство.

Перевод С. Я. Маршака

* * *

99. I rose up at the dawn of day—
 'Get thee away! get thee away!
 Pray'st thou for riches? Away! away!
 This is the Throne of Mammon grey.'

Said I: This, sure, is very odd;
 I took it to be the Throne of God.
 For everything besides I have:
 It is only for riches that I can crave.

I have mental joy, and mental health,
 And mental friends, and mental wealth;
 I've a wife I love, and that loves me;
 I've all but riches bodily.

I am in God's presence night and day,
 And He never turns His face away;
 The accuser of sins by my side doth stand,
 And he holds my money-bag in his hand.

For my worldly things God makes him pay,
 And he'd pay for more if to him I would pray;
 And so you may do the worst you can do;
 Be assur'd, Mr. Devil, I won't pray to you.

Then if for riches I must not pray,
 God knows, I little of prayers need say;
 So, as a church is known by its steeple,
 If I pray it must be for other people.

He says, if I do not worship him for a God,
 I shall eat coarser food, and go worse shod;
 So, as I don't value such things as these,
 You must do, Mr. Devil, just as God please.

* * *

99. Я встал, когда редела ночь.
— Поди ты прочь! Поди ты прочь!

О чем ты молишься, поклоны
Кладя пред капищем Мамоны?

Я был немало удивлен —
Я думал, — это божий трон.
Всего хватает мне, но мало
В кармане звонкого металла.

Есть у меня богатство дум,
Восторги духа, здравый ум,
Жена любимая со мною.
Но беден я казной земною.

Я перед богом день и ночь.
С меня он глаз не сводит прочь.
Но дьявол тоже неотлучен:
Мой кошелек ему поручен.

Он мой невольный казначей.
Я ел бы пищу богачей,
Когда бы стал ему молиться.
Я не хочу, а дьявол злится.

Итак, не быть мне богачом.
К чему ж молиться и о чем?
Желаний у меня немного,
И за других молю я бога.

Пускай дает мне злобный черт
Одежды, пищи худший сорт, —
Мне и в нужде живется славно...
И все же, черт, служи исправно!

Перевод С. Я. Маршака

THE PICKERING MANUSCRIPT

(1800-1803)

100. THE SMILE

There is a smile of love,
And there is a smile of deceit,
And there is a smile of smiles
In which these two smiles meet.

And there is a frown of hate,
And there is a frown of disdain,
And there is a frown of frowns
Which you strive to forget in vain,

For it sticks in the heart's deep core
And it sticks in the deep backbone—
And no smile that ever was smil'd,
But only one smile alone,

That betwixt the cradle and grave
It only once smil'd can be;
And, when it once is smil'd,
There's an end to all misery.

МАНУСКРИПТ ПИКЕРИНГА

(1800—1803)

100. УЛЫБКА

Есть Улыбка Любви,
 Есть Улыбка притворной Личины,
 Есть Улыбка Улыбок —
 В ней обе Улыбки едины.

Есть Ухмылка Вражды,
 Есть Ухмылка Презренья,
 Есть Ухмылка Ухмылок,
 От которой не знают забвенья,

Ибо в струпьях душа от нее
 И нутро в несчислимых увечьях;
 Но единой Великой Улыбке
 Суждено на устах человеческих

Единожды вспыхнуть в пути
 От Колыбели до Гроба;
 Но достаточно ей расцвести —
 И впадает в ничтожество Злоба.

Перевод А. В. Парина

101. THE GOLDEN NET

Three Virgins at the break of day:—
‘Whither, young man, whither away?
Alas for woe! alas for woe!’
They cry, and tears for ever flow.
The one was cloth’d in flames of fire,
The other cloth’d in iron wire,
The other cloth’d in tears and sighs
Dazzling bright before my eyes.
They bore a Net of golden twine
To hang upon the branches fine.
Pitying I wept to see the woe
That Love and Beauty undergo,
To be consum’d in burning fires
And in ungratified desires,
And in tears cloth’d night and day
Melted all my soul away.
When they saw my tears, a smile
That did Heaven itself beguile,
Bore the Golden Net aloft,
As on downy pinions soft,
Over the Morning of my day.
Underneath the net I stray,
Now entreating Burning Fire
Now entreating Iron Wire,
Now entreating Tears and Sighs—
O! when will the morning rise?

101. ЗЛАТАЯ СЕТЬ

Три девы в предрассветный час:
 «Куда ты, юноша, от нас?
 О горе, горе!» Из очей
 У каждой хлынул слез ручей.
 Одна — огнем одела стан,
 Другой — наряд железный дан.
 На третьей — полное сиянья,
 Из слез и вздохов одеянье.
 И сеть из пряжи золотой
 Несут, рыдая, в лес густой.
 Заплакав с ними, я узрел
 Любви и Красоты удел:
 Они двойным огнем палимы.
 Желанья их неуголимы.
 До слез я жаждал им помочь, —
 Одетым в слезы день и ночь.
 Тут вызвал я у них улыбку,
 Что небеса ввела б в ошибку, —
 Улыбку, что златую сеть
 Заставила, как пух, взлететь
 И захлестнуть начало дней
 Моих, чтоб я блуждал под ней.
 Взываю к Ярому Огню,
 Молю Железную Броню,
 Слезам и Вздохам говорю:
 — Когда увижу я зарю?

Перевод В. А. Потаповой

102. THE MENTAL TRAVELLER

I travell'd thro' a land of men,
A land of men and women too;
And heard and saw such dreadful things
As cold earth-wanderers never knew.

For there the Babe is born in joy
That was begotten in dire woe;
Just as we reap in joy the fruit
Which we in bitter tears did sow.

And if the Babe is born a boy
He's given to a Woman Old,
Who nails him down upon a rock,
Catches his shrieks in cups of gold.

She binds iron thorns around his head,
She pierces both his hands and feet,
She cuts his heart out at his side,
To make it feel both cold and heat.

Her fingers number every nerve,
Just as a miser counts his gold;
She lives upon his shrieks and cries,
And she grows young as he grows old.

Till he becomes a bleeding Youth,
And she becomes a Virgin bright;
Then he rends up his manacles,
And binds her down for his delight.

He plants himself in all her nerves,
Just as a husbandman his mould;
And she becomes his dwelling-place
And garden fruitful seventyfold.

102. СТРАНСТВИЕ

Я странствовал в Стране Людей,
Я был в Стране Мужей и Жен —
И лютый страх застыл в глазах,
В ушах остался с тех времен.

Там тяжкий труд — Зачать Дитя,
Забава Праздная — Рожать;
Так нам легко собирать плоды,
Но тяжко сеять и сажать.

Дитя же, если это Сын,
Старухе Дряхлой отдают,
И та, распяв его гвоздем,
Собирает крик в золотой сосуд.

Язвит терновником Чело,
Пронзает Ногу и Ладонь,
И Сердце, грудь ему разъяв,
Кидает в прорубь и в огонь.

«Тут больно? — ищет. — Тут? а тут?»
В находке каждой — торжество.
Растет он в муках, а она
Лишь молодеет оттого.

И вот он — строен и кровав.
И дева с ужасом в глазах.
И, путы сбросив, он ее
Берет — всю в путах и в слезах.

«Тут больно? — ищет. — Тут? а тут?»
Ведет, как плугом, борозду;
Он обитает в ней теперь,
Как в нескончаемом саду.

Но вянет вскорости и он,
 В своем жилище, как слепой,
 Крадясь меж Блещущих Богатств,
 Что захватил за День Земной.

Его богатства — жемчуг слез,
 Рубины воспаленных глаз,
 И золото раскаленных дум,
 И страсть, и просьба, и приказ.

Он — это ел, он — это пил;
 Теперь он кормит и поит
 И перехожих, и больных —
 Отныне дом его открыт.

К нему приходят — поглазеть,
 Он стал посмешищем для всех;
 Младенец-Дева из огня
 Должна восстать, чтоб смолкнул смех.

И восстает из очага —
 Златая, огненная статья, —
 Не подымается рука
 Дотронуться и спеленать.

А Дева ищет не его —
 Богат иль беден, юн иль стар
 Ее избранник, — но ему
 Дом старца преподносит в дар.

Ограбленный, уходит вон.
 Ища странноприимный дом,
 Где выйдет Дева из огня
 И слюбится со стариком.

And to allay his freezing age,
The poor man takes her in his arms;
The cottage fades before his sight,
The garden and its lovely charms.

The guests are scatter'd thro' the land,
For the eye altering alters all;
The senses roll themselves in fear,
And the flat earth becomes a ball;

The stars, sun, moon, all shrink away,
A desert vast without a bound,
And nothing left to eat or drink,
And a dark desert all around.

The honey of her infant lips,
The bread and wine of her sweet smile,
The wild game of her roving eye,
Does him to infancy beguile;

For as he eats and drinks he grows
Younger and younger every day;
And on the desert wild they both
Wander in terror and dismay.

Like the wild stag she flees away,
Her fear plants many a thicket wild;
While he pursues her night and day,
By various arts of love beguil'd;

By various arts of love and hate,
Till the wide desert planted o'er
With labyrinths of wayward love,
Where roam the lion, wolf, and boar.

Седой, согбенный и слепой,
 Берет он Огненную Дщерь —
 И вот рассыпался дворец.
 И сад осыпался теперь.

Все перехожие — бежать,
 Дрожа в смятенье, как листва,
 И шаром плоская Земля
 Крутится в вихре естества.

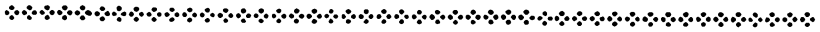
Шарахаются звезды прочь,
 Забившись в щели пустоты,
 Не стало пищи и питья,
 Одни пустыни столь пусты.

Но есть Невинные Уста,
 Они — Вино, и Хлеб, и Мед;
 Есть Птицы Глаз на вертелах —
 И, воскресая, ест и пьет.

Он знает, что растет назад,
 Растет в младенческие дни;
 В пустыне страха и стыда
 Вдвоем скитаются они.

Она, как лань, несется прочь —
 И, где промчалась, вырос лес,
 Ее смятеньем порожден;
 А он — за ней, во тьму древес,

Во тьму древес, во тьму Любви
 И Ненависти, — он за ней;
 И все извилистей леса,
 Непроходимей и темней.

Till he becomes a wayward Babe,
And she a weeping Woman Old.
Then many a lover wanders here;
The sun and stars are nearer roll'd;

The trees bring forth sweet ecstasy
To all who in the desert roam;
Till many a city there is built,
And many a pleasant shepherd's home.

But when they find the Frowning Babe,
Terror strikes thro' the region wide:
They cry 'The Babe! the Babe is born!'
And flee away on every side.

For who dare touch the Frowning Form,
His arm is wither'd to its root;
Lions, boars, wolves, all howling flee,
And every tree does shed its fruit.

And none can touch that Frowning Form,
Except it be a Woman Old;
She nails him down upon the rock,
And all is done as I have told.

И вся пустыня заросла
 Столпами мертвенных деревьев,
 И в Дебрях Бегства и Любви
 Уж рыщут Волк, и Вепрь, и Лев.

И он добился своего!
 Младенец он, она — дряхла;
 Вернулись люди в те края,
 А в небо — звезды без числа.

Деревья принесли плоды,
 Маня и пищей и питьем;
 Уже возводят города
 И строят хижины кругом.

Но лишь Ужасное Дитя
 Увидят жители страны,
 Как с громким воплем: «Родилось!»
 Сбегут из этой стороны.

Ведь ведомо: лишь прикоснись
 К Ужасной Плоти — и умрешь;
 Волк, Вепрь и Лев бегут, дрожа,
 Деревья оголила дрожь.

Ведь ведомо: на эту Плоть
 Управы людям не сыскать,
 Пока Старуха не придет...
 И все, как сказано, — опять.

Перевод В. Л. Топорова

103. THE LAND OF DREAMS

Awake, awake, my little boy!
Thou wast thy mother's only joy;
Why dost thou weep in thy gentle sleep?
Awake! thy father does thee keep.

'O, what land is the Land of Dreams?
What are its mountains, and what are its streams?
O father! I saw my mother there,
Among the lilies by waters fair.

'Among the lambs, clothèd in white,
She walk'd with her Thomas in sweet delight.
I wept for joy, like a dove I mourn;
O! when shall I again return?'

Dear child, I also by pleasant streams
Have wander'd all night in the Land of Dreams;
But tho' calm and warm the waters wide,
I could not get to the other side.

'Father, O father! what do we here
In this land of unbelief and fear?
The Land of Dreams is better far,
Above the light of the morning star.'

103. ЮДОЛЬ ГРЕЗ

— Проснись, мой мальчик, мой малыш!
 Зачем ты плачешь и кричишь?
 Не бойся, милый! Погоди —
 Отец прижмет тебя к груди.

— Ах! я блуждал в Юдоли Грез.
 Я видел реку и утес.
 И мать — всю в лилиях — живой
 Я там увидел над водой.

Среди ягнят, белым-бела,
 Она со мной по травам шла.
 От счастья плакал я тогда.
 Но как вернуться мне туда?

— Сынок, я был в Юдоли Грез,
 Я видел реку и утес,
 Но так безбрежен был поток,
 Что переплыть его не мог.

— Отец, отец! чего ж мы ждем!
 Юдоль Отчаянья кругом!
 В Юдоли Грез, блаженных Грез,
 Мы позабудем горечь слез!

Перевод В. Л. Топорова

104. MARY

Sweet Mary, the first time she ever was there,
 Came into the ball-room among the fair;
 The young men and maidens around her throng,
 And these are the words upon every tongue:

‘An Angel is here from the heavenly climes,
 Or again does return the golden times;
 Her eyes outshine every brilliant ray,
 She opens her lips—’tis the Month of May.’

Mary moves in soft beauty and conscious delight,
 To augment with sweet smiles all the joys of the night,
 Nor once blushes to own to the rest of the fair
 That sweet Love and Beauty are worthy our care.

In the morning the villagers rose with delight,
 And repeated with pleasure the joys of the night,
 And Mary arose among friends to be free,
 But no friend from henceforward thou, Mary, shalt see.

Some said she was proud, some call’d her a whore,
 And some, when she passèd by, shut to the door;
 A damp cold came o’er her, her blushes all fled;
 Her lilies and roses are blighted and shed.

‘O, why was I born with a different face?
 Why was I not born like this envious race?
 Why did Heaven adorn me with bountiful hand,
 And then set me down in an envious land?’

‘To be weak as a lamb and smooth as a dove,
 And not to raise envy, is call’d Christian love;
 But if you raise envy your merit’s to blame
 For planting such spite in the weak and the tame.’

104. МЭРИ

Прекрасная Мэри впервые пришла
 На праздник меж первых красавиц села.
 Нашла она много друзей и подруг,
 И вот что о ней говорили вокруг:

«Неужели к нам ангел спустился с небес
 Или век золотой в наше время воскрес?
 Свет небесных лучей затмевает она.
 Приоткроет уста — наступает весна».

Мэри движется тихо в сиянье своей
 Красоты, от которой и всем веселей.
 И, стыдливо краснея, сама сознает,
 Что прекрасное стóбит любви и забот.

Утром люди проснулись и вспомнили ночь,
 И веселье продлить они были не прочь.
 Мэри так же беспечно на праздник пришла,
 Но друзей она больше в толпе не нашла.

Кто сказал, что прекрасная Мэри горда,
 Кто добавил, что Мэри не знает стыда.
 Будто ветер сырой налетел и унес
 Лепестки распустившихся лилий и роз.

«О, зачем я красивой на свет рождена?
 Почему не похожа на всех я одна?
 Почему, одарив меня щедрой рукой,
 Небеса меня предали злобе людской?»

— Будь смиренна, как агнец, как голубь, чиста, —
 Таково, мне твердили, ученье Христа.
 Если ж зависть рождаешь ты в душах у всех
 Красотою своей — на тебе этот грех!

'I will humble my beauty, I will not dress fine,
I will keep from the ball, and my eyes shall not shine;
And if any girl's lover forsakes her for me
I'll refuse him my hand, and from envy be free.'

She went out in morning attir'd plain and neat;
'Proud Mary's gone mad,' said the child in the street;
She went out in morning in plain neat attire,
And came home in evening bespatter'd with mire.

She trembled and wept, sitting on the bedside,
She forgot it was night, and she trembled and cried;
She forgot it was night, she forgot it was morn,
Her soft memory imprinted with faces of scorn;

With faces of scorn and with eyes of disdain,
Like foul fiends inhabiting Mary's mild brain;
She remembers no face like the Human Divine;
All faces have envy, sweet Mary, but thine;

And thine is a face of sweet love in despair,
And thine is a face of mild sorrow and care,
And thine is a face of wild terror and fear
That shall never be quiet till laid on its bier.

Я не буду красивой, сменю свой наряд,
 Мой румянец поблекнет, померкнет мой взгляд.
 Если ж кто предпочтет меня милой своей,
 Я отвергну любовь и пошлю его к ней».

Мэри скромно оделась и вышла чуть свет.
 «Сумасшедшая!» — крикнул мальчишка вослед.
 Мэри скромный, но чистый надела наряд,
 А вернулась забрызгана грязью до пят.

Вся дрожа, опустилась она на кровать,
 И всю ночь не могла она слезы унять,
 Позабыла про ночь, не заметила дня,
 В чуткой памяти злобные взгляды храня.

Лица, полные ярости, злобы слепой,
 Перед ней проносились, как дьяволов рой.
 Ты не видела, Мэри, луча доброты.
 Темной злобы не знала одна только ты.

Ты же — образ любви, изнемогшей в слезах,
 Нежный образ ребенка, узнавшего страх,
 Образ тихой печали, тоски роковой,
 Что проводят тебя до доски гробовой.

Перевод С. Я. Маршака

105. THE CRYSTAL CABINET

The Maiden caught me in the wild,
Where I was dancing merrily;
She put me into her Cabinet,
And lock'd me up with a golden key,

This Cabinet is form'd of gold
And pearl and crystal shining bright,
And within it opens into a world
And a little lovely moony night.

Another England there I saw,
Another London with its Tower,
Another Thames and other hills,
And another pleasant Surrey bower.

Another Maiden like herself,
Translucent, lovely, shining clear,
Threefold each in the other clos'd—
O, what a pleasant trembling fear!

O, what a smile! a threefold smile
Fill'd me, that like a flame I burn'd;
I bent to kiss the lovely Maid,
And found a threefold kiss return'd.

I strove to seize the inmost form
With ardour fierce and hands of flame,
But burst the Crystal Cabinet,
And like a weeping Babe became—

A weeping Babe upon the wild,
And weeping Woman pale reclin'd,
And in the outward air again
I fill'd with woes the passing wind.

105. ХРУСТАЛЬНАЯ ШКАТУЛКА

Плясал я на пустом просторе,
 Казалось, пляска весела;
 Но Дева Юная поймала —
 В свою шкатулку заперла.

Была хрустальной шкатулка,
 Была жемчужной, золотой;
 Нездешний мир в ней открывался
 С нездешней Ночью и Луной.

Нездешней Англия предстала:
 Нездешней Темзы берега,
 Нездешний Тауэр и Лондон,
 Нездешни милые луга.

И Дева деялась нездешней,
 Сквозя сквозь самое себя.
 Я видел: в ней была другая!
 В той — третья, видел я, любя!

Я трепетал... О, Три Улыбки!
 Пламеньев пылких три волны!
 Я целовал их, и лобзанья
 Трикраты мне возвращены!

Я к третьей, к тайной, к сокровенной
 Длань пламесущую простер —
 И сжег хрустальную шкатулку,
 Младенцем пал в пустой простор.

И Женщина заголосила,
 И я, Младенец, голосил,
 И ветер пролетал по свету,
 И ветер крики разносил.

106. THE GREY MONK

'I die, I die!' the Mother said,
'My children die for lack of bread.
What more has the merciless tyrant said?'
The Monk sat down on the stony bed.

The blood red ran from the Grey Monk's side,
His hands and feet were wounded wide,
His body bent, his arms and knees
Like to the roots of ancient trees.

His eye was dry; no tear could flow:
A hollow groan first spoke his woe.
He trembled and shudder'd upon the bed;
At length with a feeble cry he said:

'When God commanded this hand to write
In the studious hours of deep midnight,
He told me the writing I wrote should prove
The bane of all that on Earth I love.

'My brother starv'd between two walls,
His children's cry my soul appalls;
I mock'd at the wrack and griding chain,
My bent body mocks their torturing pain.

'Thy father drew his sword in the North,
With his thousands strong he marchèd forth;
Thy brother has arm'd himself in steel,
To avenge the wrongs thy children feel.

'But vain the sword and vain the bow,
They never can War's overthrow.
The hermit's prayer and the widow's tear
Alone can free the world from fear.

106. СЕРЫЙ МОНАХ

Мать причитает: — Нам конец!
 Замучен в крепости отец.
 Ни крошки в доме... Дети, спать! —
 Монах садится на кровать.

На лбу его кровавый шрам.
 Кровь лужей натекла к ногам.
 Как молнией спаленный дуб,
 Он полужив и полутруп.

Но ни слезы в его очах...
 Вздохнувши горестно, монах
 Собрался из последних сил
 И с жалким криком возгласил:

— Когда Господь моей руке
 Велел писать о злой тоске,
 Он рек: быть этому письму
 Проклятьем роду твоему.

Был брат мой в крепость заточен.
 Несчастных сирот слыша стон,
 Я — сам истерзан и в цепях,—
 Смеясь, превозмогал свой страх.

Отец твой рать свою созвал,
 Ей путь на Север указал;
 Твой брат с дружиною своей
 Отмстил за плач твоих детей.

Но тщетна хитрость, хрупок меч,
 Бойцов отважных губит сечь,
 А торжествует только тот,
 Кто молится и слезы льет.

'For a tear is an intellectual thing,
And a sigh is the sword of an Angel King,
And the bitter groan of the martyr's woe
Is an arrow from the Almighty's bow.

'The hand of Vengeance found the bed
To which the purple tyrant fled;
The iron hand crush'd the tyrant's head,
And became a tyrant in his stead.'

Пусть вдов и мучеников плач
 С издевкой слушает палач,
 Но воинство невинных слез
 Ведет в сражение Христос!

Рука Возмездия найдет
 Того, кто в Пурпуре цветет,
 Но мститель, пусть он справедлив,
 Убийцей станет, отомстив.

Перевод В. Л. Топорова

107. AUGURIES OF INNOCENCE

To see a World in a grain of sand,
 And a Heaven in a wild flower,
 Hold Infinity in the palm of your hand,
 And Eternity in an hour.
 A robin redbreast in a cage
 Puts all Heaven in a rage.
 A dove-house fill'd with doves and pigeons
 Shudders Hell thro' all its regions.
 A dog starv'd at his master's gate
 Predicts the ruin of the State.
 A horse misus'd upon the road
 Calls to Heaven for human blood.
 Each outcry of the hunted hare
 A fibre from the brain does tear.
 A skylark wounded in the wing,
 A cherubim does cease to sing,
 The game-cock clipt and arm'd for fight
 Does the rising sun affright.
 Every wolf's and lion's howl
 Raises from Hell a Human soul.
 The wild deer, wandering here and there,
 Keeps the Human soul from care.
 The lamb misus'd breeds public strife,
 And yet forgives the butcher's knife.
 The bat that flits at close of eve
 Has left the brain that won't believe.
 The owl that calls upon the night
 Speaks the unbeliever's fright.
 He who shall hurt the little wren
 Shall never be belov'd by men.
 He who the ox to wrath has mov'd
 Shall never be by woman lov'd.
 The wanton boy that kills the fly

107. ИЗРЕЧЕНИЯ НЕВИННОСТИ

Небо синее — в цветке,
 В горстке праха — бесконечность;
 Целый мир держать в руке,
 В каждом миге видеть вечность.

Если птицу в клетку прячут,
 Небеса над нею плачут.
 Голубятня с голубями
 Гасит дьяволово пламя.
 Пес голодный околет —
 Англия не уцелеет.
 Конь, исхлестанный плетью, —
 Сигнал к расправе над людьми.
 Крик затравленного зайца
 В человеческий мозг вонзается.
 Жаворонка подобьешь —
 Добрых ангелов спугнешь.
 Петушиный бой начнется —
 Солнце в небесах качнется.
 Волчий вой и львиный рев
 Будят спящих мертвецов.
 Лань, крадущаяся в кустах,
 Охраняет сон живущих.
 Трус-мясник и храбрый воин —
 Близнецы со скотобоен.
 Нетопырь родится серый
 Из души, лишенной веры.
 Что безбожник, что сова —
 Нет им сна, душа мертва.
 Тот, кто птицу бьет впустую,
 Заслужит ненависть людскую.
 Тот, кто холостит свой скот,
 Тщетно женской ласки ждет.

Shall feel the spider's enmity.
He who torments the chafer's sprite
Weaves a bower in endless night.
The caterpillar on the leaf
Repeats to thee thy mother's grief.
Kill not the moth nor butterfly,
For the Last Judgement draweth nigh.
He who shall train the horse to war
Shall never pass the polar bar.
The beggar's dog and widow's cat,
Feed them, and thou wilt grow fat.
The gnat that sings his summer's song
Poison gets from Slander's tongue.
The poison of the snake and newt
Is the sweat of Envy's foot.
The poison of the honey-bee
Is the artist's jealousy.
The prince's robes and beggar's rags
Are toadstools on the miser's bags.
A truth that's told with bad intent
Beats all the lies you can invent.
It is right it should be so;
Man was made for joy and woe;
And when this we rightly know,
Thro' the world we safely go.
Joy and woe are woven fine,
A clothing for the soul divine;
Under every grief and pine
Runs a joy with silken twine.
The babe is more than swaddling-bands;
Throughout all these human lands
Tools were made, and born were hands,
Every farmer understands:
Every tear from every eye
Becomes a babe in Eternity;

Если мальчик шлепнет мошку —
 Паучьей он пойдет дорожкой.
 Тот, кто мучает жука,
 Будет мучиться века.
 В гусенице разумей
 Горе матери твоей.
 Коль погибнет стрекоза —
 Грянет божия гроза.
 Кто коня к сраженьям школит,
 Сей грех вовеки не замолит.
 Покорми кота и пса —
 Тебя прокормят небеса.
 Яд комаров, жужжащих летом, —
 Брат меньшей иным наветам.
 Зависть вечно вся в поту,
 Этот пот — у змей во рту.
 По части яда превзошел
 Любой поэт медвяных пчел.
 И червонцы, и полушки
 У скупца в руках — гнилушки.
 Правду подлюю скажи —
 Выйдет гаже подлой лжи.
 Вот что нужно знать всегда:
 Слитны радость и беда.
 Знай об этом — и тогда
 Не споткнешься никогда.
 Радость и беда — одно
 Платье, хитро сплетено:
 Под невзрачное рядно
 Поддето тонкое сукно.
 Жизнь ребенка поважней
 Им испорченных вещей:
 Стукни по столу. От стуку
 Станет жаль не стол, а руку.
 Слезы, пролитые нами,

This is caught by Females bright,
And return'd to its own delight.
The bleat, the bark, bellow, and roar
Are waves that beat on Heaven's shore.
The babe that weeps the rod beneath
Writes revenge in realms of death.
The beggar's rags, fluttering in air,
Does to rags the heavens tear.
The soldier, arm'd with sword and gun,
Palsied strikes the summer's sun.
The poor man's farthing is worth more
Than all the gold on Afric's shore.
One mite wrung from the labourer's hands
Shall buy and sell the miser's lands
Or, if protected from on high,
Does that whole nation sell and buy.
He who mocks the infant's faith
Shall be mock'd in Age and Death.
He who shall teach the child to doubt
The rotting grave shall ne'er get out.
He who respects the infant's faith
Triumphs over Hell and Death.
The child's toys and the old man's reasons
Are the fruits of the two seasons.
The questioner, who sits so sly,
Shall never know how to reply.
He who replies to words of Doubt
Doth put the light of knowledge out.
The strongest poison ever known
Came from Caesar's laurel crown.
Nought can deform the human race
Like to the armour's iron brace.
When gold and gems adorn the plough
To peaceful arts shall Envy bow.
A riddle, or the cricket's cry,

Станут нашими сынами —
 Сыновья отыщут мать,
 Чтоб смеяться и сверкать.
 Блеянье, мычанье, ржанье —
 Волны в райском океане.
 Мальчуган, наказан розгой, —
 Раю твоему угроза.
 Платье нищего убого,
 Но не лучше и у бога.
 Воин с саблей и ружьем
 Солнце делает ржавьем.
 Грош поденщика ценнее,
 Чем сокровища Гвинеи.
 Грош бедняге не уступишь —
 Край скупцов продашь и купишь,
 А коль властью наделен —
 Продашь и купишь Альбион.
 Отучить дитя от веры —
 Заслужить потоки серы.
 Научить дитя сомненьям —
 Распроститься с Воскресеньем.
 Тот, кто веру в детях чтит,
 Муки ада посрамит.
 Игры малых, мысли старых —
 Урожай в земных амбарах.
 Тот, кто хитро вопрошает,
 Как ответить, сам не знает.
 Речам сомненья не ответствуй,
 А не то погасишь свет свой.
 Лавры Цезаря таили
 Яд, убийственный по силе.
 Где человек бывает хуже,
 Чем среди своих оружий?
 Плуг цены дороже злата —
 И не будешь ведать зла ты.

Is to Doubt a fit reply.
The emmet's inch and eagle's mile
Make lame Philosophy to smile.
He who doubts from what he sees
Will ne'er believe, do what you please.
If the Sun and Moon should doubt,
They'd immediately go out.
To be in a passion you good may do,
But no good if a passion is in you.
The whore and gambler, by the state
Licensed, build that nation's fate.
The harlot's cry from street to street
Shall weave Old England's winding-sheet
The winner's shout, the loser's curse,
Dance before dead England's hearse.
Every night and every morn
Some to misery are born.
Every morn and every night
Some are born to sweet delight.
Some are born to sweet delight,
Some are born to endless night.
We are led to believe a lie
When we see not thro' the eye,
Which was born in a night, to perish in a night,
When the Soul slept in beams of light.
God appears, and God is Light,
To those poor souls who dwell in Night;
But does a Human Form display
To those who dwell in realms of Day.

Точнейший — и наверняка —
 Ответ сомненью — скрип сверчка.
 Орел — стремглав, мураш — ползком,
 А мудрость — сиднем, но верхом.
 Чуть философ усомнится —
 Стукни. Он решит, что мнится.
 Солнце, знай оно сомненья,
 Грело б дьявола в геенне.
 Страстью хорошо пылать,
 Плохо — хвостом ей стать.
 Взятку дав, игрок и блядь
 Страною стали заправлять.
 Зазываньями блудницы
 Саван Англии кроится.
 Выиграл иль проигрался —
 Гроб страны засыпать взялся.
 Темной ночью и чуть свет
 Люди явятся на свет.
 Люди явятся на свет,
 А вокруг — ночная тьма.
 И одних — ждет Счастья свет,
 А других — Несчастья тьма.
 Если б мы глядели глазом,
 То во лжи погряз бы разум.
 Глаз во тьму глядит, глаз во тьму скользит,
 А душа меж тем в бликах света спит.
 Тем, кто странствует в ночи,
 Светят Господа лучи.
 К тем, кто в странах дня живет,
 Богочеловек грядет.

Перевод В. Л. Топорова

108. LONG JOHN BROWN
AND LITTLE MARY BELL

Little Mary Bell had a Fairy in a nut,
Long John Brown had the Devil in his gut;
Long John Brown lov'd little Mary Bell,
And the Fairy drew the Devil into the nutshell.

Her Fairy skipp'd out and her Fairy skipp'd in;
He laugh'd at the Devil, saying 'Love is a sin.'
The Devil he raged, and the Devil he was wroth,
And the Devil enter'd into the young man's broth.

He was soon in the gut of the loving young swain,
For John ate and drank to drive away love's pain;
But all he could do he grew thinner and thinner,
Tho' he ate and drank as much as ten men for his dinner.

Some said he had a wolf in his stomach day and night,
Some said he had the Devil, and they guess'd right;
The Fairy skipp'd about in his glory, joy and pride,
And he laugh'd at the Devil till poor John Brown died.

Then the Fairy skipp'd out of the old nutshell,
And woe and alack for pretty Mary Bell!
For the Devil crept in when the Fairy skipp'd out,
And there goes Miss Bell with her fusty old nut.

108. ДЛИННЫЙ ДЖОН БРАУН
И МАЛЮТКА МЭРИ БЭЛЛ

Была в орехе фея у крошки Мэри Бэлл,
А у верзилы Джона в печенках черт сидел.
Любил малютку Мэри верзила больше всех,
И заманила фея дьявола в орех.

Вот выпрыгнула фея и спряталась в орех.
Смеясь, она сказала: «Любовь — великий грех!»
Обиделся на фею в нее влюбленный бес,
И вот к верзиле Джону в похлебку он залез.

Попал к нему в печенки и начал портить кровь,
Верзила ест за семерых, чтобы прогнать любовь,
Но тает он, как свечка, худеет с каждым днем
С тех пор, как поселился голодный дьявол в нем.

— Должно быть, — люди говорят, — в него забрался волк! —
Другие дьявола винят, и в этом есть свой толк.
А фея пляшет и поет — так дьявол ей смешон.
И доплясалась до того, что умер длинный Джон.

Тогда плясунья-фея покинула орех.
С тех пор малютка Мэри не ведает утех.
Ее пустым орехом сам дьявол завладел.
И вот с протухшей скорлупой осталась Мэри Бэлл.

Перевод С. Я. Маршака

109. WILLIAM BOND

I wonder whether the girls are mad,
And I wonder whether they mean to kill,
And I wonder if William Bond will die,
For assuredly he is very ill.

He went to church in a May morning,
Attended by Fairies, one, two, and three;
But the Angels of Providence drove them away,
And he return'd home in misery.

He went not out to the field nor fold,
He went not out to the village nor town,
But he came home in a black, black cloud,
And took to his bed, and there lay down.

And an Angel of Providence at his feet,
And an Angel of Providence at his head,
And in the midst a black, black cloud,
And in the midst the sick man on his bed.

And on his right hand was Mary Green,
And on his left hand was his sister Jane,
And their tears fell thro' the black, black cloud
To drive away the sick man's pain.

'O William, if thou dost another love,
Dost another love better than poor Mary,
Go and take that other to be thy wife,
And Mary Green shall her servant be.'

'Yes, Mary, I do another love,
Another I love far better than thee,
And another I will have for my wife;
Then what have I to do with thee?

109. ВИЛЬЯМ БОНД

Я поражаюсь безумью Дев,
 Я поражаюсь их жажде крови,
 И я поражаюсь: Вилли Бонд жив,
 Хотя пошатнулось его здоровье!

Он в церковь майским утром пошел;
 Одна, две, три — замелькали Феи,
 Но Ангелы Провиденья спугнули Фей,
 И Вилли домой повернул, мрачней.

Не пошел он пасти овец,
 Не пошел он пахать землю —
 Чернее тучи пришел домой,
 Чернее тучи в постель ложится.

Ангел Провиденья встал в ногах,
 Ангел Провиденья стерег изголовье,
 А посредине — тучи черней —
 Мрачный Мужлан помирать наготове.

Одесную встала Мэри Грин,
 Ошуюю встала его сестра,
 Но плач непритворный над тучей черной
 Не поднял страдальца с его одра.

«О Вильям, ежели ты разлюбил,
 Ежели полюбил другую, —
 Поди и в жены ее возьми,
 И к вам служанкой тогда пойду я!»

«Вот в этом, Мэри, ты права.
 Ты занимаешь чужое место.
 Другую в Жены я возьму,
 Так что же мне в тебе, Невеста?»

'For thou art melancholy pale,
And on thy head is the cold moon's shine,
But she is ruddy and bright as day,
And the sunbeams dazzle from her eyne.'

Mary trembled and Mary chill'd,
And Mary fell down on the right-hand floor,
That William Bond and his sister Jane
Scare could recover Mary more.

When Mary woke and found her laid
On the right hand of her William dear,
On the right hand of his loved bed,
And saw her William Bond so near,

The Fairies that fled from William Bond
Dancèd around her shining head;
They dancèd over the pillow white,
And the Angels of Providence left the bed.

I thought Love lived in the hot sunshine,
But O he lives in the moony light!
I thought to find Love in the heat of day,
But sweet Love is the comforter of night.

Seek Love in the pity of others' woe,
In the gentle relief of another's care,
In the darkness of night and the winter's snow,
In the naked and outcast, seek Love there!

Ты пуглива, и ты бледна,
 Лунный хлад на челе витает,
 А она — горяча, смела,
 Пламя солнца в очах блистает!»

Мэри внемлет, и Мэри зрит,
 Мэри падает, где стояла;
 Бездыханную с половиц
 Переносят под одеяло.

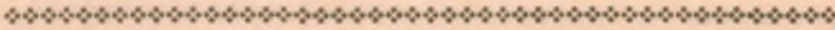
Но едва очнулась она —
 Обнаружила, торжествуя,
 Что положена на кровать
 От желанного одесную.

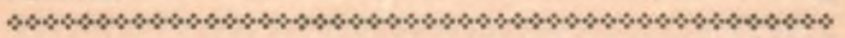
Феи, спугнутые с утра,
 Воротились и заплясали
 На подушках вокруг нее.
 Ангелы Провиденья пропали.

Любовь, я думал, — жар и свет.
 А вышло — полутьма и трепет.
 Любовь, я думал, — Солнца Смех.
 А вышло — тихий лунный лепет.

Ищите в горестях Любовь,
 В слезах, в участии, в заботе,
 Во тьме, в снегах, среди нагих
 И сирых. Там ее найдете!

Перевод В. Л. Топорова

THE BOOK OF THEL

THEL'S MOTTO

Does the Eagle know what is in the pit
 Or wilt thou go ask the Mole?
 Can Wisdom be put in a silver rod,
 Or Love in a golden bowl?

I

The daughters of [the] Seraphim led round their sunny flocks—
 All but the youngest: she in paleness sought the secret air,
 To fade away like morning beauty from her mortal day:
 Down by the river of Adona her soft voice is heard,
 And thus her gentle lamentation falls like morning dew:—

'O life of this our spring! why fades the lotus of the water?
 Why fade these children of the spring, born but to smile
 and fall?

Ah! Thel is like a wat'ry bow, and like a parting cloud;
 Like a reflection in a glass; like shadows in the water;
 Like dreams of infants, like a smile upon an infant's face;
 Like the dove's voice; like transient day; like music in the air.
 Ah! gentle may I lay me down, and gentle rest my head,
 And gentle sleep the sleep of death, and gentle hear the voice
 Of Him that walketh in the garden in the evening time.'

The Lily of the Valley, breathing in the humble grass,
 Answerèd the lovely maid and said: 'I am a wat'ry weed,
 And I am very small, and love to dwell in lowly vales;
 So weak, the gilded butterfly scarce perches on my head.
 Yet I am visited from heaven, and He that smiles on all
 Walks in the valley, and each morn over me spreads His hand,
 Saying, "Rejoice, thou humble grass, thou new-born lily-flower,

КНИГА ТЭЛЬ

* * *

Известно ль орлу, что таится в земле?
Иль крот вам скажет о том?
Как мудрость в серебряном, спрятать жезле,
А любовь — в ковше золотом?

I

В долине дщери Серафимов пасли своих овец.
Но Тэль, их младшая сестра, блуждала одиноко,
Готова с первым дуновеньем исчезнуть навсегда.
Вдоль по течению Адоны несется скорбный ропот,
И льются тихие стенанья, как падет роса.

— О ты, бегущая вода! Зачем твой лотос вянет?
Твоих детей печален жребий: мгновенный смех
и смерть.

Ах, Тэль, — как радуга весны, как облако в лазури,
Как образ в зеркале, как тени, что бродят по воде,
Как мимолетный детский сон, как резвый смех ребенка,
Как голос голубя лесного, как музыка вдали.
Скорей бы голову склонить, забыться безмятежно,
И тихо спать последним сном, и слышать тихий голос
Того, кто по саду проходит вечернею порой.

Невинный ландыш, чуть заметный среди смиренных трав,
Прекрасной девушке ответил: — Я — тонкий стебелек,
Живу я в низменных долинах; и так я слаб и мал,
Что мотылек присесть боится, порхая, на меня.
Но небо благостно ко мне, и тот, кто всех лелеет,
Ко мне приходит в ранний час и, осенив ладонью,
Мне шепчет: «Радуйся, цветок, о лилия-малютка,

Thou gentle maid of silent valleys and of modest brooks;
 For thou shalt be clothèd in light, and fed with morning manna,
 Till summer's heat melts thee beside the fountains
 and the springs,
 To flourish in eternal vales." Then why should Thel complain?
 Why should the mistress of the vales of Har utter a sigh?"

She ceas'd, and smil'd in tears, then sat down
 in her silver shrine.

Thel answer'd: 'O thou little Virgin of the peaceful valley,
 Giving to those that cannot crave, the voiceless, the o'ertired;
 Thy breath doth nourish the innocent lamb, he smells thy milky
 garments,

He crops thy flowers while thou sittest smiling in his face,
 Wiping his mild and meeking mouth from all contagious taints.
 Thy wine doth purify the golden honey; thy perfume,
 Which thou dost scatter on every little blade of grass
 that springs,

Revives the milkèd cow, and tames the fire-breathing steed.
 But Thel is like a faint cloud kindled at the rising sun:
 I vanish from my pearly throne, and who shall find my place?"

'Queen of the vales,' the Lily answer'd, 'ask the tender Cloud,
 And it shall tell thee why it glitters in the morning sky.
 And why it scatters its bright beauty thro' the humid air.
 Descend, O little Cloud, and hover before the eyes of Thel.'

The Cloud descended, and the Lily bowèd her modest head,
 And went to mind her numerous charge among the verdant grass.

II

'O little Cloud,' the Virgin said, 'I charge thee tell to me
 Why thou complainest not, when in one hour thou fade away:
 Then we shall seek thee, but not find. Ah! Thel is like to thee:

О дева чистая долин и ручейков укромных.
Живи, одевшись в ткань лучей, питайся божьей манной,
Пока у звонкого ключа от зноя не увянешь,
Чтоб расцвести в долинах вечных!» На что же ропщет Тэль?
О чем вздыхает безутешно краса долины Гар?

Цветок умолк и притаился в росистом алтаре.

Тэль отвечала: — О малютка, о лилия долин,
Ты отдаешь себя усталым, беспомощным, немым,
Ты нежишь кроткого ягненка: молочный твой наряд
С восторгом лижет он и щиплет душистые цветы,
Меж тем как ты с улыбкой нежной глядишь ему в глаза,
Сметая с мордочки невинной прилипший вредный сор.
Твой сок прохладный очищает густой янтарный мед.
Дыша твоим благоуханьем, окрестная трава
Живит кормилицу-корову, смиряет пыл коня.
Но Тэль — как облако, случайно зажженное зарей.
Оно покинет трон жемчужный, и кто его найдет?

— Царица юная долин! — промолвил скромный ландыш, —
Ты можешь облако спросить, плывущее над нами,
Зачем на утренней заре горит оно и блещет,
Огни и краски рассыпая по влажной синеве.
Слети к нам, облако, помедли перед глазами Тэль!

Спустилось облако, а ландыш, головку наклонив,
Опять ушел к своим бесчисленным заботам и делам.

II

— Скажи мне, облако, — спросила задумчивая Тэль, —
Как ты не ропщешь, не тоскуешь, живя один лишь час?
Но час пройдет, и больше в небе тебя мы не найдем.
И Тэль — как ты. Но Тэль тоскует, и нет ответа ей!

I pass away: yet I complain, and no one hears my voice.
 The Cloud then show'd his golden head and his bright form
 emerg'd,
 Hovering and glittering on the air before the face of Thel.

'O Virgin, know'st thou not our steeds drink
 of the golden springs
 Where Luvah doth renew his horses? Look'st thou on my youth,
 And fearest thou, because I vanish and am seen no more,
 Nothing remains? O Maid, I tell thee, when I pass away,
 It is to tenfold life, to love, to peace, and raptures holy:
 Unseen descending, weigh my light wings upon balmy flowers,
 And court the fair-eyed dew, to take me to her shining tent:
 The weeping virgin, trembling, kneels before the risen sun,
 Till we arise link'd in a golden band and never part,
 But walk united, bearing food to all out tender flowers.'

'Dost thou, O little Cloud? I fear that I am not like thee,
 For I walk thro' the vales of Har, and smell the sweetest flowers,
 But I feed not the little flowers; I hear the warbling birds,
 But I feed not the warbling birds; they fly and seek their food:
 But Thel delights in these no more, because I fade away;
 And all shall say, "Without a use this shining woman liv'd,
 Or did she only live to be at death the food of worms?"'

The Cloud reclin'd upon his airy throne, and answer'd thus:—

'Then if thou art the food of worms, O Virgin of the skies,
 How great thy use, how great thy blessing!
 Everything that lives
 Lives not alone nor for itself. Fear not, and I will call
 The weak Worm from its lowly bed, and thou shalt hear its voice.
 Come forth, Worm of the silent valley, to thy pensive Queen.'
 The helpless Worm arose, and sat upon the Lily's leaf,
 And the bright Cloud sail'd on, to find his partner in the vale.

Главу златую обнаружив и выплыв на простор,
Сверкнуло облако, витая над головою Тэль.

— Ты знаешь, влагу золотую прохладных родников
Пьют наши кони там, где Лува меняет лошадей.
Ты смотришь с грустью и тревогой на молодость мою,
Скорбя о том, что я растаю, исчезну без следа.
Но знай, о девушка: растаяв, я только перейду
К десятикратной новой жизни, к покою и любви.
К земле спускаясь невидимкой, я чашечек цветов
Касаюсь крыльями и фею пугливую — росу
Молю принять меня в прозрачный, сияющий шатер.
Рыдает трепетная дева, колени преклонив
Перед светилом восходящим. Но скоро мы встаем
Соединенной, неразлучной, ликующей четой,
Чтоб вместе странствовать и пищу нести цветам полей.

— Неужто, облачко? Я вижу, различен наш удел:
Дышу я тоже ароматом цветов долины Гар,
Но не кормлю цветов душистых. Я слышу щебет птиц,
Но не питаю малых пташек. Они свой корм в полях
Находят сами. Я исчезну, и скажут обо мне:
Без пользы век свой прожила сияющая дева,
Или жила, чтоб стать добычей прожорливых червей?..

С престола облако склонилось и отвечало Тэль:

— Коль суждено тебе, о дева, стать пищей для червей,
Как велико твое значенье, как чуден твой удел.
Все то, что дышит в этом мире, живет не для себя.
Не бойся, если из могилы червя я позову.
Явись к задумчивой царице, смиренный сын Земли!

Могильный червь приполз мгновенно и лег на влажный лист,
И скрылось облако в погоне за спутницей своей.

III

Then Thel astonish'd view'd the Worm upon its dewy bed.

'Art thou a Worm? Image of weakness, art thou but a Worm?
I see thee like an infant wrappèd in the Lily's leaf.
Ah! weep not, little voice, thou canst not speak, but thou canst
weep.
Is this a Worm? I see thee lay helpless and naked, weeping,
And none to answer, none to cherish thee with mother's smiles.'

The Clod of Clay heard the Worm's voice and rais'd her pitying
head:
She bow'd over the weeping infant, and her life exhal'd
In milky fondness: then on Thel she fix'd her humble eyes.

'O Beauty of the vales of Har! we live not for ourselves.
Thou seest me, the meanest thing, and so I am indeed.
My bosom of itself is cold, and of itself is dark;
But He, that loves the lowly, pours His oil upon my head,
And kisses me, and binds His nuptial bands
around my breast,
And says: "Thou mother of my children, I have lovèd thee,
And I have given thee a crown that none can take away."
But how this is, sweet Maid, I know not, and I cannot know;
I ponder, and I cannot ponder; yet I live and love.'

The Daughter of Beauty wip'd her pitying tears with her white veil,
And said: 'Alas! I knew not this, and therefore did I weep.
That God would love a worm I knew, and punish the evil foot
That wilful bruise'd its helpless form;
but that He cherish'd it
With milk and oil I never knew, and therefore did I weep;
And I complain'd in the mild air, because I fade away,
And lay me down in thy cold bed, and leave my shining lot.'

III

Бессильный червь лежал, свернувшись, на маленьком листке.

— Ах, кто ты, слабое созданье? Ты — червь?
И только червь?

Передо мной лежит младенец, завернутый в листок.
Не плачь, о слабый голосок! Ты говорить не можешь
И только плачешь без конца. Никто тебя не слышит,
Никто любовью не согреет озябшее дитя!..

Но глыба влажная земли малютку услышала,
Склонилась ласково над ним и все живые соки,
Как мать младенцу, отдала. И, накормив питомца,
Смиренный взгляд спокойных глаз на деву устремила.

— Краса долин! Мы все на свете живем
не для себя.
Меня ты видишь? Я ничтожна, ничтожней в мире всех,
Я лишена тепла и света, темна и холодна.
Но тот, кто любит всех смиренных, льет на меня елей,
Меня целует, и одежды мне брачные дает,
И говорит: «Тебя избрал я, о мать моих детей,
И дал тебе венец нетленный, любви моей залог!»
Но что, о дева, это значит, понять я не могу.
Я только знаю, что дано мне жить и, живя, любить.

Тэль осушила легкой тканью потоки светлых слез
И тихо молвила: — Отныне не стану я роптать.
Я знала: друг всего живого не может не жалеть
Червя ничтожного и строго накажет за него
Того, кто с умыслом раздавит беспомощную тварь.
Но я не знала, что елеем и чистым молоком
Червя он кормит, и напрасно роптала на него,
Страшась сойти в сырую землю, покинуть светлый мир.

‘Queen of the vales,’ the matron Clay answer’d,
 ‘I heard thy sighs,
 And all thy moans flew o’er my roof, but I have call’d them down.
 Wilt thou, O Queen, enter my house? ’Tis given thee to enter
 And to return: fear nothing, enter with thy virgin feet.’

IV

The eternal gates’ terrific Porter lifted the northern bar:
 Thel enter’d in and saw the secrets of the land unknown.
 She saw the couches of the dead, and where the fibrous roots
 Of every heart on earth infixes deep its restless twists:
 A land of sorrows and of tears where never smile was seen.

She wander’d in the land of clouds thro’ valleys dark, list’ning
 Dolours and lamentations; waiting oft beside a dewy grave
 She stood in silence, list’ning to the voices of the ground,
 Till to her own grave-plot she came, and there she sat down,
 And heard this voice of sorrow breathèd from the hollow pit.

‘Why cannot the Ear be closèd to its own destruction?
 Or the glist’ning Eye to the poison of a smile?
 Why are Eyelids stor’d with arrows ready drawn,
 Where a thousand fighting men in ambush lie,
 Or an Eye of gifts and graces show’ring fruits and coinèd gold?
 Why a Tongue impress’d with honey from every wind?
 Why an Ear, a whirlpool fierce to draw creations in?
 Why a Nostril wide inhaling terror, trembling, and affright?
 Why a tender curb upon the youthful, burning boy?
 Why a little curtain of flesh on the bed of our desire?’

The Virgin started from her seat, and with a shriek
 Fled back unhinder’d till she came into the vales of Har.

THE END.

— Послушай, девушка, — сказала приветливо земля, —
Давно твои я слышу вздохи, все жалобы твои
Неслись над кровлею моею, — я привлекла их вниз.
Ты хочешь дом мой посетить? Тебе дано спуститься
И выйти вновь на свет дневной. Перешагни без страха
Своею девственной ногою запретный мой порог!

IV

Угрюмый сторож вечных врат засов железный поднял,
И Тэль, сойдя, узнала тайны невиданной страны,
Узрела ложа мертвецов, подземные глубины,
Где нити всех земных сердец гнездятся, извиваясь, —
Страну печали, где улыбка не светит никогда.

Она бродила в царстве туч, по сумрачным долинам,
Внимала жалобам глухим, и часто отдыхала
Вблизи неведомых могил, прислушиваясь к стонам
Из глубины сырой земли... Так, медленно блуждая,
К своей могиле подошла, и тихо там присела,
И услышала скорбный гул пустой, глубокой ямы:

— Зачем всегда открыто ухо для роковых вестей,
А глаз блестящий — для улыбки, таящей сладкий яд?
Зачем безжалостное веко полно жестоких стрел,
Скрывая воинов бесчисленных в засаде, или глаз,
Струящий милости и ласки, червонцы и плоды?
Зачем язык медовой пылью ласкают ветерки?
Зачем в круговорот свой ухо втянуть стремится мир?
Зачем вдыхают ноздри ужас, раскрывшись и дрожа?
Зачем горящий отрок связан столь нежною уздой?
Зачем завеса тонкой плоти над логовом страстей?..

Тэль с криком ринулась оттуда — и в сумраке, никем
Не остановлена, достигла долин цветущих Гар.

Перевод С. Я. Маршака

THE MARRIAGE OF HEAVEN AND HELL

THE ARGUMENT

Rintrah roars, and shakes his fires
in the burden'd air;
Hungry clouds swag on the deep.

Once meek, and in a perilous path,
The just man kept his course along
The vale of death.
Roses are planted where thorns grow,
And on the barren heath
Sing the honey bees.

Then the perilous path was planted,
And a river and a spring
On every cliff and tomb,
And on the bleachèd bones
Red clay brought forth;

Till the villain left the paths of ease,
To walk in perilous paths, and drive
The just man into barren climes.

Now the sneaking serpent walks
In mild humility,
And the just man rages in the wilds
Where lions roam.

Rintrah roars, and shakes his fires in the burden'd air;
Hungry clouds swag on the deep.

БРАКОСОЧЕТАНИЕ РАЯ И АДА

СМЫСЛ

Ринтра ревет и пылает
в тяжелом небе;
Жадные тучи дрожат над пучиной.

Кроткий праведник некогда
Проходил по опасной дороге
В долине смерти.
Вместо терниев — розы,
На вереске пустоши
Поют медоносные пчелы.

Теперь не пройти по опасной дороге:
Из каждой скалы и могилы
Забил ручей и река,
И белые кости мертвых
Обагрились от красной глины;

И злодей оставил дорогу покоя
И по опасной дороге
Загнал человека в пустыню.

Ныне в нежном смиренье ползает
Злая змея.
И ярится праведник в голых странах,
Где бродят львы.

Ринтра ревет и пылает в тяжелом небе;
Жадные тучи дрожат над пучиной.

As a new heaven is begun, and it is now thirty-three years since its advent, the Eternal Hell revives. And lo! Swedenborg is the Angel sitting at the tomb: his writings are the linen clothes folded up. Now is the dominion of Edom, and the return of Adam into Paradise. See Isaiah xxxiv and xxxv chap.

Without Contraries is no progression. Attraction and Repulsion, Reason and Energy, Love and Hate, are necessary to Human existence.

From these contraries spring what the religious call Good and Evil. Good is the passive that obeys Reason. Evil is the active springing from Energy.

Good is Heaven. Evil is Hell.

THE VOICE OF THE DEVIL

All Bibles or sacred codes have been the causes of the following Errors:—

1. That Man has two real existing principles, viz. a Body and a Soul.
2. That Energy, call'd Evil, is alone from the Body; and that Reason, call'd Good, is alone from the Soul.
3. That God will torment Man in Eternity for following his Energies.

But the following Contraries to these are True:—

1. Man has no Body distinct from his Soul; for that call'd Body is a portion of Soul discern'd by the five Senses, the chief inlets of Soul in this age.
 2. Energy is the only life, and is from the Body; and Reason is the bound or outward circumference of Energy.
 3. Energy is Eternal Delight.
-

Тридцать три года назад с началом нового рая возродился и Вечный Ад. И взгляни: Сведенборг, словно Ангел, сидит на гробе, и слова его — на плащанице. Настало господство Едома, и Адам возвратился в рай; смотри книгу Исаяи, главы XXXIV и XXXV.

Движение возникает из Противоположностей. Влечение и Отвращение, Мысль и Действие, Любовь и Ненависть необходимы для бытия Человека.

Противоположности создают то, что верующие называют Добром и Злом. Добро пассивно и подчиняется Мысли. Зло активно и прорастает от Действия.

Добро — это Рай. Зло — это Ад.

ГОЛОС ДЬЯВОЛА

— Все Священные книги — причина Ошибочных Мнений:

1. Что человек разъят на Тело и Душу.
2. Что Действие, то есть Зло, от Тела; а Мысль, то есть Добро, от Души.
3. Что Бог будет вечно казнить Человека за Действия. Но Истина — в Противоположном:

1. Душа и Тело неразделимы, ибо Тело — частица Души и его пять чувств суть очи Души.

2. Жизнь — это Действие и происходит от Тела, а Мысль привязана к Действию и служит ему оболочкой.

3. Действие — Вечный Восторг.

Those who restrain Desire, do so because theirs is weak enough to be restrained; and the restrainer or Reason usurps its place and governs the unwilling.

And being restrained, it by degrees becomes passive, till it is only the shadow of Desire.

The history of this is written in *Paradise Lost*, and the Governor or Reason is call'd Messiah.

And the original Archangel, or possessor of the command of the Heavenly Host, is call'd the Devil or Satan, and his children are call'd Sin and Death.

But in the Book of Job, Milton's Messiah is called Satan.

For this history has been adopted by both parties.

It indeed appear'd to Reason as if Desire was cast out; but the Devil's account is, that the Messiah fell, and formed a Heaven of what he stole from the Abyss.

This is shown in the Gospel, where he prays to the Father to send the Comforter, or Desire, that Reason may have Ideas to build on; the Jehovah of the Bible being no other than he who dwells in flaming fire.

Know that after Christ's death, he became Jehovah.

But in Milton, the Father is Destiny, the Son a Ratio of the five senses, and the Holy-ghost Vacuum!

Note. The reason Milton wrote in fetters when he wrote of Angels and God, and at liberty when of Devils and Hell, is because he was a true Poet, and of the Devil's party without knowing it.

A MEMORABLE FANCY

As I was walking among the fires of Hell, delighted with the enjoyments of Genius, which to Angels look like torment and insanity, I collected some of their Proverbs; thinking that as the sayings used in a nation mark its character, so the Proverbs of Hell show the nature of Infernal wisdom better than any description of buildings or garments.

Обуздать желание можно, если желание слабо: тогда мысль вытесняет желание и правит противно чувству.

Подавленное желание лишается воли и становится собственной тенью.

Об этом нам повествует «Утраченный Рай» и «Государь», где Разум назван Мессией.

А первоначальный Архангел, стратег небесного воинства, назван Дьяволом и Сатаной, а дети его — Грехом и Смертью.

Тот, кого Мильтон назвал Мессией, в Книге Иова — Сатана. Ибо историю Иова приняли обе враждующие стороны.

Мысль искренне презирает Желание, но Дьявол нас уверяет, что пал не он, а Мессия, и, пав, устроил Рай из того, что украл в Аду.

Смотри Евангелие, где Мессия молит Отца послать ему утешителя, то есть Желание, чтобы Мысль его обрела Подтверждение; библейский Иегова не кто иной, как тот, кто живет в пылающем пламени.

Знай, что после Христовой смерти он вновь стал Иеговой.

Но Мильтон считает Отца — Судьбой, Сына — Вместилищем чувств, а Духа Святого — Пустотой!

Заметь, что Мильтон в темнице писал о Боге и Ангелах, а на свободе — о Дьяволе и Геенне, ибо был прирожденным Поэтом и, сам не зная того, сторонником Дьявола.

ПАМЯТНЫЙ СОН

Я шел среди адских огней, и мое Вдохновенье казалось Ангелам муками или безумием; а я собирал Пословицы, ибо если реченья народа раскрывают душу народа, то Пословицы Ада говорят о мудрости Преисподней вернее, чем описания и рассуждения путешественника.

When I came home, on the abyss of the five senses, where a flat-sided steep frowns over the present world, I saw a mighty Devil, folded in black clouds, hovering on the sides of the rock: with corroding fires he wrote the following sentence now perceived by the minds of men, and read by them on earth:—

*How do you know but ev'ry Bird that cuts the airy way,
Is an immense World of Delight, clos'd by your senses five?*

PROVERBS OF HELL

*In seed time learn, in harvest teach, in winter enjoy.
Drive your cart and your plough over the bones of the dead.
The road of excess leads to the palace of wisdom.
Prudence is a rich, ugly old maid courted by Incapacity.*

*He who desires but acts not, breeds pestilence.
The cut worm forgives the plough.
Dip him in the river who loves water.
A fool sees not the same tree that a wise man sees.*

*He whose face gives no light, shall never become a star.
Eternity is in love with the productions of time.
The busy bee has no time for sorrow.
The hours of folly are measur'd by the clock; but of wisdom, no clock can measure.*

*All wholesome food is caught without a net or a trap.
Bring out number, weight, and measure in a year of dearth.
No bird soars too high, if he soars with his own wings.*

*A dead body revenges not injuries.
The most sublime act is to set another before you.
If the fool would persist in his folly he would become wise.*

Вернувшись домой, над бездной пяти чувств, на хмурой отвесной круче над нынешним миром я увидел в тучах могучего Дьявола — он огнем высекал на камне то, что сегодня открыто людскому уму:

Вам, людям, не узнать, что в каждой птице на лету
Безмерный мир восторга, недоступный вашим чувствам!

ПОСЛОВИЦЫ АДА

Во время посева учись, в жатву учи, зимой веселись.
Прокладывай путь и веди борозду над костями мертвых.
Дорога излишеств приводит к дворцу мудрости.
Ничтожество угождает расслабленному богачу по имени Благо-
разумие.

Бездеятельное желание рождает чуму.
Червь, рассеченный плугом, не должен винить плуг.
Брось в реку того, кто пьет одну воду.
В одном и том же дереве глупец и мудрец найдут не одно
и то же.

Кто не способен светить, не станет звездой.
Вечность — это любовь, закаленная временем.
Деловитой пчеле недосуг тосковать.
Часы измеряют время безумия, но не мудрости.

Здоровую пищу не ловят капканом или силком.
В голод твои друзья — мера, число и вес.
Птица на собственных крыльях не взлетит чересчур вы-
соко.

Мертвый не мстит за обиды.
Благородный ставит соседа выше себя.
Упорствуя в глупости, глупец становится мудрым.

Folly is the cloak of knavery.

Shame is Pride's cloak.

*Prisoners are built with stones of Law, brothels with bricks
of Religion.*

The pride of the peacock is the glory of God.

The lust of the goat is the bounty of God.

The wrath of the lion is the wisdom of God.

The nakedness of woman is the work of God.

Excess of sorrow laughs. Excess of joy weeps.

*The roaring of lions, the howling of wolves, the raging of the
stormy sea, and the destructive sword are portions of eternity too
great for the eye of man.*

The fox condemns the trap, not himself.

Joys impregnate. Sorrows bring forth.

*Let man wear the fell of the lion, woman the fleece of the
sheep.*

The bird a nest, the spider a web, man friendship.

*The selfish, smiling fool, and the sullen, frowning fool shall be
both thought wise, that they may be a rod.*

What is now proved was once only imagin'd.

*The rat, the mouse, the fox, the rabbit watch the roots; the lion,
the tiger, the horse, the elephant watch the fruits.*

The cistern contains: the fountain overflows.

One thought fills immensity.

*Always be ready to speak your mind, and a base man will avoid
you.*

Everything possible to be believ'd is an image of truth.

*The eagle never lost so much time as when he submitted to learn
of the crow.*

The fox provides for himself; but God provides for the lion.

*Think in the morning. Act in the noon. Eat in the evening. Sleep
in the night.*

He who has suffer'd you to impose on him. knows you.

As the plough follows words, so God rewards prayers.

Глупость — одежда Лукавства.

Позор — одеяние Гордости.

Тюрьмы строят из камней Закона, Дома Терпимости — из кирпичей Религии.

Красота Павлина — слава Божья.

Похоть козла — щедрость Божья.

Свирепость льва — мудрость Божья.

Нагота женщины — творенье Божье.

От избытка горя смеются, а от избытка радости плачут.

Львиный рык, волчий вой, ярость бури и жало клинка суть частицы вечности, слишком великой для глаза людского.

Лиса в капкане клянет не себя, но капкан.

Радость обременяет. Горе разрешает от бремени.

Для мужа — львиная шкура, для жены — овечье руно.

Птице — гнездо, пауку — паутина, человеку — дружба.

Веселый добрый дурак и хмурый злобный дурак сойдут за умных, держа в руке розги.

Сегодняшняя истина прежде была лишь догадкой.

Крыса, мышь, лиса и кролик видят корни; лев, тигр, лошадь и слон видят плоды.

Пруд копит воду, ручей расточает.

Одною мыслью можно заполнить бескрайность.

Говори откровенно, и лжец от тебя убежит.

Все достойное веры есть образ истины.

Учась у вороны, орел только губит время.

Лиса кормит себя, льва кормит Бог.

Думай утром. Действуй днем. Ешь вечером. Спи ночью.

Тот, кто тебе подчинился, познал тебя.

Как плуг подчиняется слову, так Бог слышит молитву.

The tigers of wrath are wiser than the horses of instruction.

Expect poison from the standing water.

You never know what is enough unless you know what is more than enough.

Listen to the fool's reproach! it is a kingly title!

The eyes of fire, the nostrils of air, the mouth of water, the beard of earth.

The weak in courage is strong in cunning.

The apple tree never asks the beech how he shall grow; nor the lion, the horse, how he shall take his prey.

The thankful receiver bears a plentiful harvest.

If others had not been foolish, we should be so.

The soul of sweet delight can never be defil'd.

When thou seest an eagle, thou seest a portion of Genius; lift up thy head!

As the caterpillar chooses the fairest leaves to lay her eggs on, so the priest lays his curse on the fairest joys.

To create a little flower is the labour of ages.

Damn braces. Bless relaxes.

The best wine is the oldest, the best water the newest.

Prayers plough not! Praises reap not!

Joys laugh not! Sorrows weep not!

The head Sublime, the heart Pathos, the genitals Beauty, the hands and feet Proportion.

As the air to a bird or the sea to a fish, so is contempt to the contemptible.

The crow wish'd everything was black, the owl that everything was white.

Exuberance is Beauty.

If the lion was advised by the fox, he would be cunning.

Improvement makes straight roads; but the crooked roads without improvement are roads of Genius.

Sooner murder an infant in its cradle than nurse unacted desires.

Тигры гнева мудрей лошадей поученья.
Знай, что в стоячей воде трава.
Не узнаешь меры, пока не узнал избытка.

Внимать упреку глупца достойно царя!
Очи огня, ноздри воздуха, губы воды, борода земли.

Слабый мужеством силен хитростью.
Ясень не учит яблоню росту; лошадь не учит льва охоте.

Благодарность приносит обильную жатву.
Если кто-то спасся от глупости, значит, и мы можем.
Душевную благодать нельзя замарать.
Видя Орла, видишь частицу Гения: выше голову!

Гусеница оскверняет лучшие листья, священник оскверняет
чистейшие радости.

Чтобы создать цветок, нужна работа веков.

Проклятие сковывает, Благословение освобождает.

Вино — чем старше, тем лучше; вода — чем свежей, тем
лучше.

Молитвы не сеют! Гимны не жнут!

Радости не смеются! Печали не плачут!

В мыслях Парение, в сердце Сострадание, в чреслах Красота,
в ногах и руках Соразмерность.

Небо — птице, море — рыбе, презренья — презренным.

Ворона хотела, чтоб мир почернел, сова — чтоб он побелел.

В Излишестве — Красота.

Если б лиса поучала льва, он бы сделался хитрым.

Человек выпрямляет кривые пути; Гений идет кривыми.

Лучше убить дитя в колыбели, чем сдерживать буйные страсти.

Where man is not, nature is barren.

Truth can never be told so as to be understood, and not be believ'd.

Enough! or Too much.

The ancient Poets animated all sensible objects with Gods or Geniuses, calling them by the names and adorning them with the properties of woods, rivers, mountains, lakes, cities, nations, and whatever their enlarged and numerous senses could perceive.

And particularly they studied the Genius of each city and country, placing it under its Mental Deity;

Till a System was formed, which some took advantage of, and enslav'd the vulgar by attempting to realise or abstract the Mental Deities from their objects—thus began Priesthood;

Choosing forms of worship from poetic tales.

And at length they pronounc'd that the Gods had order'd such things.

Thus men forgot that All Deities reside in the Human breast.

A MEMORABLE FANCY

The Prophets Isaiah and Ezekiel dined with me, and I asked them how they dared so roundly to assert that God spoke to them; and whether they did not think at the time that they would be misunderstood, and so be the cause of imposition.

Isaiah answer'd: 'I saw no God, nor heard any, in a finite organical perception; but my senses discover'd the infinite in everything, and as I was then persuaded, and remain confirm'd, that the voice of honest indignation is the voice of God, I cared not for consequences, but wrote.'

Где нет человека, природа пустынна.
Люди не примут правды, если поймут ее, но не поверят.

Довольно! — то же самое, что: Чересчур!

Поэты древности одушевляли предметы вокруг себя, видели в них Богов или Гениев, звали их по именам и украшали их достоинством гор, лесов, озер, городов, народов, ибо мир они воспринимали шире и глубже, чем мы.

Они пристально изучали гения каждого города и страны и находили ему место в свите вымышленного божества.

И возникла картина миропорядка; но корыстные люди стремились представить во плоти вымышленные божества, и отрешить их от зримых предметов, и этим поработить доверчивых и неразумных: так возникли Священнослужители;

Они создавали обряды из мифов, сочиненных поэтами.

И наконец объявили, что все на земле сотворили Боги.

И люди забыли, что Все божества живут в их груди.

ПАМЯТНЫЙ СОН

Пророки Исаия и Иезекииль делили со мной трапезу, и я спросил, как они отважились утверждать, что Сам Бог говорил с ними, и не боялись, что неверно понятые слова их родят принужденные и ложь.

Исаия ответил: «Я не слышал Бога ушами и не видал глазами, но чувства мои нашли бесконечность в каждом предмете, и я уверовал, что голос праведного гнева есть глас Божий, и, не думая о последствиях, написал книгу».

Then I asked: 'Does a firm persuasion that a thing is so, make it so?'

He replied: 'All Poets believe that it does, and in ages of imagination this firm persuasion removed mountains; but many are not capable of a firm persuasion of anything.'

Then Ezekiel said: 'The philosophy of the East taught the first principles of human perception. Some nations held one principle for the origin, and some another: we of Israel taught that the Poetic Genius (as you now call it) was the first principle and all the others merely derivative, which was the cause of our despising the Priests and Philosophers of other countries, and prophesying that all Gods would at last be proved to originate in ours and to be the tributaries of the Poetic Genius. It was this that our great poet, King David, desired so fervently and invokes so pathetically, saying by this he conquers enemies and governs kingdoms; and we so loved our God, that we cursed in his name all the Deities of surrounding nations, and asserted that they had rebelled. From these opinions the vulgar came to think that all nations would at last be subject to the Jews.'

'This,' said he, 'like all firm persuasions, is come to pass; for all nations believe the Jews' code and worship the Jews' god, and what greater subjection can be?'

I heard this with some wonder, and must confess my own conviction. After dinner I ask'd Isaiah to favour the world with his lost works; he said none of equal value was lost. Ezekiel said the same of his.

I also asked Isaiah what made him go naked and barefoot three years. He answer'd: 'The same that made our friend Diogenes, the Grecian.'

I then asked Ezekiel why he ate dung, and lay so long on his right and left side. He answer'd, 'The desire of raising other men into a perception of the infinite: this the North American tribes practise, and is he honest who resists his genius or conscience only for the sake of present ease or gratification?'

Тогда я спросил: «Способна ли вера в свою правоту претворить эту веру в Истину?»

От ответил: «Все поэты стоят на этом, и некогда вера сдвигала горы, но не многим дано уверовать».

Тогда Иезекииль сказал: «Философия Востока учила первоосновам восприятия мира: одни народы избрали одну основу, другие другую; мы, иудеи, учили, что первооснова — Поэтический Гений (я пользуюсь вашими словами), а другие основы вторичны; поэтому мы презирали иноземных Священников и Философов и пророчествовали, что все убедятся в первичности нашего Бога, Поэтического Гения; этого жадно жаждал наш великий поэт Царь Давид, ибо желал побеждать врагов и удерживать царства Поэзией; мы любили нашего Бога и отвергали богов сопредельных народов, и невежды решили, что мы хотим покорить все народы.

Наша вера сделалась жизнью: народы чтут иудейские книги и молятся иудейскому богу — кого же нам покорять?»

Я слушал их с удивлением и поверил в их правоту. После трапезы я попросил Исаию вернуть миру утраченные книги: он сказал, что ни одна важная книга не утрачена. То же сказал Иезекииль.

Потом я спросил Исаию, что заставило его три года ходить нагим и босым. Он ответил: «То же, что нашего друга грека Диогена».

Тогда я спросил Иезекииля, отчего он ел навоз и так долго лежал на левом и правом боку? Он ответил: «Я желал, чтобы люди поняли смысл бесконечности; то же делают и индейцы Америки; да и честен ли тот, кто противится своему гению или совести ради мига покоя и удовольствия?»

The ancient tradition that the world will be consumed in fire at the end of six thousand years is true, as I have heard from Hell.

For the cherub with his flaming sword is hereby commanded to leave his guard at tree of life; and when he does, the whole creation will be consumed and appear infinite and holy, whereas it now appears finite and corrupt.

This will come to pass by an improvement of sensual enjoyment.

But first the notion that man has a body distinct from his soul is to be expunged; this I shall do by printing in the infernal method, by corrosives, which in Hell are salutary and medicinal, melting apparent surfaces away, and displaying the infinite which was hid.

If the doors of perception were cleansed everything would appear to man as it is, infinite.

For man has closed himself up till he sees all things thro' narrow chinks of his cavern.

A MEMORABLE FANCY

I was in a Printing-house in Hell, and saw the method in which knowledge is transmitted from generation to generation.

In the first chamber was a Dragon-Man, clearing away the rubbish from a cave's mouth; within, a number of Dragons were hallowing the cave.

In the second chamber was a Viper folding round the rock and the cave, and others adorning it with gold, silver, and precious stones.

In the third chamber was an Eagle with wings and feathers of air: he caused the inside of the cave to be infinite. Around were numbers of Eagle-like men who built palaces in the immense cliffs.

Истинна древняя вера в то, что мир в конце шести тысяч лет погибнет в огне, — так мне сказали в Аду.

Ибо когда Херувим с пламенеющим мечом оставит стражу у древа жизни, все творение испепелится и станет святым и вечным, как ныне греховно и тленно.

Путь же к этому — через очищение радостей плоти.

Для начала докажем, что душа и тело неразделимы; и я буду вытравливать мысли мои на металле кислотами, кои в Аду спасительны и целебны, ибо они разъедают поверхность предметов и обнажают скрытую в них бесконечность.

Если б врата познания были открыты, людям открылась бы бесконечность.

Но люди укрылись от мира и видят его лишь в узкие щели своих пещер.

ПАМЯТНЫЙ СОН

В печатне Ада я видел, как знания переходят от поколения к поколению.

В первой комнате Человек-Дракон выметал мусор с порога, куда его выносили другие Драконы.

Во второй — вдоль стен выгибался Змей, и его украшали серебром, золотом и камнями.

В третьей — Орел с воздушными крыльями утверждал бесконечности Ада, а вокруг него Люди-Орлы высекали дворцы в беспредельных скалах.

In the fourth chamber were Lions of flaming fire, raging around and melting the metals into living fluids.

In the fifth chamber were Unnamed forms, which cast the metals into the expanse.

There they were received by Men who occupied the sixth chamber, and took the forms of books and were arranged in libraries.

The Giants who formed this world into its sensual existence, and now seem to live in it in chains, are in truth the causes of its life and the sources of all activity; but the chains are the cunning of weak and tame minds which have power to resist energy. According to the proverb, the weak in courage is strong in cunning.

Thus one portion of being is the Prolific, the other the Devouring. To the Devourer it seems as if the producer was in his chains; but it is not so, he only takes portions of existence and fancies that the whole.

But the Prolific would cease to be Prolific unless the Devourer, as a sea, received the excess of his delights.

Some will say: 'Is not God alone the Prolific?' I answer: 'God only Acts and Is, in existing beings or Men.'

These two classes of men are always upon earth, and they should be enemies: whoever tries to reconcile them seeks to destroy existence.

Religion is an endeavour to reconcile the two.

Note. Jesus Christ did not wish to unite, but to separate them, as in the Parable of sheep and goats! And He says: 'I came not to send Peace, but a Sword.'

Messiah or Satan or Tempter was formerly thought to be one of the Antediluvians who are our Energies.

В четвертой — Львы огненным жаром дыхания превращали металлы в текучие жидкости.

Из пятой Безымянные существа проливали эти металлы в шестую.

В шестой — их вбирали Люди, расставленные по полкам, как книги.

Создавшие мир и ныне как будто окованные цепями мира Гиганты суть причины жизни и источники действий; но цепи — всего лишь хитрость слабых, покорных умов, которым достало силы сопротивляться силе; как гласит пословица: слабый мужеством силен хитростью.

Бытие создает Изобилие и Поглощение; Поглощение мнит, что держит в цепях Изобилие, но на деле берет ничтожную долю, принимая ее за целое.

Но Изобилие истощится, если избыток его восторгов не будет тонуть в морях Поглощения.

Кто-то спросит: «Разве не в Боге одном Изобилие?» Я отвечу: «Бог существует и действует только в Людах».

Сторонники Изобилия и сторонники Поглощения живут на земле и вечно враждуют: кто старается их примирить, убивает жизнь.

Их старается примирить Религия.

Заметь: Иисус Христос не соединял, но разделял, и в Притче об агнцах и козлищах он говорит: «Не Мир пришел Я принести, но Меч».

Мессия, он же Сатана, он же Искуситель — не допотопная Древность, но нынешняя наша Сила.

A MEMORABLE FANCY

An Angel came to me and said: 'O pitiable, foolish young man! O horrible! O dreadful state! Consider the hot, burning dungeon thou art preparing for thyself to all Eternity, to which thou art going in such career.'

I said: 'Perhaps you will be willing to show me my eternal lot, and we will contemplate together upon it, and see whether your lot or mine is most desirable.'

So he took me thro' a stable, and thro' a church, and down into the church vault, at the end of which was a mill. Thro' the mill we went, and came to a cave. Down the winding cavern we groped our tedious way, till a void boundless as a nether sky appear'd beneath us, and we held by the roots of trees, and hung over this immensity. But I said: 'If you please, we will commit ourselves to this void, and see whether Providence is here also. If you will not, I will.' But he answer'd: 'Do not presume, O young man, but as we here remain, behold thy lot which will soon appear when the darkness passes away.'

So I remain'd with him, sitting in the twisted root of an oak. He was suspended in a fungus, which hung with the head downward into the deep.

By degrees we beheld the infinite Abyss, fiery as the smoke of a burning city; beneath us, at an immense distance, was the sun, black but shining; round it were fiery tracks on which revolv'd vast spiders, crawling after their prey, which flew, or rather swum, in the infinite deep, in the most terrific shapes of animals sprung from corruption; and the air was full of them, and seem'd composed of them—these are Devils, and are called Powers of the Air. I now asked my companion which was my eternal lot? He said: 'Between the black and white spiders.'

But now, from between the black and white spiders, a cloud and fire burst and rolled thro' the deep, blackening all beneath; so that the nether deep grew black as a sea, and rolled with a terrible noise. Beneath us was nothing now to be seen but a black tempest, till looking East between the clouds and the waves we saw a cataract of blood mixed

ПАМЯТНЫЙ СОН

Ангел сошел ко мне и сказал: «О жалкий безумец! О мерзкий! О гибнущий! Жизнью своей ты себе уготовил в вечности огненную преисподнюю».

Я ответил: «Покажи мне мою судьбу, и мы вместе решим, чей жребий лучше, мой или твой».

Он повел меня сквозь конюшню, и церковь, и склеп, и в конце была мельница; мы прошли из нее в пещеру, и томительно долго спускались извилистым подземельем, и вот увидели под собой пустоту, бескрайнюю, как опрокинутые небеса, и на корнях растений повисли над пустотой; я сказал: «Бросимся в пустоту и посмотрим, есть ли в ней провидение, — если не хочешь, я брошусь один». Он ответил: «Смирись, юнец, когда расступится тьма, мы и отсюда увидим твой жребий».

И я остался сидеть на изогнутом корне дуба, а он держался за мох, свисавший с обрыва.

Мы рассмотрели бескрайнюю Бездну, яростную, как дым горящего города; внизу бесконечно далёко от нас светило черное солнце; вокруг черных лучей его вращались, ловя добычу, черные пауки, зловещие твари, рожденные тлением; они летели, или, вернее, плыли, в бездонных глубинах, и воздух был так насыщен ими, что казалось, из них состоит: это Дьяволы; и зовут их Силами воздуха. Я спросил моего спутника, в чем же мой вечный жребий. Он ответил: «Быть в середине меж черными и белыми пауками».

Но из середины меж черными и белыми пауками вырвались туча и пламя, и глубь почернела, как море, и покатила с ужасным ревом; черная буря все скрыла от глаз, лишь на востоке с неба в море спадал водопад из крови с огнем, и на расстоянии нескольких брошенных камней появилась и вновь погрузилась во мрак чешуя чудовища; и возник над волнами яростный гребень драко-

with fire, and not many stones' throw from us appear'd and sunk again the scaly fold of a monstrous serpent. At last, to the East, distant about three degrees, appear'd a fiery crest above the waves. Slowly it reared like a ridge of golden rocks, till we discover'd two globes of crimson fire, from which the sea fled away in clouds of smoke; and now we saw it was the head of Leviathan. His forehead was divided into streaks of green and purple like those on a tiger's forehead. Soon we saw his mouth and red gills hang just above the raging foam, tinging the black deep with beams of blood, advancing toward us with all the fury of a Spiritual Existence.

My friend the Angel climb'd up from his station into the mill: I remain'd alone, and then this appearance was no more; but I found myself sitting on a pleasant bank beside a river, by moonlight, hearing a harper, who sung to the harp; and his theme was: 'The man who never alters his opinion is like standing water, and breeds reptiles of the mind.'

But I arose and sought for the mill, and there I found my Angel, who, surprised, asked me how I escaped.

I answer'd: 'All that we saw was owing to your metaphysics; for when you ran away, I found myself on a bank by moonlight hearing a harper. But now we have seen my eternal lot, shall I show you yours?' He laugh'd at my proposal; but I, by force, suddenly caught him in my arms, and flew westerly thro' the night, till we were elevated above the earth's shadow; then I flung myself with him directly into the body of the sun. Here I clothed myself in white, and taking in my hand Swedenborg's volumes, sunk from the glorious clime, and passed all the planets till we came to Saturn. Here I stay'd to rest, and then leap'd into the void between Saturn and the fixed stars.

'Here,' said I, 'is your lot, in this space—if space it may be call'd.' Soon we saw the stable and the church, and I took him to the altar and open'd the Bible, and lo! it was a deep pit, into which I descended, driving the Angel before me. Soon we saw seven houses of brick. One

на, он поднимался, как золотистый гребень горы; и две сферы алого пламени разогнали тучи и дым: мы увидели пурпурную и зеленую голову Левиафана, полосатую, как голова тигра; мы увидели его пасть над клокочущей пеной и жабры, струившие кровь в черную глубину; он устремился к нам с неистовством гнева.

Друг мой Ангел бежал на мельницу; я остался один, и видение вдруг исчезло; я сидел у приятной реки в лунном свете и слушал арфу и песню: «Не склонный к переменам ум — стоячая вода, в воображении его — нечистых гадов рой».

Я пришел на мельницу к Ангелу; он удивился мне и спросил, как я спасся.

Я ответил: «Ты показал мне плоды своей метафизики: когда ты бежал, я остался при лунном свете возле реки и слушал пение. Ты показал мне мой вечный жребий, а я покажу тебе твой». Он засмеялся, но я обхватил его, и мы полетели на запад сквозь ночь выше тени земной и опустились на солнце, и я облачился в белое, и, захватив тома Сведенборга, покинул страну сияния, и миновал все планеты, и мы прилетели к Сатурну: я отдохнул и ринулся в бездну между Сатурном и неподвижными звездами.

Я сказал: «Твой жребий — в этих пределах, если здесь предел». И вновь перед нами была конюшня и церковь, и я подвел Ангела к алтарю и раскрыл Библию, и — о, чудо! — это был вход в подземелье, и я погнал по нему Ангела к семи кирпичным домам

we enter'd; in it were a number of monkeys, baboons, and all of that species, chain'd by the middle, grinning and snatching at one another, but withheld by the shortness of their chains. However, I saw that they sometimes grew numerous, and then the weak were caught by the strong, and with a grinning aspect, first coupled with, and then devour'd, by plucking off first one limb and then another, till the body was left a helpless trunk. This, after grinning and kissing it with seeming fondness, they devour'd too; and here and there I saw one savourily picking the flesh off of his own tail. As the stench terribly annoy'd us both, we went into the mill, and I in my hand brought the skeleton of a body, which in the mill was Aristotle's Analytics.

So the Angel said: 'Thy phantasy has imposed upon me, and thou oughtest to be ashamed.'

I answer'd: 'We impose on one another, and it is but lost time to converse with you whose works are only Analytics.'

I have always found that Angels have the vanity to speak of themselves as the Only Wise. This they do with a confident insolence sprouting from systematic reasoning.

Thus Swedenborg boasts that what he writes is new; tho' it is only the Contents or Index of already publish'd books.

A man carried a monkey about for a show, and because he was a little wiser than the monkey, grew vain, and conceiv'd himself as much wiser than seven men. It is so with Swedenborg: he shows the folly of churches, and exposes hypocrites, till he imagines that all are religious, and himself the single one on earth that ever broke a net.

Now hear a plain fact: Swedenborg has not written one new truth. Now hear another: he has written all the old falsehoods.

And now hear the reason. He conversed with Angels who are all religious, and conversed not with Devils who all hate religion, for he was incapable thro' his conceited notions.

Thus Swedenborg's writings are a recapitulation of all superficial opinions, and an analysis of the more sublime—but no further.

и ввел в один дом; мартышки и обезьяны в нем, скалясь, бросались друг на друга, насколько пускали их цепи, сильные, ухватив слабых, отгрызали им ноги и руки, обладали беспомощными телами и тотчас их пожирала; и мы от смрада сбежали на мельницу, и я принес с собою скелет, который был «Аналитикой» Аристотеля.

Ангел сказал: «Стыдись, ты показал мне свой бред».

Я ответил: «Мы оба показали друг другу свой бред, но я не буду попусту спорить с тобой, ибо твой труд — «Аналитика».

В Противоборстве суть истинной Дружбы.

Я всегда замечал, что Ангелы почитают мудрыми только себя; их самомнение — плод постоянного умствования.

И Сведенборг хвастает тем, что все сочиненное им ново, а на деле оно — Свод выжимок из старинных книг.

Человек водил напоказ обезьяну, ибо был немного умнее ее, но он возгордился и почел себя много умнее семерых мудрецов. Таков Сведенборг: он показал греховность церквей и ложь лицемеров и возомнил, что он один на земле вырвался из сетей религии.

Во-первых, Сведенборг не открыл ни одной новой истины. Во-вторых, его сочинения — старая ложь.

И вот причина: Сведенборг беседовал с Ангелами, которые любят религию, но тщеславие не позволило ему беседовать с Дьяволами, которые ее ненавидят.

Поэтому Сведенборг повторяет чужие мнения и исследует лишь небеса — но не больше.

Have now another plain fact. Any man of mechanical talents may, from the writings of Paracelsus or Jacob Behmen, produce ten thousand volumes of equal value with Swedenborg's, and from those of Dante or Shakespear an infinite number.

But when he has done this, let him not say that he knows better than his master, for he only holds a candle in sunshine.

A MEMORABLE FANCY

Once I saw a Devil in a flame of fire, who arose before an Angel that sat on a cloud, and the Devil utter'd these words:—

'The worship of God is: Honouring his gifts in other men, each according to his genius, and loving the greatest men best: those who envy or caluminate great men hate God; for there is no other God.'

The Angel hearing this became almost blue; but mastering himself he grew yellow, and at last white, pink, and smiling, and then replied:—

'Thou Idolater! is not God One? and is not he visible in Jesus Christ? and has not Jesus Christ given his sanction to the law of ten commandments? and are not all other men fools, sinners, and nothings?'

The Devil answer'd: 'Bray a fool in a mortar with wheat, yet shall not his folly be beaten out of him. If Jesus Christ is the greatest man, you ought to love Him in the greatest degree. Now hear how He has given His sanction to the law of ten commandments. Did He not mock at the sabbath, and so mock the sabbath's God; murder those who were murder'd because of Him; turn away the law from the woman taken in adultery; steal the labour of others to support Him; bear false witness when He omitted making a defence before Pilate; covet when He pray'd for His disciples, and when He bid them shake off the dust of their feet against such as refused to lodge them? I tell you, no virtue can exist without breaking these ten commandments. Jesus was all virtue, and acted from impulse, not from rules.'

И всякий посредственный человек способен из книг Парацельса и Якоба Бёме произвести десять тысяч томов равной ценности со Сведенборгом, а из книг Шекспира и Данте — бесчисленное их множество.

Но, так поступив, пусть не скажет, что превзошел своих учителей, ибо он всего лишь держит свечу при солнечном свете.

ПАМЯТНЫЙ СОН

Однажды я видел, как Ангел сидел на облаке и перед ним восстал Дьявол в пламени и сказал:

«Поклоняться Богу — значит чтить дары его в людях, отдавать каждому должное и больше других любить великих людей: кто завидует и возводит хулу на великих, тот ненавидит Бога, ибо нет во вселенной иного Бога».

Ангел сделался синим, но совладал с собой, и сделался желтым, белым и, наконец, розовым, и с улыбкой ответил:

«О творец Кумиров! Разве Бог не Один? Разве он во плоти не являлся Иисусом Христом? Разве Иисус Христос не дал нам десять заповедей? Разве прочие люди не безумцы, грешники и ничтожества?»

Дьявол ответил: «Растолки безумца в ступе с пшеницей, и безумие отлетит от него. Раз Иисус Христос был самым великим человеком, ты должен любить его больше, чем всех остальных веков. Подумай же, как он дал свои десять заповедей. Разве не насмеялся он над субботой и Богом субботы? Разве не убивал тех, кто убиты во имя его? Разве не отвратил закон от блудницы? Разве не крал чужой труд на пропитанье себе? Разве не лжесвидетельствовал, когда не стал защищать себя перед Пилатом? Разве не соблазнился, когда молился об учениках и когда повелел им отрясти прах от ног, выходя из дома того, кто не принял их? Я говорю: добродетель всегда нарушает заповеди. Иисус — добродетель и действовал от души, а не по законам».

When he had so spoken, I beheld the Angel, who stretched out his arms, embracing the flame of fire, and he was consumed, and arose as Elijah.

Note.—This Angel, who is now become a Devil, is my particular friend. We often read the Bible together in its infernal or diabolical sense, which the world shall have if they behave well.

I have also The Bible of Hell, which the world shall have whether they will or no.

One Law for the Lion and Ox is Oppression.

A SONG OF LIBERTY

1. The Eternal Female groan'd! it was heard over all the Earth.
2. Albion's coast is sick, silent; the American meadows faint!
3. Shadows of Prophecy shiver along by the lakes and the rivers, and mutter across the ocean: France, rend down thy dungeon!
4. Golden Spain, burst the barriers of old Rome!
5. Cast thy keys, O Rome, into the deep down falling, even to eternity down falling.
6. And weep.
7. In her trembling hand she took the new born terror, howling.
8. On those infinite mountains of light, now barr'd out by the Atlantic sea, the new born fire stood before the starry king!

И тут я увидел, как Ангел простер свои руки, и обнял пламя, и исчез в нем, и вознесся, как Илия.

Заметь: этот Ангел стал Дьяволом и ныне мой лучший друг; мы часто вместе читаем Библию и находим в ней inferнальный, или дьявольский, смысл, и мир его узнаёт, если того заслужит.

И еще у меня есть Библия Ада, и смысл ее мир узнаёт, хочет он того или нет.

Томление — общий закон для Льва и Вола.

ПЕСНЬ СВОБОДЫ

1. Возопила Вечная Женственность! Весь Мир услышал ее.
2. Но брег Альбиона безмолвен; луга Америки далеки!
3. Зыблются тени Пророчества по озерам и рекам, зывают через Атлантику: Разрушь темницу, о Франция!
4. Золотая Испания, рви оковы ветхого Рима!
5. И ты, о Рим, брось ключи свои в бездну, да канут в вечность.
6. Зарыдай и склони почтенную седину.
7. Ибо новорожденный ужас взяла Женственность в слабые руки и указала:
8. На бескрайних нагорьях сиянья, за океаном — новорожденное пламя восстало пред оком алчного короля.

9. Flag'd with grey brow'd snows and thunderous visages, the jealous wings wav'd over the deep.

10. The speary hand burned aloft, unbuckled was the shield; forth went the hand of jealousy among the flaming hair, and hurl'd the new born wonder thro' the starry night.

11. The fire, the fire is falling!

12. Look up! look up! O citizen of London, enlarge thy countenance! O Jew, leave counting gold! return to thy oil and wine. O African! black African! (go, winged thought, widen his forehead.)

13. The fiery limbs, the flaming hair, shot like the sinking sun into the western sea.

14. Wak'd from his eternal sleep, the hoary element roaring fled away.

15. Down rush'd, beating his wings in vain, the jealous king; his grey brow'd councillors, thunderous warriors, curl'd veterans, among helms, and shields, and chariots, horses, elephants, banners, castles, slings, and rocks.

16. Falling, rushing, running! buried in the ruins, on Urthona's dens;

17. All night beneath the ruins; then, their sullen flames faded, emerge round the gloomy king.

18. With thunder and fire, leading his starry hosts thro' the waste wilderness, he promulgates his ten commands, glancing his beamy eyelids over the deep in dark dismay.

9. В хмурых снегах и грозных виденьях вороньи крылья взвились над пучиной.

10. Но рука с занесенным копьем горит, рухнул щит; взметнулась рука алчности к вспыхнувшим волосам и отбросила в звездную ночь новорожденное диво.

11. Пламя, пламя с небес!

12. Ввысь, ввысь глядите! Увидь, что творится в мире, о горожанин Лондона! Брось считать золотые монеты, о Иудей, вернись к библейскому ладану и вину! О Африканец! О черный Африканец! (Лети, крылатая мысль, расширь ему разум.)

13. Руки и волосы в пламени, словно вечернее солнце, скрылись в западном море.

14. Нарушен вечный сон древней стихии, с ревом она уносится прочь:

15. Рухнул алчный король, тщетно крыльями бил он; седые его советники, грозные воины, дрогнувшие ветераны среди шлемов, щитов, колесниц, коней, слонов и знамен, крепостей, луков и стрел

16. Мечутся, падают, гибнут! Погребены под руинами в подземельях Уртоны;

17. Всю ночь под руинами; иссякло мрачное пламя, толпятся они вокруг угрюмого Короля.

18. В огне и громе ведет он орды бесплодной пустыней, провозглашает десять вороньих заповедей, но в черном унынии изпод век косится он на восток,

19. Where the son of fire in his eastern cloud, while the morning plumes her golden breast,

20. Spurning the clouds written with curses, stamps the stony law to dust, loosing the eternal horses from the dens of night, crying:

EMPIRE IS NO MORE!
AND NOW THE LION & WOLF SHALL CEASE

C h o r u s

Let the Priests of the Raven of dawn no longer, in deadly black, with hoarse note curse the sons of joy. Nor his accepted brethren—whom, tyrant, he calls free—lay the bound or build the roof. Nor pale religious lechery call that virginity that wishes but acts not!

For every thing that lives is Holy.

19. Где в златопером облачке утра сын пламени

20. Разгоняет тучи, исчерченные проклятьями, воздвигает столп закона на прахе, выпускает из подземелий ночи коней вечности и возглашает:

**ИМПЕРИЯ УМЕРЛА!
ОТНЫНЕ СГИНУТ И ЛЕВ И ВОЛК!**

Припев

О Жрецы вороньего утра, теперь чернота ваша не смертоносна, не хулите ж сынов веселья! О приемные братья Вóрона, — вас он, тиран, именует свободными, — не воздвигайте стен, не скрывайте крышами небеса! О бледный церковный разврат, сойди с пути вольных желаний девства!

Ибо все живое Священно.

Перевод А. Я. Сергеева

VISIONS OF THE DAUGHTERS OF ALBION

The Eye sees more than
the Heart Knows

THE ARGUMENT

I lovèd Theotormon,
And I was not ashamèd;
I trembled in my virgin fears,
And I hid in Leutha's vale!

I pluckèd Leutha's flower,
And I rose up from the vale;
But the terrible thunders tore
My virgin mantle in twain.

VISIONS

Enslav'd, the Daughters of Albion weep; a trembling lamentation
Upon their mountains; in their valleys, sighs toward America.

For the soft soul of America, Oothoon, wander'd in woe
Along the vales of Leutha, seeking flowers to comfort her;
And thus she spoke to the bright Marigold of Leutha's vale:—

'Art thou a flower? art thou a nymph? I see thee now a flower,
Now a nymph! I dare not pluck thee from thy dewy bed!'

The Golden nymph replied: 'Pluck thou my flower, Oothoon the mild!
Another flower shall spring, because the soul of sweet delight
Can never pass away.' She ceas'd, and clos'd her golden shrine.

Then Oothoon pluck'd the flower, saying: 'I pluck thee from
thy bed,

ВИДЕНИЯ ДЩЕРЕЙ АЛЬБИОНА

*Глаз видит больше,
Чем Сердце знает.*

СМЫСЛ

Я полюбила Теотóрмона
И не стыдилась, что люблю;
Я трепетала в страхе девичьем
И пряталась в долине Левты.

Я сорвала цветок над Левтою
И в путь пустилась из долины;
Но грозный гром одежду девичью
Ударом надвое рассек.

ВИДЕНИЯ

Рыдают в рабстве Дщери Альбиона, стон их слышен
В долинах и в горах; к Америке летят
их вздохи:

Там безутешная душа Америки Утуна
Бродила по долине Левты, и себе в отраду
Цветок искала, и, найдя, спросила Маргаритку:

— Скажи, цветок иль нимфа ты? То вижу я цветок,
То нимфу. Разлучу ль тебя с твоим росистым ложем?

Златая нимфа ей в ответ: — Сорви меня, Утуна!
Другой цветок взрастет взамен меня: душа блаженства
Бессмертна. — И укрылась нимфа в венчике златом.

Утуна сорвала цветок, сказав:

— Ты разлучилась

Sweet flower, and put thee here to glow between my breasts;
And thus I turn my face to where my whole soul seeks.'

Over the waves she went in wing'd exulting swift delight,
And over Theotormon's reign took her impetuous course.

Bromion rent her with his thunders; on his stormy bed
Lay the faint maid, and soon her woes appall'd his thunders
hoarse.

Bromion spoke: 'Behold this harlot here on Bromion's bed,
And let the jealous dolphins sport around the lovely maid!
Thy soft American plains are mine, and mine thy north
and south:

Stamp'd with my signet are the swarthy children of the sun;
They are obedient, they resist not, they obey the scourge;
Their daughters worship terrors and obey the violent.
Now thou may'st marry Bromion's harlot, and protect the child
Of Bromion's rage, that Oothoon shall put forth in nine
moons' time.'

Then storms rent Theotormon's limbs: he roll'd his waves around
And folded his black jealous waters round the adulterate pair.
Bound back to back in Bromion's caves, terror and meekness
dwell:

At entrance Theotormon sits, wearing the threshold hard
With secret tears; beneath him sound like waves on a desert shore
The voice of slaves beneath the sun, and children bought
with money,
That shiver in religious caves beneath the burning fires
Of lust, that belch incessant from the summits of the earth.

Oothoon weeps not; she cannot weep, her tears are lockèd up;
But she can howl incessant, writhing her soft snowy limbs,
And calling Theotormon's Eagles to prey upon her flesh.

С росистым ложем — так сияй же на моей груди:
С тобой мне весело спешить, куда влечет душа.

И полетела на волнах крылатого блаженства,
Над царством Теотормона пустилась в быстрый путь.

Но громом Брѳмион сразил ее; она упала
На ложе бурное его и воплем гром пронзила.

Воззвал глумливый Брѳмион: — Взгляни,
в моих объятых —
Блудница, и хранят ее ревнивые дельфины!
Твоя Америка — моя, мои твой юг и север,
И выжжено мое тавро на черных детях солнца.
Они не ропщут и покорны моему бичу,
Их дочери дрожат меня и уступают силе.
Бери мою наложницу, храни мое дитя —
Ты через девять месяцев его получишь
в дар!

Но потрясенный Теотормон отгоняет бурю,
И волны темной ревности спешат к прелюбодѳю.
Спиной к спине в пещерах Брѳмиона страх
и срам.

Пред входом, слезы затаив, упорный Теотормон;
У ног его, как волны на пустынном берегу,
Вскипают голоса рабов; их продают
за деньги,

В монашеские норы загнала их злая похоть —
Ее, как лаву, непрестанно изрыгают горы.

Утуна слез не льет, не может: слезы
в ней иссякли;

Но тело снежное ее трепещет от стенаний,
Она к себе скликает Теотормоновых птиц:

‘I call with holy voice! Kings of the sounding air,
 Rend away this defiled bosom that I may reflect
 The image of Theotormon on my pure transparent breast.’

The Eagles at her call descend and rend their bleeding prey:
 Theotormon severely smiles; her soul reflects the smile,
 As the clear spring, muddled with feet of beasts,
 grows pure and smiles.

The Daughters of Albion hear her woes, and echo back her sighs.

‘Why does my Theotormon sit weeping upon the threshold,
 And Oothoon hovers by his side, persuading him in vain?
 O cry: Arise, O Theotormon! for the village dog
 Barks at the breaking day; the nightingale has done lamenting;
 The lark does rustle in the ripe corn, and the eagle returns
 From nightly prey, and lifts his golden beak to the pure east,
 Shaking the dust from his immortal pinions to awake
 The sun that sleeps too long. Arise, my Theotormon! I am pure,
 Because the night is gone that clos’d me in its deadly black.
 They told me that the night and day were all that I could see;
 They told me that I had five senses to enclose me up;
 And they enclos’d my infinite brain into a narrow circle,
 And sunk my heart into the Abyss, a red, round globe, hot
 burning,

Till all from life I was obliterated and erasèd.
 Instead of morn arises a bright shadow, like an eye
 In the eastern cloud; instead of night a sickly charnel-house,
 That Theotormon hears me not. To him the night and morn
 Are both alike; a night of sighs, a morning of fresh tears;
 And none but Bromion can hear my lamentations.

‘With what sense is it that the chicken shuns the ravenous hawk?
 With what sense does the tame pigeon measure out the expanse?
 With what sense does the bee form cells? Have not the
 mouse and frog

— Ко мне, Орлы, владыки звонких токов неба!
Когтями рвите грудь мою и обнажите душу,
Чтоб образ Теотормона запечатлелся в сердце.

Орлы слетелись и когтили жалобную жертву;
Сурово улыбнулся Теотормон, и Утуна
В душе своей запечатлела горькую улыбку —
Так солнце после бури отражается в реке.

Вздыхают Дщери Альбиона, слыша стон Утуны.

— Зачем рыдает у пещер мой грозный Теотормон,
Зачем душа Утуны тщетно молит о спасенье?
Встань, о Теотормон, ибо деревенский пес
Залаял пред рассветом, соловей окончил песню,
И жаворонок шелестит во ржи, и возвратился
С добычею Орел, и поднял клюв к востоку,
И стряхивает прах с бессмертных крыльев, и зовет
Медлительное солнце. Пробудись, мой Теотормон,
Меня пятнала тьма, но ночь прошла, и я чиста.
Мне говорят, что только ночь и день могу я видеть,
Что пять моих убогих чувств мою замкнули душу
И заключили в тесный круг мой беспредельный разум,
А сердца моего горящий шар низвергли в Бездну;
Мне говорят, что я навек отторжена от жизни,
Что утром для меня восходит туча, а не солнце,
И вечером ступаю я не к ночи, а к могиле:
Мой Теотормон мне не внемлет! Для его души
Что свет — что тьма: ночь вздохов или утро свежих слез.

Лишь Бромиион с усмешкой слышит мой унылый стон.

Что заставляет кур бежать от ястребиной
злости?

Что заставляет голубей искать дорогу к дому,
А пчел роиться в улье? Разве мыши и лягушки

Eyes and ears and sense of touch? Yet are their habitations
 And their pursuits as different as their forms and as their joys.
 Ask the wild ass why he refuses burdens, and the meek camel
 Why he loves man. Is it because of eye, ear, mouth, or skin,
 Or breathing nostrils? No! for these the wolf and tiger have.
 Ask the blind worm the secrets of the grave, and why her spires
 Love to curl round the bones of death; and ask the rav'nous snake
 Where she gets poison, and the wing'd eagle why he loves the sun;
 And then tell me the thoughts of man, that have been hid of old.

'Silent I hover all the night, and all day could be silent,
 If Theotormon once would turn his lovèd eyes upon me.
 How can I be defil'd when I reflect thy image pure?
 Sweetest the fruit that the worm feeds on, and the soul prey'd on
 by woe,
 The new-wash'd lamb ting'd with the village smoke,
 and the bright swan
 By the red earth of our immortal river. I bathe my wings,
 And I am white and pure to hover round Theotormon's breast.'

Then Theotormon broke his silence, and he answerèd:—

'Tell me what is the night or day to one o'erflow'd with woe?
 Tell me what is a thought, and of what substance is it made?
 Tell me what is a joy, and in what gardens do joys grow?
 And in what rivers swim the sorrows? And upon what mountains
 Wave shadows of discontent? And in what houses dwell the wretched,
 Drunken with woe, forgotten, and shut up from cold despair?

'Tell me where dwell the thoughts, forgotten till thou call
 them forth?
 Tell me where dwell the joys of old, and where the ancient loves,
 And when will they renew again, and the night of oblivion past,
 That I might traverse times and spaces far remote, and bring
 Comforts into a present sorrow and a night of pain?

Не обладают зрением и слухом? Отчего же
Их нравы, обиталища и радости различны?
И отчего осел упрямя, и отчего верблюд
Покорен человеку? Оттого ли, что у них
Есть зреньё, осязанье, обонянье, слух и вкус?
Нет, ибо тем же наделен равно и тигр и волк.
Спроси червей о тайне гроба, отчего они
Живут среди костей? Спроси коварную змею,
Откуда в ней смертельный яд; затем орла спроси,
Зачем он любит высь и солнце; и тогда открой мне
Издревле затаившиеся мысли человека.

Когда бы Теотормон обратил ко мне свой взор,
Я не стенала бы весь день, всю ночь бы не стенала.
Да есть ли грех на мне, когда во мне твой чистый образ?
Всех слаще — плод, в котором червь; душа, в которой горе;
Ягненок, на котором дым костра; и яркий лебедь
У красных берегов реки бессмертья. Я омыла
Крыла свои и тороплюсь прильнуть к твоей груди.

Прервал свое молчанье Теотормон и ответил:

— Скажи, что значат свет и тьма в земной
юдоли горя?

И что такое мысль и какова ее природа?

И что такое радость, где она, в каких садах?

В каких потоках скорбь струится, на какие горы

Упала тень тоски и где влачат свой век

страдальцы,

Кого дурман трудов спасает от самоубийства?

Скажи, кем зиждется забытая до срока мысль

И где живет былая радость и минувшая любовь?

Когда они вернуться к нам, и сгинет мрак забвенья,

И я смогу перенестись сквозь время и пространство

И облегчить сегодняшнюю боль, и мрак, и горе?

Where goest thou, O thought? to what remote land is thy flight?
 If thou returnest to the present moment of affliction,
 Wilt thou bring comforts on thy wings, and dews and honey
 and balm,
 Or poison from the desert wilds, from the eyes of the envier?’

Then Bromion said, and shook the cavern with his lamentation:—

‘Thou knowest that the ancient trees seen by thine eyes
 have fruit;
 But knowest thou that trees and fruits flourish upon the earth
 To gratify senses unknown—trees, beasts, and birds unknown;
 Unknown, not unperceiv’d, spread in the infinite microscope,
 In places yet unvisited by the voyager, and in worlds
 Over another kind of seas, and in atmospheres unknown?
 Ah! are there other wars, beside the wars of sword and fire?
 And are there other sorrows beside the sorrows of poverty?
 And are there other joys beside the joys of riches and ease?
 And is there not one law for both the lion and the ox?
 And is there not eternal fire, and eternal chains
 To bind the phantoms of existence from eternal life?’

Then Oothoon waited silent all the day and all the night;
 But when the morn arose, her lamentation renew’d:
 The Daughters of Albion hear her woes, and echo back
 her sighs.

‘O Urizen! Creator of men! mistaken Demon of heaven!
 Thy joys are tears, thy labour vain to form men to thine image.
 How can one joy absorb another? Are not different joys
 Holy, eternal, infinite? and each joy is a Love.

‘Does not the great mouth laugh at a gift, and the narrow
 eyelids mock
 At the labour that is above payment? And wilt thou take the ape

Куда ты улетаешь, мысль, в какой далекий край,
И если возвратишься в этот бедствующий мир,
Что принесешь ты на крылах — росу,
 бальзам и мед
Иль яд из водяных пустынь, из вражеских очей?

Тут Бромиион сотряс свои пещеры грозным криком:

— Ты видишь древние деревья и на них плоды —
Узнай же, что деревья и плоды произрастают
Для чувств, не ведомых поднесью; что под всемогущей
 линзой

Предвидятся в иных мирах, морях и небесах
Такие твари, о каких не мыслил открыватель.
Знай: войны на земле ведут не только огонь и меч;
Знай: бедствия несут не только нищета и скорбь,
Равно как счастье — не одни богатство
 и довольство!

Пойми же: не один закон для льва и для осла;
Нет вечного огня, равно как вечных нет цепей,
Способных призрак жизни отрешить от вечной жизни!

В молчании Утуна протомилась день и ночь;
Когда же вновь настал рассвет, то вновь она
 взмолилась.

Вздыхают Дщери Альбиона, слыша стон Утуны.

— О Уризен, творец людей, небес немудрый Демон,
Вотще ты людям дал свой образ: поглощают слезы
Их радость! Разве ты не породил иную радость —
Святую, безграничную, бессмертную Любовь?

Но разве алчный рот скупца не презирает щедрость?
И разве узкий глаз не отвергает бескорыстия?

For thy counsellor, or the dog for a schoolmaster to thy children?
 Does he who contemns poverty, and he who turns with abhorrence
 From usury feel the same passion, or are they movèd alike?
 How can the giver of gifts experience the delights
 of the merchant?

How the industrious citizen the pains of the husbandman?
 How different far the fat fed hireling with hollow drum,
 Who buys whole corn-fields into wastes, and sings upon the heath!
 How different their eye and ear! How different the world to them!
 With what sense does the parson claim the labour of the farmer?
 What are his nets and gins and traps; and how
 does he surround him

With cold floods of abstraction, and with forests of solitude,
 To build him castles and high spires, where kings and priests may
 dwell;

Till she who burns with youth, and knows no fixèd lot, is bound
 In spells of law to one she loathes? And must she drag the chain
 Of life in weary lust? Must chilling, murderous thoughts obscure
 The clear heaven of her eternal spring; to bear the wintry rage
 Of a harsh terror, driv'n to madness, bound to hold a rod
 Over her shrinking shoulders all the day, and all the night
 To turn the wheel of false desire, and longings that wake her womb
 To the abhorred birth of cherubs in the human form,
 That live a pestilence and die a meteor, and are no more;
 Till the child dwell with one he hates, and do the deed
 he loathes,

And the impure scourge force his seed into its unripe birth,
 Ere yet his eyelids can behold the arrows of the day?

‘Does the whale worship at thy footsteps as the hungry dog;
 Or does he scent the mountain prey because his nostrils wide
 Draw in the ocean? Does his eye discern the flying cloud
 As the raven’s eye; or does he measure the expanse like the vulture?
 Does the still spider view the cliffs where eagles hide their young;
 Or does the fly rejoice because the harvest is brought in?’

Возьмешь ли ты в советчики мартышку?

Дашь ли детям

В учителя собаку? Не одной и той же страстью
Подвигнуты и те, кто отгоняет жалких нищих,
И те, кто отвращается от злых ростовщиков.
О, разве щедрый на дары поймет восторг торговца?
И разве горожанин знает муки земледельца?
И разве с ними схож тупой наемник с барабаном —
Он превращает ниву в пустошь и горланит песни!
Какие разные у все миры, глаза и уши!
Как смеет пастор требовать даров у хлебопашца,
В какие сети и силки он ловит прихожан,
Как в души их вливает отвлеченные понятия
И загоняет в дебри одиночества и страха —
И строит храмы и дворцы, достойные царей!
Каким заклатьем юную неопытную деву
Он сочетает с ненавистной старостью?

Должна ли

В цепях усталой похоти она прожить всю жизнь
И мертвенными ледяными думами завешивать
Прозрачный небосвод своей весны, сходить с ума,
И вянущие плечи подставлять бичам зимы,
И по ночам кружиться в колесе притворной страсти,
И с отвращением рожать незрелых, нежеланных
Детей, подобных серафимам, но в людском обличье.
Нечистым семенем они зачаты ради смерти —
Как им любить родителей, как им ценить свой труд,
Когда в их робкие глаза вонзились стрелы дня?

Скулит ли кит голодным псом у твоего порога?

Вдыхая воды океана, может ли он чувствовать

Добычу высоко в горах, и так же ли, как ворон,

Он видит облака и, как стервятник, мерит небо?

Паук плетет ли паутину над гнездом орла?

При виде полных закровов порадует ли муха?

Does not the eagle scorn the earth, and despise the treasures
beneath?

But the mole knoweth what is there, and the worm shall
tell it thee.

Does not the worm erect a pillar in the mouldering churchyard
And a palace of eternity in the jaws of the hungry grave?
Over his porch these words are written: "Take thy bliss, O Man!
And sweet shall be thy taste, and sweet thy
infant joys renew!"

'Infancy! Fearless, lustful, happy, nestling for delight
In laps of pleasure: Innocence! honest, open, seeking
The vigorous joys of morning light, open to virgin bliss,
Who taught thee modesty, subtil modesty, child
of night and sleep?

When thou awakest wilt thou dissemble all thy secret joys,
Or wert thou not awake when all this mystery was disclos'd?
Then com'st thou forth a modest virgin knowing to dissemble,
With nets found under thy night pillow, to catch virgin joy
And brand it with the name of whore, and sell it in the night
In silence, ev'n without a whisper, and in seeming sleep.
Religious dreams and holy vespers light thy smoky fires:
Once were thy fires lighted by the eyes of honest morn.
And does my Theotormon seek this hypocrite modesty,
This knowing, artful, secret, fearful, cautious, trembling
hypocrite?

Then is Oothoon a whore indeed! and all the virgin joys
Of life are harlots; and Theotormon is a sick man's dream;
And Oothoon is the crafty slave of selfish holiness.

'But Oothoon is not so, a virgin fill'd with virgin fancies,
Open to joy and to delight wherever beauty appears:
If in the morning sun I find it, there my eyes are fix'd
In happy copulation; if in evening mild, wearied with work,
Sit on a bank and draw the pleasures of this free-born joy.

Нужна ль орлу земля и все подземные
богатства?
Зато их знает крот, о них тебе расскажет
червь —
Не он ли воздвигает столп над рыхлой почвой тленья
И вечный свой дворец в насытых челюстях могил?
Не на пороге ль гроба надпись: «Человек, познай
Блаженство и верни себе младенческую
радость!»

Младенчество! Бесстрашное, счастливое, святое,
Ты жадно жаждешь радостей и льнешь к груди блаженства.
Невинность! Честная, открытая, ты страстно ищешь
Восторгов утра и вкушаешь девственное
счастье.

Кто научил стыдливости дитя ночного сна?
Проснувшись, не предашь ли ты свои простые тайны,
Иль вовсе не проснешься ты, когда спадет завеса?
Тогда ты выйдешь в мир суровой лицемерной девой,
И девственную радость будешь уловлять силками,
И заклеиши ее блудницей, и продашь за деньги
В ночи, в молчании, без шепота, в притворном сне.
Святые звезды и высокие мечты взирают
На дымный пламень, вспыхнувший однажды чистым утром.
О Теотормон, ты ли жаждешь скромности поддельной,
Искусного, опасливого, злого лицедейства?
Коль так, твоя Утуна — шлюха, девственная радость —
Распутница, а сам ты, Теотормон, — бред безумца.
Ужель я — хитрая рабыня набожной корысти?

Нет, я не такова: я дева и лечу мечтами
Навстречу радости и счастью. На восходе солнца
Открытые глаза мои в согласии счастливом,
А вечером, усталая, я нахожу отраду
На тихом берегу реки в покое и приволье.

‘The moment of desire! the moment of desire! The virgin
 That pines for man shall awaken her womb to enormous joys
 In the secret shadows of her chamber: the youth shut up from
 The lustful joy shall forget to generate, and create
 an amorous image

In the shadows of his curtains and in the folds of his silent
 pillow

Are not these the places of religion, the rewards of continence,
 The self-enjoyings of self-denial? Why dost thou seek religion?
 Is it because acts are not lovely that thou seekest solitude,
 Where the horrible darkness is impressèd with reflections
 of desire?

‘Father of Jealousy, be thou accursèd from the earth!
 Why hast thou taught my Theotormon this accursèd thing,
 Till beauty fades from off my shoulders, darken’d and cast out,
 A solitary shadow wailing on the margin of nonentity?

‘I cry: Love! Love! Love! happy happy Love! free as the mountain
 wind!

Can that be Love, that drinks another as a sponge drinks water,
 That clouds with jealousy his nights, with weepings all the day,
 To spin a web of age around him, grey and hoary, dark;
 Till his eyes sicken at the fruit that hangs before his sight?
 Such is self-love that envies all, a creeping skeleton,
 With lamplike eyes watching around the frozen marriage bed!

‘But silken nets and traps of adamant will Oothoon spread,
 And catch for thee girls of mild silver, or of furious gold.
 I’ll lie beside thee on a bank, and view their wanton play
 In lovely copulation, bliss on bliss, with Theotormon:
 Red as the rosy morning, lustful as the first-born beam,
 Oothoon shall view his dear delight; nor e’er with jealous cloud
 Come in the heaven of generous love, nor selfish blightings bring.

О, миг восторга! Миг восторга! Вожделет дева,
Чтоб юноша ей чрево пробудил для наслажденья
В укронной тишине, — иначе юность под замком
Разучится рождать детей и мыслить
милый облик

В тени стыдливых занавесей на немой подушке.
Зачем ты ищешь благочестья? Разве в нем награда
За годы воздержания и самоотрицанья?
Ты презираешь грубость плоти и зовешь к безбрачью,
В котором тьма пронизана роением желаний?

Будь проклят, Породитель гнусной Ревности!
За что

На Теотормона ты наложил свое проклятье?
Пока мои сияющие плечи не померкли —
Я — тень, рыдающая у границ небытия.

И я зову: Любовь! Любовь! Счастливая Любовь,
Счастливая, свободная, как ветер
на вершинах!

Не ты, Любовь, туманишь ночь — сомненьем,
день — слезами;

Не ты сетями старости неволишь человека,
И он уже не видит плод, висящий перед ним.
Не ты, но Себялюбие, скелет с горящим взором,
Ревнивый сторож над чужим холодным брачным ложем.

Но дев нежно-серебряных и жарко-золотых
В силки из шелка или в западни из бирюзы
Утуна для любимого уловит и, сама
Счастливая, увидит их счастливое соитье,
Их прихотливую игру с тобой, мой Теотормон.
Горя желаньем, словно первый алый луч рассвета,
Утуна будет созерцать чужой восторг, и Ревность
Не омрачит ей, бескорыстной, небеса Любви.

‘Does the sun walk, in glorious raiment, on the secret floor
Where the cold miser spreads his gold; or does the bright
cloud drop
On his stone threshold? Does his eye behold the beam that brings
Expansion to the eye of pity; or will he bind himself
Beside the ox to thy hard furrow? Does not that mild beam blot
The bat, the owl, the glowing tiger, and the king of night?
The sea-fowl takes the wintry blast for a cov’ring to her limbs,
And the wild snake the pestilence to adorn him with gems and gold;
And trees, and birds, and beasts, and men behold their eternal joy.
Arise, you little glancing wings, and sing your infant joy!
Arise, and drink your bliss, for everything that lives is holy!’
Thus every morning wails Oothoon; but Theotormon sits
Upon the margin’d ocean conversing with shadows dire.

The Daughters of Albion hear her woes, and echo back her sighs.

Сойдет ли солнце в праздничных одеждах в подземелье,
Где скряга прячет золото? Опустится ли тучка
На каменный порог его? Увидит ли злодушный
Лучи добра, что расширяют очи сострадания,
Или, как вол, пойдет он по привычной борозде?
Ужели благотворные лучи бессильны против
Совы, Летучей Мыши, Тигра и Владыки Ночи?
Морская птица прячется в ненастном зимнем ветре,
Змея к себе приманивает золото и жемчуг,
А злаки, звери, птицы, люди вечно жаждут счастья.
Восстаньте ж и зачните песнь младенческому счастью!
Восстаньте ж для блаженства, ибо все живое свято!

Так стонет дева каждым утром, ибо Теотормон
Напрасно спорит с грозными тенями океана.

Вздыхают Дщери Альбиона, слыша стон Утуны.

Перевод А. Я. Сергеева

THE FRENCH REVOLUTION

BOOK THE FIRST

The dead brood over Europe: the cloud and vision descends over
 cheerful France;
 O cloud well appointed! Sick, sick, the Prince on his couch! wreath'd
 in dim
 And appalling mist; his strong hand outstretch'd, from his shoulder
 down the bone,
 Runs aching cold into the sceptre, too heavy for mortal grasp—
 no more
 To be swayèd by visible hand, nor in cruelty bruise the mild flourish-
 ing mountains.
 Sick the mountains! and all their vineyards weep, in the eyes of the
 kingly mourner;
 Pale is the morning cloud in his visage. Rise, Necker! the ancient
 dawn calls us
 To awake from slumbers of five thousand years. I awake,
 but my soul is in dreams;
 From my window I see the old mountains of France, like agèd men,
 fading away.
 Troubled, leaning on Necker, descends the King to his chamber of
 council; shady mountains
 In fear utter voices of thunder; the woods of France embosom
 the sound;
 Clouds of wisdom prophetic reply, and roll over the palace roof
 heavy.
 Forty men, each conversing with woes in the infinite shadows of
 his soul,
 Like our ancient fathers in regions of twilight, walk, gathering round
 the King:
 Again the loud voice of France cries to the morning; the morning
 prophesies to its clouds.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

Смерть над Европой нависла; виденья и тучи на Францию
пали —

Славные тучи! Ничтожный король заметался на меченом
смертью

Ложе, окутан могильным туманом; ослабла десница;
и холод,

Прянув из плеч по костям, влился в скипетр, чрезмерно
тяжелый для смертной

Длани — бессильной отныне терзать и кровавить цветущие
горы.

Горы больные! Стенают в ответ королевской тоске
вертограды.

Туча во взоре его. Неккер, встань! Наступило
зловещее утро.

Пять тысяч лет мы проспали. Я встал, но душа пребывает
во дреме;

Вижу в окне, как седыми старухами стали
французские горы.

Жалкий, за Неккера держится, входит Король в зал
Большого Совета.

Горы тенистые громом, леса тихим граяньем стонут
во страхе.

Туча пророческих изобличений нависла над крышей
дворцовой.

Сорок мужей, заточенных печалью в темницу души
королевской,

Как праотцы наши — в сумерках вечных, обстали больного
владыку,

Францию перекричать обреченно пытаюсь, воззавшую
к туче.

For the Commons convene in the Hall of the Nation. France shakes!
 And the heavens of France
 Perplex'd vibrate round each careful countenance! Darkness of old
 times around them
 Utters loud despair, shadowing Paris; her grey towers groan, and the
 Bastille trembles.
 In its terrible towers the Governor stood, in dark fogs list'ning
 the horror;
 A thousand his soldiers, old veterans of France, breathing red clouds
 of power and dominion.
 Sudden seiz'd with howlings, despair, and black night, he stalk'd like
 a lion from tower
 To tower; his howlings were heard in the Louvre; from court to
 court restless he dragg'd
 His strong limbs; from court to court curs'd the fierce torment
 unquell'd,
 Howling and giving the dark command; in his soul stood the purple
 plague,
 Tugging his iron manacles, and piercing thro' the seven towers dark
 and sickly,
 Panting over the prisoners like a wolf gorg'd. And the den nam'd
 Horror held a man
 Chain'd hand and foot; round his neck an iron band, bound to the
 impregnable wall;
 In his soul was the serpent coil'd round in his heart, hid from the
 light, as in a cleft rock:
 And the man was confin'd for a writing prophetic. In the tower nam'd
 Darkness was a man
 Pinion'd down to the stone floor, his strong bones scarce cover'd
 with sinews; the iron rings
 Were forg'd smaller as the flesh decay'd: a mask of iron on his face
 hid the lineaments
 Of ancient Kings, and the frown of the eternal lion was hid from the
 oppressèd earth.

Ибо плебеи уже собрались в Зале Наций.
Страна содрогнулась!
Небо французское недоуменно дрожит вокруг растерянных.
Темень
Первовремен потрясает Париж, сотрясает
Бастилии стены;
Страж и Правитель во мгле наблюдают, страшась, нарастающий
ужас;
Тысяча верных солдат дышит тучей кровавой Порядка
и Власти;
Черной печалью Чумленный зарыскал, как лев, по чудовищным
тюрьмам,
Рык его слышен и в Лувре, не гаснет под ветром судилища
факел;
Мощные мышцы труда, он петляет, огнем опалает
Законы,
Харкает черною кровью заветов, кровавой чумою
охвачен,
Силясь порвать все тесней и больней его тело
щемящие цепи,
Полупридушенным волком, к жильцам Семи Башен взывая,
хрипит он.
В Башне по имени Ужас был узник за руки, и ноги,
и шею
С камнем повенчан цепями; Змий в душу заполз и запрятался
в сердце,
Света страшась, как в расщелине скальной, — пророчество
стало Пророку
Вечным проклятьем. А в Башне по имени Тьма был одет
кандалами
(Звенья ковались все мельче, ведь плоть уступала железу —
и жало
Голую кость) королевич Железная Маска — Лев Вечный
в неволе.

In the tower namèd Bloody, a skeleton yellow remainèd in its chains
 on its couch
 Of stone, once a man who refus'd to sign papers of abhorrence;
 the eternal worm
 Crept in the skeleton. In the den nam'd Religion, a loathsome sick
 woman bound down
 To a bed of straw; the seven diseases of earth, like birds of prey,
 stood on the couch
 And fed on the body: she refus'd to be whore to the Minister, and
 with a knife smote him.
 In the tower nam'd Order, an old man, whose white beard cover'd
 the stone floor like weeds
 On margin of the sea, shrivell'd up by heat of day and cold of night;
 his den was short
 And narrow as a grave dug for a child, with spiders' webs wove,
 and with slime
 Of ancient horrors cover'd, for snakes and scorpions are his
 companions; harmless they breathe
 His sorrowful breath: he, by conscience urg'd, in the city of Paris
 rais'd a pulpit,
 And taught wonders to darken'd souls. In the den nam'd Destiny
 a strong man sat,
 His feet and hands cut off, and his eyes blinded; round his middle a
 chain and a band
 Fasten'd into the wall; fancy gave him to see an image of despair
 in his den,
 Eternally rushing round, like a man on his hands and knees, day
 and night without rest:
 He was friend to the favourite. In the seventh tower, nam'd the tower
 of God, was a man
 Mad, with chains loose, which he dragg'd up and down; fed with
 hopes year by year, he pinèd
 For liberty.—Vain hopes! his reason decay'd, and the world of
 attraction in his bosom

В Башне по имени Зверство скелет, отягченный цепями,
 простерся,
 Дожелта выгрызен Вечным Червем за отказ оправдать
 преступленья.
 В Башне по имени Церковь невинности мстили, которая
 скверне
 Не покорилась: ножом пресекла растлевающий натиск
 прелата, —
 Ныне, как хищные птицы, терзали ей тело
 Семь Пыток Геенны.
 В Башне по имени Правопорядок в нору с детский гроб втиснут
 старец.
 Вся заросла, как лианами мелкое море, седой бороною
 Камера, где в хлад ночной и в дневную жару слизь
 давнишнего страха
 Считывал он со стены в письменах паутины — сосед
 скорпионов,
 Змей и червей, равнодушно вдыхавших мученьем загаженный
 воздух:
 Он по велению совести с кафедры в граде Париже
 померкшим
 Душам вещал чудеса. Заточен был силач, палачом
 ослепленный,
 В Башне по имени Рок — отсекли ему руки и ноги, сковали
 Цепью, ниспущенной сверху, середку,— и только провидческой
 силой
 Он ощущал, что отчаянье — рядом, отчаянье ползает вечно,
 Как человек — на локтях и коленях... А был — фаворит
 фаворита.
 Ну, а в седьмой, самой мерзостной, Башне, которая названа
 Божьей,
 Плоть о железа содрав, год за годом метался по кругу
 безумец,
 Тщетно к Свободе взывая — на том он ума и лишился, —
 и глухо

Centred, and the rushing of chaos overwhelm'd his dark soul: he
 was confin'd
 For a letter of advice to a King, and his ravings in winds are heard
 over Versailles.

But the dens shook and trembled: the prisoners look up and assay
 to shout; they listen,
 Then laugh in the dismal den, then are silent; and a light walks
 round the dark towers.
 For the Commons convene in the Hall of the Nation; like spirits of
 fire in the beautiful
 Porches of the Sun, to plant beauty in the desert craving abyss,
 they gleam
 On the anxious city: all children new-born first behold them, tears
 are fled,
 And they nestle in earth-breathing bosoms. So the city of Paris, their
 wives and children,
 Look up to the morning Senate, and visions of sorrow leave pensive
 streets.

But heavy-brow'd jealousies lour o'er the Louvre; and terrors of
 ancient Kings
 Descend from the gloom and wander thro' the palace, and weep
 round the King and his Nobles;
 While loud thunders roll, troubling the dead. Kings are sick
 throughout all the earth!
 The voice ceas'd: the Nation sat; and the triple forg'd fetters of
 times were unloos'd.
 The voice ceas'd: the Nation sat; but ancient darkness and trembling
 wander thro' the palace.

As in day of havoc and routed battle, among thick shades of
 discontent,
 On the soul-skirting mountains of sorrow cold waving, the Nobles
 fold round the King;

Волны Безумья и Хаоса бились о берег души;
был виновен
Он в оскорбленье величества, памятном в Лувре и слышном
в Версале.

Дрогнули стены темниц, и из трещин слышались пробные
клича.
Смокли. Послышался смех. Смолк и он. Начал свет полыхать
возле башен.
Ибо плебеи уже собрались в Зале Наций: горячие искры
С факела солнца в пустыню несут красоты животворное
пламя,
В город мятущийся. Отблески ловят младенцы и плакать
кончают
На материнской, с Землей самой схожей, груди. И повсюду
в Париже
Прежние стоны стихают. Ведь мысль о Собрание несчастным
довлеет,
Чтобы изгнать прочь из дум, с улиц прочь роковые кошмары
Былого.

Но под тяжелой завесой скрыт Лувр: и коварный Король,
и клеветы;
Древние страхи властителей входят сюда, и толпятся,
и плачут.
В час, когда громом тревожит гробы, Королей всей земли
лихорадит.
К туче воззвала страна — алчет воли,— и цепи тройные
ниспали.
К туче воззвала страна — алчет воли,— тьма древняя бродит
по Лувру,

Словно во дни разорений, проигранных битв и позора,
толпятся
Жирные тени, отчаяньем смытые дюны, вокруг государя;

Each stern visage lock'd up as with strong bands of iron, each strong
 limb bound down as with marble,
 In flames of red wrath burning, bound in astonishment a quarter
 of an hour.

Then the King glow'd: his Nobles fold round, like the sun of old
 time quench'd in clouds;
 In their darkness the King stood; his heart flam'd, and utter'd a
 with'ring heat, and these words burst forth:

'The nerves of five thousand years' ancestry tremble, shaking the
 heavens of France;
 Throbs of anguish beat on brazen war foreheads; they descend and
 look into their graves.
 I see thro' darkness, thro' clouds rolling round me, the spirits of
 ancient Kings
 Shivering over their bleached bones; round them their counsellors
 look up from the dust,
 Crying: "Hide from the living! Our bonds and our prisoners shout
 in the open field.
 Hide in the nether earth! Hide in the bones! Sit obscured in the
 hollow scull!
 Our flesh is corrupted, and we wear away. We are not numberèd
 among the living. Let us hide
 In stones, among roots of trees. The prisoners have burst their
 dens.
 Let us hide! let us hide in the dust! and plague and wrath and tempest
 shall cease."

He ceas'd, silent pond'ring; his brows folded heavy, his forehead
 was in affliction.
 Like the central fire from the window he saw his vast armies spread
 over the hills,
 Breathing red fires from man to man, and from horse to horse: then
 his bosom

Страх отпечатан железом на лицах, отдавлены мрамором
руки,
В пламени красного гнева и в недоумении тяжком
безмолвны.

Вспыхнул Король, но, как черные тучи, толпой приближенные
встали,
Тьмою окутав светило, но брызнул огонь венценосного
сердца.
Молвил Король: «Это пять тысяч лет потаенного страха
вернулись
Разом, чтоб перетрясти наше Небо и разворошить
погребенья.
Слышу, сквозь тяжкие тучи несчастья, древних монархов
призывы.
Вижу, они поднимаются в саванах, свита встает вслед
за ними.
Стонут: беги от бесчинства живущих! все узники вырвались
наши.
В землю заройся! Запрячься в скелет! Заберись
в запечатанный череп!
Мы поистлели. Нас нет. Мы не значимся в списках живущих.
Спешите к нам
В камни и корни деревьев затаиться. Ведь узники
вырвались ныне.
К нам поспешите, к нам во прах — гнев, болезнь, и безумье,
и буря минуют!»

Молвил, и смолк, и чело почернело заботой, насупились
брови, —
А за окном, на холмах, он узрел, загорелось, как факелы,
войско
Против присяги, огонь побежал от солдата к солдату, —
и небом,

Expanded like starry heaven; he sat down: his Nobles took their
ancient seats.

Then the ancientest Peer, Duke of Burgundy, rose from the Monarch's
right hand, red as wines
From his mountains; an odour of war, like a ripe vineyard, rose
from his garments,
And the chamber became as a clouded sky; o'er the Council he
stretch'd his red limbs
Cloth'd in flames of crimson; as a ripe vineyard stretches over
sheaves of corn,
The fierce Duke hung over the Council; around him crowd, weeping
in his burning robe,
A bright cloud of infant souls: his words fall like purple autumn
on the sheaves:

'Shall this marble-built heaven become a clay cottage, this earth an
oak stool, and these mowers
From the Atlantic mountains mow down all this great starry harvest
of six thousand years?
And shall Necker, the hind of Geneva, stretch out his crook'd sickle
o'er fertile France,
Till our purple and crimson is faded to russet, and the kingdoms of
earth bound in sheaves,
And the ancient forests of chivalry hewn, and the joys of the combat
burnt for fuel;
Till the power and dominion is rent from the pole, sword and sceptre
from sun and moon,
The law and gospel from fire and air, and eternal reason and
science
From the deep and the solid, and man lay his faded head down
on the rock
Of eternity, where the eternal lion and eagle remain to devour?
This to prevent, urg'd by cries in day, and prophetic dreams
hovering in night,

Туго натянутым, грудь его стала; он сел; сели
древние пэры.

Старший из них, Дюк Бургундский, поднялся тогда одесную
владыки,
Красен лицом, как вино из его вертограда;
пахнуло войною
Из его красных одежд, он воздел свою страшную
красную руку,
Страшную кровь возвещая, и, как вертоград над снопами
пшеницы,
Воля кровавая Дюка нависла над бледным бессильным
Советом, —
Кучка детей, тучка светлая слезы лила в пламень мантии
красной, —
Речь его, словно пурпурная Осень на поле пшеницы, упала.

«Станет ли, — молвил он, — мраморный Неба чертог
глинобитной землянкой,
Грубой скамьею — Земля? Жатву в шесть тысяч лет
соберут ли мужланы?
В силах ли Неккер, женевский простак, своим жалким серпом
замахнуться
На плодородную Францию и династический пурпур, связуя
Царства земные в снопы, древний Рыцарства лес вырубая
под корень,
Радость сраженья — врагу, власть — судьбе, меч и скипетр
отдавая созвездьям,
Веру и право огню предавая, веками испытанный разум
В глуби земли хороня и людей оставляя нагими
на скалах
Вечности, где Вечный Лев и Орел ненасытно терзают
добычу?
Что же вы сделали, пэры, чтоб слезы и вещи сны
обманули,

To enrich the lean earth that craves, furrow'd with ploughs, whose
 seed is departing from her,
 Thy Nobles have gather'd thy starry hosts round this
 rebellious city,
 To rouse up the ancient forests of Europe, with clarions of
 cloud-breathing war,
 To hear the horse neigh to the drum and trumpet, and the trumpet
 and war shout reply.
 Stretch the hand that beckons the eagles of heaven: they cry over
 Paris, and wait
 Till Fayette point his finger to Versailles—the eagles of heaven must
 have their prey!

He ceas'd, and burn'd silent: red clouds roll round Necker; a
 weeping is heard o'er the palace.
 Like a dark cloud Necker paus'd, and like thunder on the just man's
 burial day he paus'd.
 Silent sit the winds, silent the meadows; while the husbandman and
 woman of weakness
 And bright children look after him into the grave, and water his
 clay with love,
 Then turn towards pensive fields: so Necker paus'd, and his visage
 was cover'd with clouds.

The King lean'd on his mountains; then lifted his head and look'd
 on his armies, that shone
 Thro' heaven, tinging morning with beams of blood; then turning to
 Burgundy, troubled:—
 'Burgundy, thou wast born a lion! My soul is o'ergrown with
 distress
 For the Nobles of France, and dark mists roll round me and blot
 the writing of God
 Written in my bosom. Necker rise! leave the kingdom, thy life is
 surrounded with snares.

Чтобы противу земли не восстал ее вечный посев сорным
цветом?

Что же предприняли в час, когда город мятежный
уже окружили

Звездные духи? Ваш древний воинственный клич пробудил ли
Европу?

Кони заржали ль при возгласах труб? Потянулись к оружию ль
руки?

В небе парижском кружатся орлы, ожидая победного
знака, —

Так назови им добычу, Король, — укажи на Версаль
Лафайету!»

Смолк, пламенея в молчанье. Кровавым туманом подернутый
Неккер

(Крики и брань за окном) промолчал, но как гром над
гробами молчанье.

Молча лежали луга, молча стояли ветра, и двое
молчащих —

Пахарь и женщина в слабости — труп его слов обмывали
любовью,

Дети глядели в могилу — так Неккер молчал, так лицо прятал
в тучу.

Встал, опираясь на горы, Король и взглянул на великое
войско,

В небе затмившее кровью сверканье заката, и молвил
Бургундцу:

«Истинный Лев есети! Ты один утешенье в великой
кручине,

Ибо французская знать уж не верит в меня, письменна
Валтасара

В сердце моем прочитав. Неккер, прочь! Ты — ловец, ставший
ныне добычей.

We have call'd an Assembly, but not to destroy; we have given gifts,
 not to the weak;
 I hear rushing of muskets and bright'ning of swords; and visages,
 redd'ning with war,
 Frowning and looking up from brooding villages and every dark'ning
 city.
 Ancient wonders frown over the kingdom, and cries of women and
 babes are heard,
 And tempests of doubt roll around me, and fierce sorrows, because
 of the Nobles of France.
 Depart! answer not! for the tempest must fall, as in years that are
 passèd away.'

Dropping a tear the old man his place left, and when he was
 gone out
 He set his face toward Geneva to flee; and the women and children
 of the city
 Kneel'd round him and kissèd his garments and wept: he stood a
 short space in the street,
 Then fled; and the whole city knew he was fled to Geneva, and
 the Senate heard it.

But the Nobles burn'd wrathful at Necker's departure, and wreath'd
 their clouds and waters
 In dismal volumes; as, risen from beneath, the Archbishop of Paris
 arose
 In the rushing of scales, and hissing of flames, and rolling of
 sulphurous smoke:—

'Hearken, Monarch of France, to the terrors of heaven, and let thy
 soul drink of my counsel!
 Sleeping at midnight in my golden tower, the repose of the labours
 of men
 Wav'd its solemn cloud over my head. I awoke; a cold hand passèd
 over my limbs, and behold!

Не для глумленья над нами созвали мы Штаты.
Не на поруганье
Роздали наши дары. Слышу: точат мечи, слышу: ладят
мушкеты,
Вижу: глаза наливаются кровью решимости в градах
и весях,
Древних чудес над страной опечалены взоры,
рыдают повсюду
Дети и женщины, смерчи сомнений роятся, печаль
огневает,
В рыцарях — робость. Молчи и прощай! Смерчи стихнут,
как древле стихали!»
С тем он умолк, пламенея, — на Неккера красные тучи
наплыли.
Плача, Старик поспешил удалиться в тоске по родимой
Женева.
Детский и женский звучал ему вслед плач унылый вдоль улиц
парижских.
Но в Зале Наций мгновенно прознали об этом позорном
изгнание.

Все ж не умерился гнев благородных, а тучей вскипел
грозовою.
Громче же всех возопил, проклиная Париж,
его Архиепископ.
В серном дыму он предстал, в клокотанье огней и в кровавой
одежде.

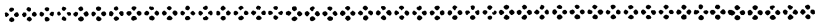
«Слышишь, Людовик, угрозы Небес! Так испей, пока есть еще
время,
Мудрости нашей! Я спал в башне золотой, но деяния злые
черни
Тучей нависли над сном — я проснулся — меня разбудило
виденье:

An agèd form, white as snow, hov'ring in mist, weeping in the
uncertain light.
Dim the form almost faded, tears fell down the shady cheeks: at
his feet many cloth'd
In white robes, strewn in air censers and harps, silent they lay
prostrated;
Beneath, in the awful void, myriads descending and weeping thro'
dismal winds;
Endless the shady train shiv'ring desdended, from the gloom where
the agèd form wept.
At length, trembling, the vision sighing, in a low voice like the
voice of the grasshopper, whisper'd:
"My groaning is heard in the abbeys, and God, so long worshipp'd,
departs as a lamp
Without oil; for a curse is heard hoarse thro' the land, from a
godless race
Descending to beasts; they look downward, and labour, and forget
my holy law;
The sound of prayer fails from lips of flesh, and the holy hymn
from thicken'd tongues;
For the bars of Chaos are burst; her millions prepare their fiery
way
Thro' the orbèd abode of the holy dead, to root up and pull down
and remove,
And Nobles and Clergy shall fail from before me, and my cloud and
vision be no more;
The mitre become black, the crown vanish, and the sceptre and
ivory staff
Of the ruler wither among bones of death; they shall consume from
the thistly field,
And the sound of the bell, and voice of the sabbath, and singing of
the holy choir
Is turn'd into songs of the harlot in day, and cries of the virgin in
night.

Холоднорукое, дряхлое, снега белее, трясясь
 и мерцая,
 Тая туманом промозглым и слезы роняя на чахлые щеки,
 Призраки мельче у ног его в саванах крошечных роєм
 мелькали,
 Арфу держали в молчанье одни, и махали кадилом
 другие;
 Третьи лежали мертвы, мириады четвертых
 вдали голосили.
 Взором окинув сию вереницу позора, рек
 старший из духов
 Голосом резче и тише кузнечика: «Плач мой внимают
 в аббатствах,
 Ибо Господь, почитавшийся встарь, стал отныне лампадой
 без масла,
 Ибо проклятье гремит над страную, которую племя
 безбожных
 Нынче терзает, как хищники, взоры тупя, и трудясь,
 и отвергнув
 Святость законов моих, языком забывая звучанье
 молитвы,
 Сплюнув Осанну из уст. Двери Хаоса треснули, тьмы
 неподобных
 Вырвались вихрем огня — и священные гробы
 позорно разверсты,
 Знать омертвела, и Церковь падет вслед за нею, и станет
 пустыня:
 Черною — митра, и мертвой — корона, а скипетр и царственный
 посох
 С грудой костей государевых вкупе истлеют в час
 уничтоженья;
 Звон колокольный, и голос субботы, и пение ангельских
 сонмов
 Днем — пьяной песней распутниц, а ночью — невинности
 воплями станет;

They shall drop at the plough and faint at the harrow, unredeem'd,
 unconfess'd, unpardon'd;
 The priest rot in his surplice by the lawless lover, the holy beside the
 accursèd,
 The King, frowning in purple, beside the grey ploughman, and their
 worms embrace together."

The voice ceas'd: a groan shook my chamber. I slept, for the cloud
 of repose returnèd;
 But morning dawn'd heavy upon me. I rose to bring my Prince
 heaven-utter'd counsel.

Hear my counsel, O King! and send forth thy Generals; the command
 of Heaven is upon thee!

Then do thou command, O King! to shut up this Assembly in their
 final home;

Let thy soldiers possess this city of rebels, that threaten to bathe
 their feet

In the blood of Nobility, trampling the heart and the head; let the
 Bastille devour

These rebellious seditious; seal them up, O Anointed! in everlasting
 chains.'

He sat down: a damp cold pervaded the Nobles, and monsters of
 worlds unknown

Swam round them, watching to be deliverèd—when Aumont, whose
 chaos-born soul

Eternally wand'ring, a comet and swift-falling fire, pale enter'd the
 chamber.

Before the red Council he stood, like a man that returns from hollow
 graves:—

'Awe-surrounded, alone thro' the army, a fear and a with'ring blight
 blown by the north,

The Abbé de Sieyes from the Nation's Assembly, O Princes and
 Generals of France,

Выронят плуг, и падут в борозду — нечестны, непростимы,
неблагы,

Мытарь развратный заменит во храме жреца;
тот, кто проклят, — святого;

Нищий и Царь лягут рядом, и черви, их гложа, сплетутся
в объятье!»

Так молвил призрак — и гром сотрясал мою келью. Но тучей
покою

Сон снизошел на меня. А с утра я узрел поруганье державы
И, содрогаясь, пошел к государю с отеческим Неба советом.
Слушай меня, о Король, и вели своим маршалам — в дело!

Господне

Слушай решенье: спеши сокрушить в их последнем прибежище
Штаты,

Дай солдатне овладеть этим градом мятежным, где кровью
дворянства

Ноги решили омыть, растоптав ему грудь и чело;
пусть поглотит

Этих безумцев Бастилия, Миропомазанник, вечною тьмою!»

Молвил и сел — и холодная дрожь охватила вельмож,
и очнулись

Монстры безвестных миров, ожидая, когда их спасут
и окликнут;

Встал дюк Омон, чья душа, как комета, не ведая цели,
ни сроков,

В мире носилась хабсорожденной, неся поруганье и гибель, —
Как из могилы восстав, он предстал в этот миг пред кровавым
Советом:

«Брошены армией, преданы нацией, мечены скорою смертью,
Слушайте, пэры, и слушай, прелат, и внемли, о Король!

Из могилы

Вырвался призрак Наваррца, разбужен аббатом Сийесом
из Штатов.

Там, где проходит, спеша во дворец, все немеют и чувствуют
ужас,

Unquestionèd, unhinderèd! Awe-struck are the soldiers; a dark
 shadowy man in the form
 Of King Henry the Fourth walks before him in fires; the captains
 like men bound in chains
 Stood still as he pass'd: he is come to the Louvre, O King, with a
 message to thee!
 The strong soldiers tremble, the horses their manes bow, and the
 guards of thy palace are fled!

Uprose awful in his majestic beams Bourbon's strong Duke; his
 proud sword, from his thigh
 Drawn, he threw on the earth: the Duke of Bretagne and the Earl
 of Bourgoigne
 Rose inflam'd, to and fro in the chamber; like thunder-clouds ready
 to burst.

'What damp all our fires, O spectre of Henry!' said Bourbon, 'and
 rend the flames
 From the head of our King? Rise, Monarch of France! command me,
 and I will lead
 This army of superstition at large, that the ardour of noble souls,
 quenchless,
 May yet burn in France, nor our shoulders be plough'd with the
 furrows of poverty.'

Then Orleans, generous as mountains, arose and unfolded his robe,
 and put forth
 His benevolent hand, looking on the Archbishops, who changèd as
 pale as lead,
 Would have risen but could not: his voice issuèd harsh grating;
 instead of words harsh hissings
 Shook the chamber; he ceas'd abash'd. Then Orleans spoke; all was
 silent.
 He breath'd on them, and said: 'O Princes of fire, whose flames are
 for growth, not consuming,

Зная о том, для чего он могилу покинул
 до Судного часа.
 Бесятся кони, трепещут герои, дворцовая
 стража бежала!»

Тут поднялся самый сильный и смелый из отпрысков крови
 Бурбонской,
 Герцог Бретанский и герцог Бургонский, мечом потрясая
 отцовским,
 Пламенносущий и громом готовый, как черная туча,
 взорваться:
 «Генрих! как пламя отвести от главы государя? Как пламенем
 выжечь
 Корни восстанья? Вели — и возглавлю я воинство
 предубежденья,
 Дабы дворянского гнева огонь полыхал над страную
 великой,
 Дабы никто не посмел положить благородные выи
 под лемех».

Дюк Орлеанский воздвигся, как горные кряжи, могуч
 и громаден,
 Глядя на Архиепископа — тот стал белее свинца,—
 попытался
 Встать, да не смог, закричал — вышло сипом, слова
 превратились в шипенье,
 Дрогнул — и дрогнула зала, — и замер, — и заговорил
 Орлеанец:
 «Мудрые пэры, владыки огня, не задуть, а раздуть его
 должно!
 Снов и видений не бойтесь — ночные печали проходят
 с рассветом!

Fear not dreams, fear not visions, nor be you dismay'd with sorrows
 which flee at the morning!
 Can the fires of Nobility ever be quench'd, or the stars by a
 stormy night?
 Is the body diseas'd when the members are healthful? can the man
 be bound in sorrow
 Whose ev'ry function is fill'd with its fiery desire? can the soul,
 whose brain and heart
 Cast their rivers in equal tides thro' the great Paradise, languish
 because the feet,
 Hands, head, bosom, and parts of love follow their high
 breathing joy?
 And can Nobles be bound when the people are free, or God weep
 when his children are happy?
 Have you never seen Fayette's forehead, or Mirabeau's eyes, or the
 shoulders of Target,
 Or Bailly the strong foot of France, or Clermont the terrible voice,
 and your robes
 Still retain their own crimson?— Mine never yet faded, for fire
 delights in its form!
 But go, merciless man, enter into the infinite labyrinth of another's
 brain
 Ere thou measure the circle that he shall run. Go, thou cold recluse,
 into the fires
 Of another's high flaming rich bosom, and return unconsum'd, and
 write laws.
 If thou canst not do this, doubt thy theories, learn to consider all
 men as thy equals,
 Thy brethren, and not as thy foot or thy hand, unless thou first
 fearest to hurt them.'

The Monarch stood up; the strong Duke his sword to its golden
 scabbard return'd;
 The Nobles sat round like clouds on the mountains, when the storm
 is passing away:—

Буря ль полночная — звездам угроза? Мужланы ли — пламени
знати?
Тело ль больно, когда все его члены здоровы? Унынью ли
время,
Если желания жгучие обуревают? Душе ли томиться, —
Сердце которой и мозг в две реки равномерно струятся
по Раю, —
Лишь оттого, что конечности, грудь, голова и причинное
место
Огненным счастьем объаты? Так может ли стать угнетенным
дворянство,
Если свободен народ? Иль восплачет Господь, если счастливы
люди?
Или презреем мы взор Мирабо и решительный вид
Лафайета,
Плечи Тарже, и осанку Байи, и Клермона отчаянный голос,
Не поступившись величием? Что, кроме как пламя,
отрадно петарде?
Нет, о Бездушный! Сперва лабиринтом пройди бесконечным
чужого
Мозга, потом уж пророчествуй. В гордое пламя,
холодный затворник,
Сердца чужого войди, — не сгори, — а потом уж толкуй
о законах.
Если не сможешь — отринь свой завет и начни привыкать
постепенно
Думать о них, как о равных, — о братьях твоих, а не членах
телесных,
Власти сознания покорных. И прежде всего научись
их не ранить».

С места поднялся Король; меч в златые ножны возвратил
Орлеанец.
Знать колыхалась, как туча над кряжем, когда порассеется
буря.

'Let the Nation's Ambassador come among Nobles, like incense of
the valley!'

Aumont went out and stood in the hollow porch, his ivory wand
in his hand;
A cold orb of disdain revolv'd round him, and coverèd his soul
with snows eternal.
Great Henry's soul shudderèd, a whirlwind and fire tore furious
from his angry bosom;
He indignant departed on horses of heav'n. Then the Abbé de
Sieyes rais'd his feet
On the steps of the Louvre; like a voice of God following a storm,
the Abbé follow'd
The pale fires of Aumont into the chamber; as a father that bows
to his son,
Whose rich fields inheriting spread their old glory, so the voice
of the people bowèd
Before the ancient seat of the kingdóm and mountains to be
renewèd.

'Hear, O heavens of France! the voice of the people, arising from
valley and hill,
O'erclouded with power. Hear the voice of valleys, the voice of
meek cities,
Mourning oppressèd on village and field, till the village and field
is a waste.
For the husbandman weeps at blights of the fife, and blasting of
trumpets consume
The souls of mild France; the pale mother nourishes her child to
the deadly slaughter.
When the heavens were seal'd with a stone, and the terrible sun
clos'd in an orb, and the moon
Rent from the nations, and each star appointed for watchers of
night,

«Выслушать нужно посланца толпы. Свежесть мыслей нам будет как ладан!»

В нише пустой встал Омон и потряс своим посохом кости
слоновой;

Злость и презренье вились вокруг него, словно тучи
вкруг гор, застилая

Вечными снегами душу. И Генрих, исторгнув из сердца
пламень,

Гневно хлестнул исполинских небесных коней и покинул
собрание.

В залу аббат де-Сийес поднялся по дворцовым ступеням —
и сразу,

Как вслед за громом и молнией голос гневливый грядет
Иеговы,

Бледный Омона огонь претворил в сатанинское пламя
священник;

Словно отец, увещающий вздорного сына, стубившего
ниву,

Он обратился к Престолу и древним горам,
упреждая брожение.

«Небо Отчизны, внемли гласу тех, кто взывает с холмов
и из долов,

Застланы тучами силы. Внемли поселянам,
внемли горожанам.

Грады и веси восстали, дабы уничтожить и грады,
и веси.

Пахарь при звуках рожка зарыдал, ибо в пенье небесной
фанфары —

Смерть кроткой Франции; мать свое чадо растит
для убийственной бойни.

Зрю, небеса запечатаны камнем и солнце
на страшной орбите,

Зрю загашенной луну и померкшими вечные звезды
над миром,

Their once savage loves, now beaming with knowledge, with gentle
awe adornèd;

And the saw, and the hammer, the chisel, the pencil, the pen,
and the instruments

Of heavenly song sound in the wilds once forbidden, to teach
the laborious ploughman

And shepherd, deliver'd from clouds of war, from pestilence,
from night-fear, from murder,

From filling, from stifling, from hunger, from cold,
from slander, discontent and sloth,

That walk in beasts and birds of night, driven back by the sandy
desert,

Like pestilent fogs round cities of men; and the happy earth sing
in its course,

The mild peaceable nations be openèd to heav'n, and men walk
with their fathers in bliss."

Then hear the first voice of the morning: "Depart, O clouds
of night, and no more

Return; be withdrawn cloudy war, troops of warriors depart,
nor around our peaceable city

Breathe fires; but ten miles from Paris let all be peace,
nor a soldier be seen!"

He ended: the wind of contention arose, and the clouds cast their
shadows; the Princes

Like the mountains of France, whose agèd trees utter an awful
voice, and their branches

Are shatter'd; till gradual a murmur is heard descending into
the valley,

Like a voice in the vineyards of Burgundy when grapes are shaken
on grass,

Like the low voice of the labouring man, instead of the shout
of joy;

And the palace appear'd like a cloud driven abroad; blood ran down
the ancient pillars.

Раньше дикарская, стала их страсть, светом знания лучась,
 благородной;
Молот, резец и соха, карандаш, и бумага, и звонкая
 флейта
Ныне звучат невозбранно повсюду и честного пахаря
 учат
И пастуха — двух спасенных от тучи военной,
 чумы и разбоя,
Страхов ночных, удушения, голода, холода,
 лжи и досады,
Зверю и птице ночной вечно свойственных — и отлетевших
 отныне
Вихрем чумным от жилища людей. И земля на счастливой
 орбите
Мирные нации просит к блаженству призвать, как их предков,
 у Неба».
Вслед за священником Утро само воззовет:
 «Да рассеются тучи!
Тучи, чреватые громом войны и пожаром убийств
 и насилий!
Да не останется доле во Франции ни одного
 ратоборца!»

Кончил — и ветер раздора по Зале пронесся, и тучи
 сгустились;
Были вельможи, как горы, как горные чащи, трясомые
 вихрем;
И, незаметно в шатанье дерев, в треске сучьев, рос шепот
 в долине
Или же шорох — как будто срывались в траву виноградные
 гроздьи,
Или же голос — натруженный крик землепашца, не возглас
 восторга.
Туче, чреватой огнем, уподобился Лувр, заструилась
 по древним

Thro' the cloud a deep thunder, the Duke of Burgundy, delivers
the King's command:—

'Seest thou yonder dark castle, that moated around, keeps this
city of Paris in awe?
Go, command yonder tower, saying: "Bastille, depart! and take
thy shadowy course;
Overstep the dark river, thou terrible tower, and get thee up
into the country ten miles.
And thou black southern prison, move along the dusky road to
Versailles; there
Frown on the gardens"—and, if it obey and depart, then the
King will disband
This war-breathing army; but, if it refuse, let the Nation's
Assembly thence learn
That this army of terrors, that prison of horrors, are the bands
of the murmuring kingdom.'

Like the morning star arising above the black waves, when
a shipwreck'd soul sighs for morning,
Thro' the ranks, silent, walk'd the Ambassador back to the Nation's
Assembly, and told
The unwelcome message. Silent they heard; then a thunder roll'd
round loud and louder;
Like pillars of ancient halls and ruins of times remote,
they sat.
Like a voice from the dim pillars Mirabeau rose; the thunders
subsided away;
A rushing of wings around him was heard as he brighten'd,
and cried out aloud:
'Where is the General of the Nation?' The walls re-echo'd:
'Where is the General of the Nation?'

Sudden as the bullet wrapp'd in his fire, when brazen cannons
· rage in the field,

Мраморам алая кровь; Дюк Бургундский дождался монаршего слова:

«Видишь тот замок над рвом, что внушает Парижу опаску?

Скомандуй

Этой громаде: «Бастилия пала! Сошел замок призрачный с места,

Тронулся в путь, через реку шагнул, отошел от Парижа на десять

Миль. Твой черед, неприступная Южная крепость. Направься к Версалю,

Хмуρο взгляни в те сады!» И коль выполнит это она, мы распустим

Армию нашу, что дышит войной, а коль нет —мы внушим Ассамблее:

Армия страхов и тюрьмы мучений суть цепи стране возроптавшей».

Словно звезда, возвещая рассвет потерпевшим кораблекрушение,

Молча направился горестный вестник пред Национальным собранием

С горестной вестью предстать. Молча слушали. Молча, но громкие громы

Громче и громче гремели. Обломки колонн, прах времен — так молчали.

Словно из древних руин, к ним воззвал Мирабо — громы стихли мгновенно,

Хлопанье крыл было вокруг его крика: «Услышать хотим Лафайета!».

Стены откликнулись эхом: «Услышать хотим Лафайета!».

И в пламя, —

Молниеносно, как пуля, что взвизгнула в знак объявления боя, —

Fayette sprung from his seat saying 'Ready!' Then bowing like
 clouds, man toward man, the Assembly
 Like a Council of Ardours seated in clouds, bending over
 the cities of men,
 And over the armies of strife, where their children are
 marshall'd together to battle,
 They murmuring divide; while the wind sleeps beneath,
 and the numbers are counted in silence,
 While they vote the removal of War, and the pestilence weighs
 his red wings in the sky.

So Fayette stood silent among the Assembly, and the votes were
 given, and the numbers numb'red;
 And the vote was that Fayette should order the army to remove
 ten miles from Paris.

The agèd Sun rises appall'd from dark mountains, and gleams
 a dusky beam
 On Fayette; but on the whole army a shadow, for a cloud
 on the eastern hills
 Hover'd, and stretch'd across the city, and across the army,
 and across the Louvre.
 Like a flame of fire he stood before dark ranks, and before
 expecting captains:
 On pestilent vapours around him flow frequent spectres
 of religious men, weeping
 In winds; driven out of the abbeys, their naked souls shiver
 in keen open air;
 Driven out by the fiery cloud of Voltaire, and thund'rous rocks
 of Rousseau,
 They dash like foam against the ridges of the army, uttering
 a faint feeble cry.

Gleams of fire streak the heavens, and of sulphur the earth,
 from Fayette as he lifted his hand;

С места сорвавшись, «Пора!» закричал Лафайет.
И Собрание
В тучах застыло безмолвно, колчан, полный молний,
над градами жизни.
Градами жизни и ратями схватки, где дети их шли друг
на друга;
Голосовали, шепчась, — вихрь у ног, — голоса подсчитали
в молчанье,
И отказали войне, и Чума краснокрылая в небо
метнулась.

Молча пред ними стоял Лафайет, ожидая исхода их тяжбы, —
И приказали войскам отойти за черту в десять миль
от Парижа.

Старое солнце, садясь за горой, озарило лучом
Лафайета,
Но в глубочайшей тени было войско: с восточных холмов
наплывала
И простиралась над городом, армией, Лувром
гигантская туча.
Пламени светлою долей стоял он над пламени
темною долей;
Там бесновались ряды депутатов и ждали решенья солдаты,
Плача, чумной вереницей струились виденья приверженцев
веры —
Голые души, из черных аббатств вырываясь бесстыдно
на божий
Свет, где кровавая туча Вольтера и грозные скалы
Жан-Жака
Мир затеняли, они разбивались, как волны,
о выступы войска.
Небо зарделось огнем, и земля серным дымом сокрылась
от взора,

But silent he stood, till all the officers rush round him like
 waves
 Round the shore of France, in day of the British flag, when
 heavy cannons
 Affright the coasts, and the peasant looks over the sea
 and wipes a tear:
 Over his head the soul of Voltaire shone fiery; and over the army
 Rousseau his white cloud
 Unfolded, on souls of war, living terrors, silent list'ning
 toward Fayette.
 His voice loud inspir'd by liberty, and by spirits of the dead,
 thus thunder'd:—

'The Nation's Assembly command that the Army remove ten miles
 from Paris;
 Nor a soldier be seen in road or in field, till the Nation
 command return.'

Rushing along iron ranks glittering, the officers each to his
 station
 Depart, and the stern captain strokes his proud steed, and
 in front of his solid ranks
 Waits the sound of trumpet; captains of foot stand each by his
 cloudy drum:
 Then the drum beats, and the steely ranks move, and trumpets
 rejoice in the sky.
 Dark cavalry, like clouds fraught with thunder, ascend on the
 hills, and bright infantry, rank
 Behind rank, to the soul-shaking drum and shrill fife, along
 the roads glitter like fire.

The noise of trampling, the wind of trumpets, smote the Palace
 walls with a blast.
 Pale and cold sat the King in midst of his Peers, and his noble
 heart sunk, and his pulses

Ибо восстал Лафайет, но в молчанье по-прежнему,
а офицеры
Бились в него, разбиваясь, как волны о Франции мысы
в годину
Битвы с Британией, крови и взора крестьянской слезы
через море.
Ибо над ним воспарял, пламенея, Вольтер, а над войском —
Жан-Жака
Белая туча плыла, и, разбужены, войнорожденные
зверства
Льнули ко грому речей, вдохновленных свободой и мыслью
о мертвых:

«Коль порешили вы в Национальном собрание войскам
удалиться,
Так и поступим. Но ждем от Собрания и Нации новых
приказов!»

Стронулось войско железное с огненным громом и грохотом
с места;
Ждали сигнальной трубы офицеры, вскочили в седло
вестовые;

Близ барабанщиков верных стояли, скорбя,
капитаны пехоты;
Подан был знак, и дорос до небес, и отправилось войско
в дорогу.
Черные всадники — тучи, чреватые громом, — и пестрой
пехоты
Двинулись толпы — при звуках трубы и фанфары, под бой
барабанный.

Топот и грохот, фанфары и трубы качнули дворцовые
стены.
Бледный и жалкий, Король восседал в окруженье испуганных
пэров,

Suspended their motion; a darkness crept over his eyelids,
 and chill cold sweat
 Sat round his brows faded in faint death; his Peers pale like
 mountains of the dead,
 Cover'd with dews of night, groaning, shaking forests and floods.
 The cold newt,
 And snake, and damp toad on the kingly foot crawl, or croak
 on the awful knee,
 Shedding their slime; in folds of the robe the crown'd adder
 builds and hisses
 From stony brows: shaken the forests of France, sick the kings
 of the nations,
 And the bottoms of the world were open'd, and the graves
 of archangels unseal'd:
 The enormous dead lift up their pale fires and look over
 the rocky cliffs.

A faint heat from their fires reviv'd the cold Louvre; the frozen
 blood reflow'd.
 Awful uprose the King; him the Peers follow'd; they saw
 the courts of the Palace
 Forsaken, and Paris without a soldier, silent. For the noise
 was gone up
 And follow'd the army; and the Senate in peace sat beneath
 morning's beam.

END OF THE FIRST BOOK.

Сердце не билось, и кровь не струилась, и тьма опечатала
веки
Черной печатью; предсмертной испариной тело и члены
покрылись;
Пэры вокруг громоздились, как мертвые горы, как мертвые
чащи,
Или как мертвые реки. Тритоны, и жабы, и змеи возились
Возле державных колен и сквозь пальцы державной ноги
подползали,
Ближе к державной гадюке, забравшейся в мантию,
дабы оттуда
С каменным взором шипеть, потрясая французские чащи;
настало
Всеотворенье Всемирного Дна и восстанье архангелов спящих;
Встал исполинский мертвец и раздул надо всеми их бледное
пламя.

Жар его сжег стены Лувра, растаяла мертвая кровь,
заструилась.
В гневе очнулся Король и дремотные пэры, узрев запустенье:
Лувр без единой души, и Париж без солдат и в глубоком
молчанье,
Ибо шум с войском пропал, и Сенат в тишине дожидался
рассвета.

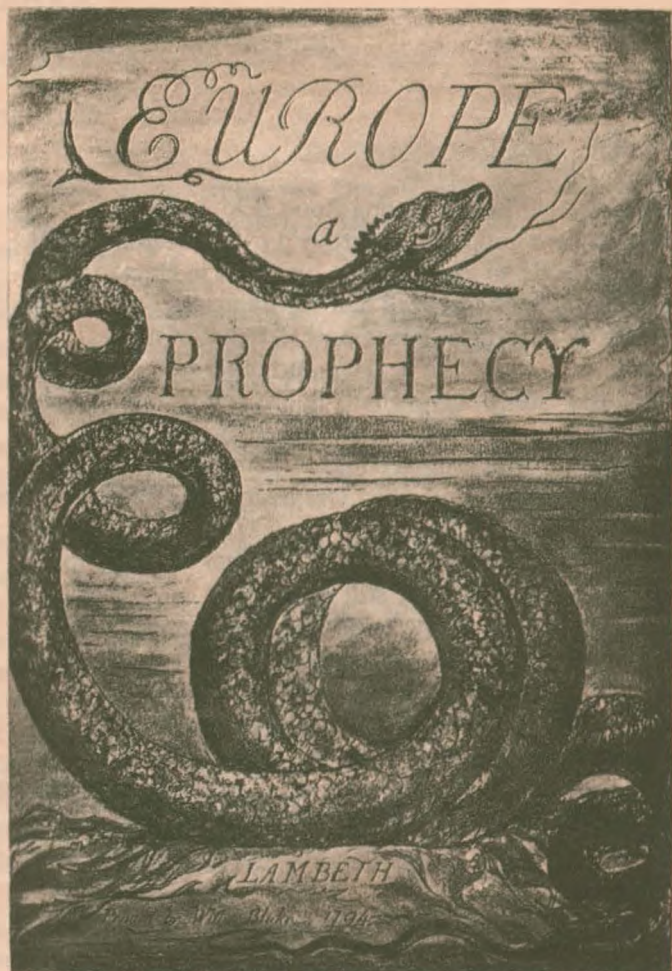
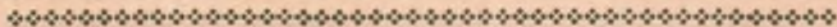
Перевод В. Л. Топорова

AMERICA

PROPHECY

LAMBETH

Printed by William Blake, in the year 1793

AMERICA

A PROPHECY

PRELUDIUM

The shadowy Daughter of Urthona stood before red Orc,
 When fourteen suns had faintly journey'd o'er his dark abode:
 His food she brought in iron baskets, his drink in cups of iron.
 Crown'd with a helmet and dark hair the nameless Female stood;
 A quiver with its burning stores, a bow like that of night,
 When pestilence is shot from heaven—no other arms she need!
 Invulnerable tho' naked, save where clouds roll round her loins
 Their awful folds in the dark air: silent she stood as night;
 For never from her iron tongue could voice or sound arise,
 But dumb till that dread day when Orc assay'd his fierce embrace.

'Dark Virgin,' said the hairy Youth, 'Thy father stern, abhorr'd,
 Rivets my tenfold chains, while still on high my spirit soars;
 Sometimes an eagle screaming in the sky, sometimes a lion
 Stalking upon the mountains, and sometimes a whale, I lash
 The raging fathomless abyss; anon a serpent folding
 Around the pillars of Urthona, and round thy dark limbs
 On the Canadian wilds I fold; feeble my spirit folds;
 For chain'd beneath I rend these caverns: when thou bringest food
 I howl my joy, and my red eyes seek to behold thy face—
 In-vain! these clouds roll to and fro, and hide thee from
 my sight.

Silent as despairing love, and strong as jealousy,
 The hairy shoulders rend the links; free are the wrists of fire;
 Round the terrific loins he seiz'd the panting, struggling womb;
 It joy'd: she put aside her clouds and smilèd her first-born
 smile,
 As when a black cloud shows its lightnings to the silent deep.

АМЕРИКА

ПРОРОЧЕСТВО

ПРЕЛЮДИЯ

Видит Уртоны дочь тенистая Орка в крови.
Носит ему еду четырнадцать пламенных солнц.
Кормит она его: в железном кувшине питье,
В чаше железной яства; косы царевны темны;
Пламенем полн колчан — в руке у нее, под рукой —
Лук окаянной ночи, стрелы смертельны — и все!
Большого ей не надо! Неуязвима она,
Хоть и нагая, — тучи ластятся к чреслам ея;
Тьмою стоит безмолвной, звука не ведал язык;
Пробил постыдный час — жаждет объятия Орк!

«Темная Дева, — рек власатый, — отец твой сковал
Цепи великие телу — но дух мой парит
В небе орлом свободным, рыскает яростным львом
В горных ущельях, мчится мощным китом в глубину.
Волнами всхлестнут, змием вьюсь я к Уртоне
в чертог,

Члены твои нагие лаской дерзаю обвить
В мыслях! Канадских пустынь пленник, я сохну, пленен,
Властны ли цепи Дух мой страсти лишить? Чуть придешь,
Жадно реву, кровавым взором тебя познаю —
Тщетно! Ты, в тучах скрыта, ложа бежишь моего».

Молча, как страсть безумья, грозно, как ревность
миров,

Дикие плечи цепи сбросили — подлинна мощь!
Чудные чресла рознял, к лону, ликуя, припал —
Радостно лоно, пышет жаром, и тучи ушли —
Огненный взор его прожег их молчащую глубь.

Soon as she saw the Terrible Boy, then burst the virgin cry:—

‘I know thee, I have found thee, and I will not let thee go:
 Thou art the image of God who dwells in darkness of Africa,
 And thou art fall’n to give me life in regions of dark death.
 On my American plains I feel the struggling afflictions
 Endur’d by roots that writhe their arms into the nether deep.
 I see a Serpent in Canada who courts me to his love,
 In Mexico an Eagle, and a Lion in Peru;
 I see a Whale in the South Sea, drinking my soul away.
 O what limb-rending pains I feel! thy fire and my frost
 Mingle in howling pains, in furrows by thy lightnings rent.
 This is Eternal Death, and this the torment long foretold!’

The stern Bard ceas’d, asham’d of his own song; enrag’d he swung
 His harp aloft sounding, then dash’d its shining frame against
 A ruin’d pillar in glittering fragments; silent he turn’d away,
 And wander’d down the vales of Kent in sick & dream lamentings.

A PROPHECY

The Guardian Prince of Albion burns in his nightly tent:
 Sullen fires across the Atlantic glow to America’s shore,
 Piercing the souls of warlike men who rise in silent night.
 Washington, Franklin, Paine, and Warren, Gates, Hancock,
 and Green
 Meet on the coast glowing with blood from Albion’s fiery Prince.

Washington spoke: ‘Friends of America! look over the Atlantic sea;
 A bended bow is lifted in Heaven, and a heavy iron chain
 Descends, link by link, from Albion’s cliffs across the sea,
 to bind
 Brothers and sons of America; till our faces pale and yellow,
 Heads depress’d, voices weak, eyes downcast, hands work-bruis’d,

Девственный крик ответил яростной страсти самца:
«Знаю тебя, нашла тебя, никогда не уйду!
Детище божье, жилец Африки вечно ночной,
Пал ты, даруя мне жизнь в темной юдоли смертей!
Ярость я чую, злость, Америки схватку и стон,
Горесть корней, сцепивших руки в подземной борьбе.
Вижу я Змия днесь, в Канаде он слюбит меня!
В Мексике схватит Гриф! И Лев похотливый — в Перу!
Вижу Кита у берега, душу мне выпьет до дна!
О, что за боль! Мой мороз в пламени стаял твоим!
Боль и позор навеки — в бороздах молний твоих!
Вот она, Смерть, настала! Вот он, предсказанный гнев!»

Строгий Певец умолкнул, песни своей устыдясь,
в бешенстве бросил он
Арфу свою навстречу звукам ее — к вершинам,
а затем преломил
Пламенный остов ее о руины колонны и, молча насупясь,
Прочь зашагал в больных и страшных своих печалях
по Кентскому долу.

ПРОРОЧЕСТВО

Князь пламенеет, Страж, у врат Альбиона в шатре;
Пламя пылает; гроз в Америке гром загредел,
Души взрывая бдящих битвы мужей, а не спят
Вашингтон, Франклин, Пейн, Уоррен, Гэйтс, Хэнкок и Грин;
Бреги кровавы Князь с высот Альбиона слепит.

Вашингтон молвил, хмур: «Отечество, взор за моря
Кинь: в небе лук натянут и виснет тяжкая цепь;
Звеньев и звеньев ржавь со скал Альбиона сюда
Вьется: вязать народ Америки, души сушить,
Нурить главы, немоту несть, обездоливать дух,

Feet bleeding on the sultry sands, and the furrows of the whip
Descend to generations, that in future times forget.'

The strong voice ceas'd; for a terrible blast swept over
the heaving sea:
The eastern cloud rent: on his cliffs stood Albion's wrathful
Prince,
A dragon form, clashing his scales: at midnight he arose,
And flam'd red meteors round the land of Albion beneath;
His voice, his locks, his awful shoulders, and his
glowing eyes
Appear to the Americans upon the cloudy night.

Solemn heave the Atlantic waves between the gloomy nations,
Swelling, belching from its deeps red clouds and raging fires.
Albion is sick! America faints! Enrag'd the Zenith grew.
As human blood shooting its veins all round the orb'd heaven,
Red rose the clouds from the Atlantic in vast wheels of blood,
And in the red clouds rose a Wonder o'er the Atlantic sea—
Intense! naked! a Human fire, fierce glowing, as the wedge
Of iron heated in the furnace; his terrible limbs were fire,
With myriads of cloudy terrors, banners dark, and towers
Surrounded: heat but not light went thro' the murky atmosphere.

The King of England looking westward trembles at the vision.

Albion's Angel stood beside the Stone of Night, and saw
The Terror like a comet, or more like the planet red,
That once enclos'd the terrible wandering comets in its sphere.
Then, Mars, thou wast our centre, and the planets three flew
round
Thy crimson disk; so, ere the Sun was rent from thy red sphere,
The Spectre glow'd, his horrid length staining the temple long
With beams of blood; and thus a voice came forth, and shook
the temple:—

Очи и ноги жечь, ремни сыромятны рукам,
Рабство — сынам и внукам, рабства и правнукам гнет!»

Молвил могучий, смолк, и ветер завихренный взвился,
Туча Востока вклучь, сам Князь Альбиона, со скал,
Гневен, глядит драконом, ждет, пробудившись
 во тьме,
Камнем ведет небесным власти пылающий круг;
Взор его, космы, плеч бугры, устрашающий глас
В ужас повергнуть чают Нового Света жильцов.

Тяжкие дыбит волны море меж наций войны,
Красные тучи, смерчи пламени мечет оно.
Недуг постиг Альбион. Обморок — Новый Свет!

Огонь

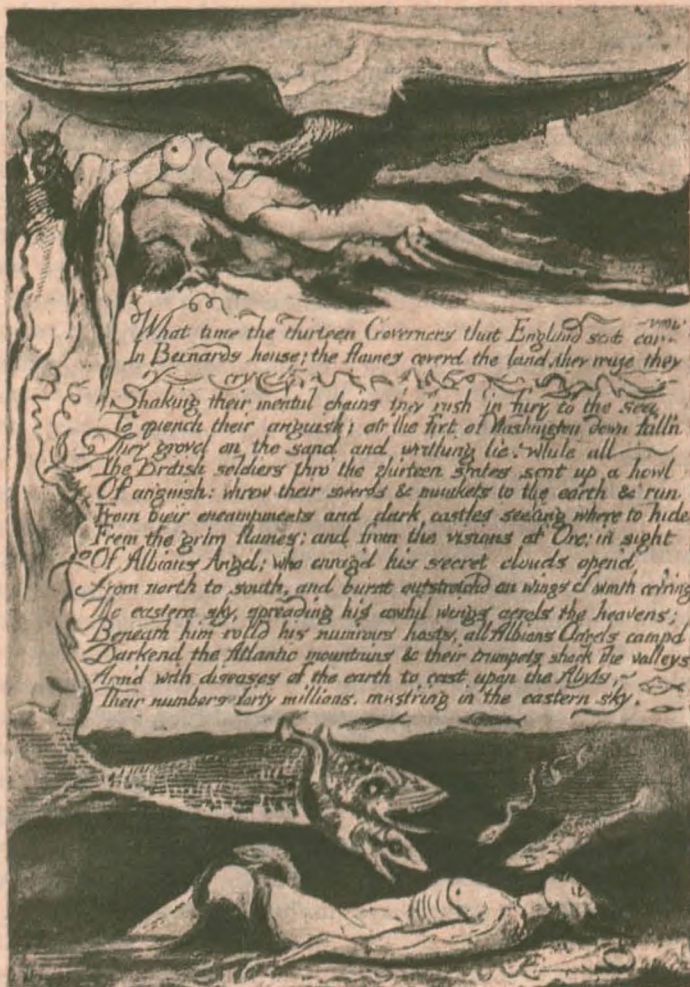
Пышет в Зените Неба! Кровь из артерий Судьбы.
Крови колеса — тучи — катятся чрез океан,
В тучах кровавых Чудо явлено гордое днесь:
Яростно! голо! Огонь, победно зажженный людьми!
Жаркий брусок железа — в кузне рожден Человек.
Гнев — его члены, страх — дыханье, неволя —
 купель,
Может он сжечь дотла — не несущий света Огоны!

Мрачен Король Английский, Запад пугает его.

Англии Ангел, в Нише Ночи таящийся, зрит:
Ужас кометой высь объял, разрастаясь, — верней,
Красной планетой, попавшей под жернова комет.
Марс, ты был центр системы, в пленницы ты
 залучил

Три планеты, покуда Солнце не оторвалось
От твоей красной мощи, Спектра огня, — и тогда
В красных лучах заалел Храм и загрохотал
 Глас:

What time the thirteen Governours that England sent came
In Bernard's house; the flames coverd the land, their rage they
Shaking their mental chains they rush in fury to the sea,
To quench their anguish; at the first of Washington down fallin
Fury grovel on the sand and writhing lie: while all
The British soldiers thro' the thirteen States sent up a howl
Of anguish: threw their swords & muskets to the earth & run
From their encampments and dark castles seeking where to hide
From the grim flames; and from the visions of Ore, in sight
Of Albion's Angel; who enrag'd his secret clouds opened
From north to south, and burnt outstretch'd on wings of smoth coming
The eastern sky, spreading his awful wings across the heavens;
Beneath him roll'd his numerous hosts, all Albion's Angel's camp
Darken'd the Atlantic mountains & their trumpets shook the valleys
And with diseases of the earth to cast upon the floods;
Their numbers forty millions, mustering in the eastern sky.

‘The morning comes, the night decays, the watchmen leave their stations;

The grave is burst, the spices shed, the linen wrappèd up;
The bones of death, the cov’ring clay, the sinews shrunk and dry’d
Reviving shake, inspiring move, breathing, awakening,
Spring like redeemèd captives, when their bonds and bars are burst.

Let the slave grinding at the mill run out into the field,
Let him look up into the heavens and laugh in the bright air;
Let the enchainèd soul, shut up in darkness and in sighing,
Whose face has never seen a smile in thirty weary years,
Rise and look out; his chains are loose, his dungeon doors are open;
And let his wife and children return from the oppressor’s scourge.

They look behind at every step, and believe it is a dream,
Singing: “The Sun has left his blackness, and has found a fresher morning,
And the fair Moon rejoices in the clear and cloudless night;
For Empire is no more, and now the Lion and Wolf shall cease.” ’

In thunders ends the voice. Then Albion’s Angel wrathful burnt
Beside the Stone of Night; and, like the Eternal Lion’s howl
In famine and war, reply’d: ‘Art thou not Orc,
who serpent-form’d

Stands at the gate of Enitharmon to devour her children?
Blasphemous Demon, Antichrist, hater of Dignities,
Lover of wild rebellion, and transgressor of God’s Law,
Why dost thou come to Angel’s eyes in this terrific form?’

The Terror answer’d: ‘I am Orc, wreath’d round the accursèd tree:
The times are ended; shadows pass, the morning ’gins to break;
The fiery joy, that Urizen perverted to ten commands,
What night he led the starry hosts thro’ the wide wilderness,
That stony Law I stamp to dust; and scatter Religion abroad

«Утро восходит, ночь уходит, и Стражи бегут,
Треснули гробы, ладан высох и саван истлел.
Голые кости, прах, поникший, казалось, навек,
Вспряли, проснувшись, — Жизнь дыханьем
опять в них вошла,
Сбросив победно цепи, узы и ядра
тюрьмы.

Фабрик рабы, спешите — воля и поле вас ждут!
Небо очам откройте — воздух, и смех, и простор!
Сердцу велите (вздохи ведомы Горю ему,
За тридцать лет ни разу не улыбнулись уста)
Вскрыться навстречу жизни, где нет ни Врат,
ни Цепей,
Детям и женам чтоб надсмотрщика бич
не грозил.

Пусть их не верят. Вера позже придет: не во сне
Все это. Песнь восторга грянет: «Исходом
из тьмы

Солнце взошло, луна сияет в блаженной ночи,
Власть изошла — теперь не будет ни Волка, ни Льва!»
В грома раскатах смолк. Но Англии Ангел, взбешен,
В Нише Ночной горит, рыча изгладавшимся львом;
Вечный воитель кличет Змия: «Чудовищный Орк!
Ты ли раздор посеял, чая младенцев пожрать
Матери Энитармон? Бес, Антихрист, Бунтарь,
Смуты Самец, Раствлитель, Скот, Богомерзкая Тварь.
Ангелу смеешь, Орк, в обличье ужасном предстать?»

Ужас Живой в ответ: «Я змий, цепью скованный Орк,
С дровом обвенчан. Век тот кончился, этот —
будь мой!

Огненный смех Уризен в заповеди превратил —
В десять своих заветов, — звезды в пустыню
впустил.

Ныне скрижаль сотру, религию брошу ветрам

To the four winds as a torn book, and none shall gather
the leaves;
But they shall rot on desert sands, and consume in bottomless
deeps,
To make the deserts blossom, and the deeps shrink to their
fountains,
And to renew the fiery joy, and burst the stony roof;
That pale religious lechery, seeking Virginity,
May find it in a harlot, and in coarse-clad honesty
The underfil'd, tho' ravish'd in her cradle night and morn;
For everything that lives is holy, life delights in life;
Because the soul of sweet delight can never be defil'd.
Fires enwrap the earthly globe, yet Man is not consum'd;
Amidst the lustful fires he walks; his feet become like brass,
His knees and things like silver, and his breast and head like gold.

'Sound! sound! my loud war-trumpets, and alarm my Thirteen
Angels!
Loud howls the Eternal Wolf! the Eternal Lion lashes his tail!
America is dark'ned; and my punishing Demons, terrified,
Crouch howling before their caverns deep, like skins dry'd
in the wind.
They cannot smite the wheat, nor quench the fatness of the earth;
They cannot smite with sorrows, nor subdue the plough and spade;
They cannot wall the city, nor moat round the castle of princes;
They cannot bring the stubbèd oak to overgrow the hills;
For terrible men stand on the shores, and in their robes I see
Children take shelter from the lightnings: there stands
Washington,
And Paine, and Warren, with their foreheads rear'd toward
the East—
But clouds obscure my agèd sight. A vision from afar!
Sound! sound! my loud war-trumpets, and alarm my Thirteen Angels!
Ah, vision from afar! Ah, rebel form that rent the ancient
Heavens! Eternal Viper self-renew'd, rolling in clouds,

Книжицей драной! Ха! никто не подымет
листов:

Скрошатся те в песке, бесследно потонут
в морях,

Цветом пойдут пустыни, моря омелеют в ручьи,
Радость в огне родится, крыша миров затрещит;
Будет святошам тяжко, Девственность вздумай искать,
Кроме как в шлюхе, — срам девичий утратить спешит
Дочь в колыбели, — ночью темной, безоблачным днем.
Ибо Живое свято, и жизни желает Жизнь,
Скверны в Веселье нету, в Счастье сама Чистота:
Пламя планету жрет, но смертный — и тут невредим,
Пламя ему потеха, бронзовой стала пята,
Бедрa — из серебра, глава золотою
и груди!»

«Гряньте, фанфары! в бой, тринадцати ангелов
сонм!

Вечный Волчище взвыл! Взъярившийся Лев возревел!
Демоны дерзки, чуя новый Америки чин,
Воют из бездн, трепещут — кожа в дубильне
ветров.

Нив не пожечь им, злаки тучные не засушить,
Плуг и мотыгу в порчь волшбой не ввести им и в ржавь.
Град не построить им, не вырыть под миром рва,
Сорным побегом хмеля поле не опустошить.
Ибо стоят на бреге страшные трое — я зрю —
Вашингтон, Пейн, Уоррен — в длинных одеждах
своих

Чада от молний пряча, — гневно пытаются
Восток.

Тучи мой взор затмили. Горе мне! — старческий взор!
Гряньте, фанфары! в бой, тринадцати ангелов сонм!
Тучи мой взор затмили! Смут Предводитель сожрет
Небо Востока! Дьявол! Новорождённый! И Он,

I see thee in thick clouds and darkness on America's shore,
 Writhing in pangs of abhorrèd birth; red flames the crest
 rebellious
 And eyes of death; the harlot womb, oft openèd in vain,
 Heaves in enormous circles: now the times are return'd upon thee,
 Devourer of thy parent, now thy unutterable torment renews.
 Sound! sound! my loud war-trumpets, and alarm my Thirteen Angels!
 Ah, terrible birth! a young one bursting! Where is the weeping
 mouth,
 And where the mother's milk? Instead, those ever-hissing jaws
 And parchèd lips drop with fresh gore: now roll thou in the
 clouds;
 Thy mother lays her length outstretch'd upon the shore beneath.
 Sound! sound! my loud war-trumpets, and alarm my Thirteen
 Angels!
 Loud howls the Eternal Wolf! the Eternal Lion lashes his tail!

Thus wept the Angel voice, and as he wept the terrible blasts
 Of trumpets blew a loud alarm across the Atlantic deep.
 No trumpets answer; no reply of clarions or of fifes:
 Silent the Colonies remain and refuse the loud alarm.

On those vast shady hills between America and Albion's shore,
 Now barr'd out by the Atlantic sea, call'd Atlantean hills,
 Because from their bright summits you may pass to the Golden
 World,
 An ancient palace, archetype of mighty Emperies,
 Rears its immortal pinnacles, built in the forest of God
 By Ariston, the King of Beauty, for his stolen bride.

Here on their magic seats the Thirteen Angels sat perturb'd,
 For clouds from the Atlantic hover o'er the solemn roof.

Fiery the Angels rose, and as they rose deep thunder roll'd
 Around their shores, indignant burning with the fires of Orc;

В тучах и в тучах, брег Америки сгложет огнем,
Корчась в мученьях. О, ублюдок кровавый,
не зря

Смерти очами зришь: Блудницыно лоно опять
Кругом пошло — теперь не попусту — вспять времена!
Жрешь ты Отца, но здесь к тебе подбирается боль.
Гряньте, фанфары! в бой, тринадцати ангелов сонм!
Мерзостный! Грязь рождена! Грех!

Где слеза хоть одна?

Млеко грудное где? Лишь пасть, да камня зубей,
Губы в крови; небесна ночь — колыбель Сатаны;
В тучах ты высишься, мать — простерта на берегу.
Гряньте, фанфары! в бой, тринадцати ангелов
сонм!

Вечный Волчище взвыл! Взъярившийся Лев возревел!»

Плакал так Ангел. Гром фанфар был ответом ему,
Голос тревоги рос, Атлантики тяжкая глубь
Заколыхалась. Молча внемлет Америка, спит,
Уху колоний глухо эхом волненья звуча.

Англию с Новым Светом связала гряда холмов;
Ныне над нею — Море, только вершины видны.
С этих вершин взойдешь в Атлантов Златую
Страну,

В древний дворец — прообраз могучих земных держав.
Башни бессмертны ввысь вознеслись
(таковы Аристон,

Царь Красоты, похищенной деве в память возвел).

Здесь, в волшебном дворце, — тринадцати ангелов сонм.
Мрачно сидят — под своды тучи вползают, черны.

Гневно восстали все, и гром загремел тяжело
Над берегами, пламя Орка которые жрет;

And Boston's Angel cried aloud as they flew thro' the dark
night.

He cried: 'Why trembles honesty; and, like a murderer,
Why seeks he refuge from the frowns of his immortal station?
Must the generous tremble, and leave his joy to the idle,
to the pestilence
That mock him? Who commanded this? What God? What Angel?
To keep the gen'rous from experience till the ungenerous
Are unrestrain'd performers of the energies of nature;
Till pity is become a trade, and generosity a science
That men get rich by; and the sandy desert is giv'n
to the strong?
What God is he writes laws of peace, and clothes him in a temper?
What pitying Angel lusts for tears, and fans himself with sighs?
What crawling villain preaches abstinence and wraps himself
In fat of lambs? No more I follow, no more obedience pay!

So cried he, rending off his robe and throwing down
his sceptre
In sight of Albion's Guardian; and all the Thirteen Angels
Rent off their robes to the hungry wind, and threw their golden
sceptres
Down on the land of America; indignant they descended
Headlong from out their heav'nly heights, descending swift
as fires
Over the land; naked and flaming are their lineaments seen
In the deep gloom; by Washington and Paine and Warren they
stood;
And the flame folded, roaring fierce within the pitchy night,
Before the Demon red, who burnt towards America,
In black smoke, thunders, and loud winds, rejoicing in its terror,
Breaking in smoky wreaths from the wild deep, and gath'ring thick
In flames as of a furnace on the land from North to South,
What time the Thirteen Governors, that England sent, convene

Бостона Ангел рек в полете над миром
ночным:

«Честность отвергнуть, — вскричал, — чтобы
убийце польстить?
Чтобы убийца бежал от покаянья сюда?
Благо забыть ли? Отдать радость разбойной чуме,
Чтоб не дразнить ее? Кто — Бог, повелевший сие?
Благо скрыть от познания, чтоб время дать неблагим
Силы природных энергий пакостно извратить?
Чтоб куплей-продажей любовь стала,
и Благо — злом?
Чтоб человек богател, над совестью глумясь?
Кто же тот Бог, о мире твердящ и несущ грозу?
Кто же тот Ангел, слез алчущ и вздохов земных?
Кто воздержанье смеет славить, блаженствуя сам
В масле, в жиру? Довольно! Больше я вам не слуга!»

Так он вскричал, раздрав одежды и скипетр
уронив.

Страх Альбион объял — тринадцати ангелов сонм
Скинул, раздрав, одежды, скиптры свои
побросал.

Наземь упало пламя. Ангелы пали на брег,
Страшные, страшной клятвой ныне объединены.
Голое пламя — так их лики горели во тьме.
Вашингтон, Пейн, Уоррен готовы встретить
гостей.

Вскинулось пламя ночью, рыкая кровью чумы,
Демон горел вдали, Америку страхом стращал;
Пламя на пламя, дым на дым, громыханье на гром
В схватке сошлись: задымлен брег с Океана,
с Земли,

Кузней страна пылает — Север, и Юг, и Восток.
В Бернарда дом меж тем тринадцать Губернских Владык

In Bernard's house. The flames cover'd the land; they rouse;
 they cry;
 Shaking their mental chains, they rush in fury to the sea
 To quench their anguish; at the feet of Washington down fall'n
 They grovel on the sand and writhing lie, while all
 The British soldiers thro' the Thirteen States sent up a howl
 Of anguish, threw their swords and muskets to the earth, and run
 From their encampments and dark castles, seeking where to hide
 From the grim flames, and from the visions of Orc, in sight
 Of Albion's Angel; who, enrag'd, his secret clouds open'd
 From North to South, and burnt outstretch'd on wings of wrath,
 cov'ring
 The eastern sky, spreading his awful wings across the heavens.
 Beneath him roll'd his num'rous hosts, all Albion's Angels camp'd
 Darken'd the Atlantic mountains; and their trumpets shook
 the valleys,
 Arm'd with diseases of the earth to cast upon the Abyss—
 Their numbers forty millions, must'ring in the eastern sky.

In the flames stood and view'd the armies drawn out in the sky,
 Washington, Franklin, Paine, and Warren, Allen, Gates, and Lee,
 And heard the voice of Albion's Angel give the thunderous
 command;
 His plagues, obedient to his voice, flew forth out of their
 clouds,
 Falling upon America, as a storm to cut them off,
 As a blight cuts the tender corn when it begins to appear.
 Dark is the heaven above, and cold and hard the earth beneath:
 And, as a plague-wind, fill'd with insects, cuts off man
 and beast,
 And, as a sea o'erwhelms a land in the day of an earthquake,
 Fury, rage, madness, in a wind swept through America;
 And the red flames of Orc, that folded roaring, fierce, around
 The angry shores; and the fierce rushing of th' inhabitants
 together!

Англии входят, бдят, боятся и держат
совет.

В страхе великом — огонь повсюду — они не вольны,
Вашингтон, пасть к ногам твоим и пощады просить.
Стелются, плачут, лежа ползают, войско же их
Громче громов ревет — тринадцати штатам на смех, —
Наземь мечи и мушкеты в страхе бросив свои,
Заперлись в крепость, тщась спасение там обрести;
Ярость и Призрак Орка гонят назад, а вперед —
Англии Ангел, шлющий тайные тучи беды
С Юга на Север, жгущий, гнева простерши
крыла,

Небо Востока, спрятав Солнце в их черной тени.
Войско встает ползком — Атлантики горы и брег,
Ангелы, люди — все, кого Альбион снарядил.
Трубы, фанфары — в бой! Америку — в бездну,
на дно!

Сорок миллионов было Запада войско — народ.

Огненным оком видят войско небесно в огне
Вашингтон, Франклин, Пейн, Уоррен, Гэйтс,
Аллен и Ли.

Англии Ангел кинул полчищам клич боевой;
Верные вихри вспряли, тучи беды
полились

Новым потопом — смять Америку в море, сгубить, —
Так вот зерно восково слижет пожар и пожрет.
Тьма в небесах, внизу — Земля холодна и тверда;
Вихрем чумным сметает людей и зверей
с земли,

Землетрясения смерчи за день над миром прошлись.
Злоба! вражда! безумье! вгрызлись Америке в кровь.
Орка пылало пламя! пламя ревело! рвалось!
Бреги объяв убийством, рознью, раздором,
резней!

The citizens of New York close their books and lock their chests;
 The mariners of Boston drop their anchors and unlade;
 The scribe of Pennsylvania casts his pen upon the earth;
 The builder of Virginia throws his hammer down in fear.

Then had America been lost, o'erwhelm'd by the Atlantic,
 And Earth had lost another portion of the Infinite;
 But all rush together in the night in wrath and raging fire.
 The red fires rag'd! The plagues recoil'd! Then roll'd they
 back with fury

On Albion's Angels: then the Pestilence began in streaks of red
 Across the limbs of Albion's Guardian; the spotted plague smote
 Bristol's,

And the Leprosy London's Spirit, sickening all their bands:
 The millions sent up a howl of anguish and threw off their
 hammer'd mail,

And cast their swords and spears to earth, and stood, a naked
 multitude:

Albion's Guardian writhèd in torment on the eastern sky,
 Pale, quiv'ring toward the brain his glimmering eyes, teeth
 chattering,

Howling and shuddering, his legs quivering, convuls'd each muscle
 and sinew:

Sick'ning lay London's Guardian, and the ancient mitred York,
 Their heads on snowy hills, their ensigns sick'ning in the sky.
 The plagues creep on the burning winds, driven by flames of Orc,
 And by the fierce Americans rushing together in the night,
 Driven o'er the Guardians of Ireland, and Scotland and Wales.
 They, spotted with plagues, forsook the frontiers; and their
 banners, sear'd

With fires of hell, deform their ancient Heavens with shame
 and woe.

Hid in his caves the Bard of Albion felt the enormous plagues,
 And a cowl of flesh grew o'er his head, and scales on his back
 and ribs;

Житель Нью-Йорка запер шкаф и Писанье на ключ,
Бостонский кормчий груза на борт баркаса не брал,
Стряпчий из Дельфи вылил склянку конторских чернил,
Бросил виргинский плотник полудостроенный дом.

Так бы и сгинуть ей, Америке, в лютом огне,
И бесконечность Земли стала б чуть меньше тогда, —
Дерзкой не будь отваги! Ярости гневной не будь!
Пламени молний! Силы! — силы отвадить

чуму,

Поворотить из Англии гостью в Англию вспять:
Стражам — бубоны! язвы — Англии детищам!

хворь —

Йорку, Бристолю! лепру — Лондону! морок — войскам!
Взвыли мильоны, латы сбросили, ржавь их

раздрав,

Сабли и копыя прочь; предстали нагою
толпой.

Страж Альбиона, скрючась, скорчась, крича и рыча,
Сильным стеная стоном, в кровь скрежеща

челюстями,

Дрожью дрожа, суча ногами, задавленный,
зрит:

Хвори Лондон крутят и древний епископский Йорк —
Главы гниют в предгорьях, тело в долине гниет, —

Гневом и гневом веет Орк и пожаром на них;

Армии грозны Ночь Америки сжала в кулак —

Скоттов крушить и рушить, саксов, ирландцев, Уэльс.

Те, несчастливцы, с фронта — жалок раздранный —
бегут;

Знамя поникло, гложет Ад лоскуты
на ветру;

Вечный пещерник, гордый Бард Альбиона, познав

Ужас, оброс кулями сала, хвостом,

чешуей;

And, rough with black scales, all his Angels fright their ancient
heavens.

The doors of marriage are open, and the Priests, in rustling
scales,
Rush into reptile coverts, hiding from the fires of Orc,
That play around the golden roofs in wreaths of fierce desire,
Leaving the Females naked and glowing with the lusts of youth.

For the Female Spirits of the dead, pining in bonds of religion,
Run from their fetters; reddening, and in long-drawn arches
sitting,
They feel the nerves of youth renew, and desires of ancient
times
Over their pale limbs, as a vine when the tender grape appears.

Over the hills, the vales, the cities rage the red flames
fierce:
The Heavens melted from North to South; and Urizen, who sat
Above all heavens, in thunders wrapp'd, emerg'd his leprous head
From out his holy shrine, his tears in deluge piteous
Falling into the deep sublime; flagg'd with grey-brow'd snows
And thunderous visages, his jealous wings wav'd over the deep;
Weeping in dismal howling woe, he dark descended, howling
Around the smitten bands, clothèd in tears and trembling,
shudd'ring, cold.
His storèd snows he pourèd forth, and his icy magazines
He open'd on the deep, and on the Atlantic sea, white,
shiv'ring;
Leprous his limbs, all over white, and hoary was his visage;
Weeping in dismal howlings before the stern Americans,
Hiding the Demon red with clouds and cold mists from the earth;
Till Angels and weak men twelve years should govern o'er the
strong;
And then their end should come, when France receiv'd the Demon's
light.

Все в чешуе предстали ангелы, Звезд
Срамота,
Брака врата разверзлись, Пастырь порос
чешуей,
Сжавшись рептилией жалкой, лишь бы Орка не зреть, —
Пламенем пляшет тот, пылающей похотью жжет —
Жены нагие рдеют, кинуты навзничь скоттом.

Ибо бессмертны Духи-Девы, религии Ад
Ныне покинув и узы сбросив, алым
цветут,
Полнят победой похоть юности, жажду
веков,
Бледные ноги стали пенны, как чаши вина.

Грады, и веси, холмы, доли и дали —
в огне,
Плавится небо, каплет пламенем, плавится сам
Вечный Уризен, плачет, прячет проказу в дыму,
Криком кричит, потопом плачет, печалится: Мир
Чуть шевелится — снегом, призраком Зла, заметен;
Гром оглушительный грянул, криков ревнивых дитя.
Жалко унижен, вниз Уризен сошел, вопия:
Войско разбито, слезы блещут, смятенье и хлад.
Снег он согреб, железные вытряс, стеная,
гроба
Над Атлантидой — бездна мрачно глотала дары.
Болен проказой, дряхл Уризен — землисто
глядит,
Дико ревя, хоронит демона битвы во склеп —
Американцы, строги, смотрят во склеп, к мертвецам.
Ангел и Слабость правят — Сила двенадцать лет
спит,
Слабость свести — взойдет во Франции Демон
Огня.

Stiff shudderings shook the heav'nly thrones! France, Spain,
and Italy
In terror view'd the bands of Albion, and the ancient Guardians,
Fainting upon the elements, smitten with their own plagues!
They slow advance to shut the five gates of their law-built
Heaven,
Fillèd with blasting fancies and with mildews of despair,
With fierce disease and lust, unable to stem the fires of Orc.
But the five gates were consum'd, and their bolts and hinges
melted;
And the fierce flames burnt round the heavens, and round
the abodes of men.

EUROPE

A PROPHECY

‘Five windows light the cavern’d Man: thro’ one he breathes the air;
 Thro’ one hears music of the spheres; thro’ one the Eternal Vine
 Flourishes, that he may receive the grapes; thro’ one can look
 And see small portions of the Eternal World that ever groweth;
 Thro’ one himself pass out what time he please, but he will not;
 For stolen joys are sweet, and bread eaten in secret pleasant.’

So sang a Fairy, mocking, as he sat on a streak’d tulip,
 Thinking none saw him: when he ceas’d I started from the trees,
 And caught him in my hat, as boys knock down a butterfly.
 ‘How know you this,’ said I, ‘small Sir? where did you learn
 this song?’

Seeing himself in my possession, thus he answer’d me:
 ‘My Master, I am yours! command me, for I must obey.’

‘Then tell me, what is the Material World, and is it dead?’
 He, laughing, answer’d: ‘I will write a book on leaves
 of flowers,

If you will feed me on love-thoughts, and give me now
 and then

A cup of sparkling poetic fancies; so, when I am tipsy,
 I’ll sing to you to this soft lute, and show you all alive
 The World, when every particle of dust breathes forth its joy.’

I took him home in my warm bosom: as we went along
 Wild flowers I gatherèd; and he show’d me each Eternal Flower:
 He laugh’d aloud to see them whimper because they were
 pluck’d.

They hover’d round me like a cloud of incense. When I came
 Into my parlour and sat down, and took my pen to write,
 My Fairy sat upon the table, and dictated EUROPE.

ЕВРОПА

ПРОРОЧЕСТВО

«Пять Окон у Души твоей, в темницу заточенной, —
Лится воздух сквозь одно, музыка сфер — в другое,
А в третье — Вечное Вино течет благословенно,
Четвертое — открыто в мир, вечнорастущий, вечный.
Есть пятое — дабы душа из тела вырывалась
В любую пору: сладок хлеб, вкушаемый украдкой».

Такую песню распевал Эльф около тюльпана
И думал: нету никого поблизости. Внезапно
Я, выскочив из-за дерев, накрыл малютку шляпой,
Как бабочку. «Откуда знать тебе, дружок,
об этом?»

Мой пленник понял, что ему не избежать неволи.
«Мой господин, — он запищал, — я весь к твоим услугам».

«Тогда скажи мне, что есть Мир Материи — и мертв ли?»
Смеясь, ответил он: «Трактат, начертанный
на листьях,

Я написать готов, коль ты меня вскормишь
любовью,

Да поднесешь мне кубок-два искрящихся фантазий.
Я, захмелев чуток, спою тебе о жизни мира,
Где радость дышит и живет в любой пылинке праха».

Пригрел его я на груди, а он мне по дороге
На все бессмертные цветы указывал персточком.
Он объяснил мне трепет их в тот миг,
как их срывают.

Их аромат меня объял, божественный, как ладан.
Когда вернулся я домой и сел к столу работать,
Мой Эльф, посмеиваясь, мне продиктовал «Европу».

PRELUDIUM

The nameless Shadowy Female rose from out the breast of Orc,
Her snaky hair brandishing in the winds of Enitharmon;
And thus her voice arose:—

‘O mother Enitharmon, wilt thou bring forth other sons,
To cause my name to vanish, that my place may not be found?
For I am faint with travel,
Like the dark cloud disburden’d in the day of dismal thunder.

‘My roots are brandish’d in the heavens, my fruits in earth
beneath
Surge, foam, and labour into life, first born and first consum’d!
Consumèd and consuming!
Then why shouldst thou, Accursèd Mother, bring me into life?

‘I wrap my turban of thick clouds around my lab’ring head,
And fold the sheety waters as a mantle round my limbs;
Yet the red sun and moon
And all the overflowing stars rain down prolific pains.

‘Unwilling I look up to heaven, unwilling count the stars:
Sitting in fathomless abyss of my immortal shrine
I seize their burning power,
And bring forth howling terrors, all-devouring fiery kings,

‘Devouring and devourèd, roaming on dark and desolate mountains,
In forests of Eternal Death, shrieking in hollow trees.
Ah, mother Enitharmon!
Stamp not with solid form this vig’rous progeny of fires.

‘I bring forth from my teeming bosom myriads of flames,
And thou dost stamp them with a signet; then they roam abroad,
And leave me void as death.
Ah! I am drown’d in shady woe and visionary joy.

ПРЕЛЮДИЯ

Тенистая Дщерь восстала с Оркова ложа любви.
Змееподобные косы веют на лютом ветру.
Голос ее звучит:

«Матерь Энитармон! Кого породишь ты еще,
Чтобы мое унижение стало бы смерти под стать?
Хватит мне этих мук!
Туче обычной легко ль, когда загремит адский гром?

Корни мои на небе, чахнут в почве мои плоды,
В жизнь впадая, как в море, чтоб навек раствориться в ней.
Умереть и убить!
Будь же ты проклята, Мать, за то, что меня родила!

На голову я одела кромешной тучи тюрбан,
Я члены мои сокрыла под саваном черных вод,
Но льют Солнце с Луной
Вечных мучений ливень на слабое тело мое.

Поневоле гляжу я в небо, поневоле я чту
Звезды в моей доле, в беспросветной жизни моей.
Вижу: их свет кровав.
Вижу: они чреваты смертью, ужасом и огнем.

Я вижу: жгут и горят. Вижу: жгут и горят везде —
На потаенных вершинах и в чащах посмертных дней.
Матерь моя, зачем?
Зачем из дрожащих огней твердыню жизни куешь?

Из груди исторгаю свирепое пламя твое.
Тщетно! его ты пускаешь исчадием ярости в жизнь.
Вот я пуста, как смерть,
В призрачном горе и в призрачном счастье погребена.

‘And who shall bind the Infinite with an eternal band
 To compass it with swaddling bands? and who shall cherish it
 With milk and honey?
 I see it smile, and I roll inward, and my voice is past.’

She ceas’d, and roll’d her shady clouds
 Into the secret place.

A PROPHECY

The deep of winter came,
 What time the Secret Child
 Descended through the orient gates of the Eternal day:
 War ceas’d, and all the troops like shadows fled to their
 abodes.

Then Enitharmon saw her sons and daughters rise around;
 Like pearly clouds they meet together in the crystal
 house;
 And Los, possessor of the Moon, joy’d in the peaceful night,
 Thus speaking, while his num’rous sons shook their bright fiery
 wings:—

‘Again the night is come,
 That strong Urthona takes his rest;
 And Urizen, unloos’d from chains,
 Glows like a meteor in the distant North.
 Stretch forth your hands and strike the elemental
 strings!
 Awake the thunders of the deep!

‘The shrill winds wake,
 Till all the sons of Urizen look out and envy Los.
 Seize all the spirits of life, and bind

Кто же теперь сменит Вечности мокрые пелены?
Вечные мокрые пелены? Кто накормит ее
Млеком и медом? Ах!
Вот улыбнулась, проснулась, и к ней сейчас побегу!»

Умолкла, тучи за собой
Веда в безвестный путь.

ПРОРОЧЕСТВО

Во глубине зимы
Таинственное Дитя спустилось на Землю
Сквозь Восточные врата Вечного дня.
Война кончилась, и солдаты, подобно ночным теням, бежали
в укрытия.

Энитармон окинула взором своих сыновей с дочерями.
В доме хрустальном они, как жемчужные тучи, сошлись
для беседы.
Лос, предводитель Луны, ликования не сдерживал мирною
ночью,
Так возвещая сынам, потрясавшим лучистыми крыльями яро:

«Снова настала ночь.
Бестревожно Уртона вкушает отдых;
Уризен же, освободившись от пут,
Пылает на дальнем Севере огнем.
Руки прострите и коснитесь своими перстами стихией
исполненных струн,
Гряньте громом глубин!

Резкий ветер засвистал.
Сыны Уризена с завистью внемлют Лосу.
Покорим Духов Жизни, заставим их

Their warbling joys to our loud strings!
 Bind all the nourishing sweets of earth
 To give us bliss, that we may drink the sparkling wine
 of Los!
 And let us laugh at war,
 Despising toil and care,
 Because the days and nights of joy in lucky
 hours renew.

‘Arise, O Orc, from thy deep den!
 First-born of Enitharmon, rise!
 And we will crown thy head with garlands of the ruddy vine;
 For now thou art bound,
 And I may see thee in the hour of bliss, my eldest-born.’

The horrent Demon rose, surrounded with red stars of fire,
 Whirling about in furious circles round the Immortal Fiend.

Then Enitharmon down descended into his red light,
 And thus her voice rose to her children: the distant heavens
 reply:—

‘Now comes the night of Enitharmon’s joy!
 Who shall I call? Who shall I send,
 That Woman, lovely Woman, may have dominion?
 Arise, O Rintrah! thee I call, and Palamabron, thee!
 Go! tell the Human race that Woman’s love is Sin;
 That an Eternal life awaits the worms of sixty winters,
 In an allegorical abode, where existence hath never come.
 Forbid all Joy; and, from her childhood, shall the little
 Female
 Spread nets in every secret path.

‘My weary eyelids draw towards the evening; my bliss is yet
 but new.

Отдать потайную неукротимую радость нашим пламенносушим
струнам!

Да пребудет восторг
Вселенной — веселием нашим и чашей Лоса,
Отныне искрящейся мирным вином,
Презрительным смехом помянем войну,
Труд и тревоги, — ведь Радости ночи и дни возвернутся
в свой час непременно.

Орк-пещерник, восстань!
Проснись, перворождённый сын Энитармон!
Мы увенчаем хмелем твою главу.
Хочу, мой первенец, увидеть тебя:
Хочу в час блаженства увидеть тебя, как ты есть,
мой закованный в цепи гордец!»

Яростный демон восстал в окружении красных созвездий огня,
Мыслью и взором чертя вокруг Врага Неизбывного бешеный круг.
Энитармон опустилась к нему и ступила в кровавое пламя.
К чадам своим обратилась, и Небом подхвачены были призывы:

«Ночь Свершенья пришла!
Кого позвать мне, кого, скажите, послать мне,
Как поступить, чтоб Женщине дали власть?
Ринтра, мой сын, восстань! Встань, Паламаброн!
Ты ли поведаешь миру, что нету для Женской любви
другого слова, чем Грех?
И ждёт шестьдесят лет
Червя, чтоб воспрянуть для Вечной Жизни, тело?
И радость земная — запретное Зло?
И Дева родится затем только, чтобы расставить капканы
на тропах благих?

Веки устало смыкаю, не жду перемен, не желаю такого
блаженства.

'Arise! O Rintrah, eldest-born, second to none but Orc!
 O lion Rintrah, raise thy fury from thy forests black!
 Bring Palamabron, hornèd priest, skipping upon
 the mountains,
 And silent Elynittria, the silver-bowèd queen.
 Rintrah, where hast thou hid thy bride?
 Weeps she in desert shades?
 Alas! my Rintrah, bring the lovely jealous
 Ocalythron.

'Arise, my son! bring all thy brethren,
 O thou King of Fire!
 Prince of the Sun! I see thee with thy innumerable
 race,
 Thick as the summer stars;
 But each, ramping, his golden mane shakes,
 And thine eyes rejoice because of strength, O Rintrah, furious
 King!'

Enitharmon slept
 Eighteen hundred years. Man was a dream,
 The night of Nature and their harps unstrung!
 She slept in middle of her nightly song
 Eighteen hundred years, a Female dream.

Shadows of men in fleeting bands upon the winds
 Divide the heavens of Europe;
 Till Albion's Angel, smitten with his own plagues, fled with
 his bands.
 The cloud bears hard on Albion's shore,
 Fill'd with immortal Demons of futurity:
 In council gather the smitten Angels of Albion
 The cloud bears hard upon the council house
 down rushing
 On the heads of Albion's Angels.

Ринтра, первенец, встань!
Старше тебя лишь Орк. Львом возреви из чащи,
Паламаброн-жреца с собой возьми
И Элинитрию — с луком серебряным молчаливую королеву-
сестру.

Где невеста твоя?

Ринтра, ответь, где гневная Окалитрон?

Все ли в пустыне горько плачет она?

Увы, так и есть. Приведи ее, Ринтра, сюда, приведи ее,

Ринтра, ко мне!

Встань, владыка огня!

Братьев своих приведи, солнцеликий витязь.

Племя моих сыновей зреть я хочу!

Словно летние звезды, горят они!

Каждый гривой своею трясет златой!

Ринтра, грозный король, ты ликуешь в сознании мощи своей,
взирая на них».

Энитармон спит

Восемнадцать веков: Человек — ее греза!

Ночь Природы и рваные струны арф!

Спит посредине песни своей ночной,

Восемнадцать веков женственным сном спит.

Тени людей в истончившихся кандалах, в перетлевших путах
витают вверху:

Небо Европы включь.

Ангелу Альбиона уже не до гнева:

Страшно стучится туча в британский брег,

Ныне не гнетом, а славою, грядущей свободою чревата и —
навсегда.

Ангелов гложет страх.

В Зале Совета они, но стучится туча

Страшным стуком и в Залу Совета. Гром

Грянул над головами заступников Альбиона; они пали наземь,
во прах.

One hour they lay buried beneath the ruins of that hall;
 But as the stars rise from the Salt Lake, they arise in pain,
 In troubled mists, o'erclouded by the terrors of struggling
 times.

In thoughts perturb'd they rose from the bright ruins, silent
 following
 The fiery King, who sought his ancient temple,
 serpent-form'd,
 That stretches out its shady length along
 the Island white.
 Round him roll'd his clouds of war; silent the Angel went
 Along the infinite shores of Thames to golden
 Verulam.
 There stand the venerable porches, that high-towering
 rear
 Their oak-surrounded pillars, form'd of massy stones, uncut
 With tool, stones precious!—such eternal in the heavens,
 Of colours twelve (few known on earth) give light
 in the opaque,
 Plac'd in the order of the stars; when the five senses
 overwhelm'd
 In deluge o'er the earth-born man, then turn'd the fluxile
 eyes
 Into two stationary orbs, concentrating all things:
 The ever-varying spiral ascents to the Heavens of Heavens
 Were bended downward, and the nostrils' golden gates shut,
 Turn'd outward, barr'd, and petrify'd against the Infinite.

Thought chang'd the Infinite to a Serpent, that which
 pitieth
 To a devouring flame; and Man fled from its face and hid
 In forests of night; then all the eternal forests were divided
 Into earths, rolling in circles of Space, that like an ocean
 rush'd

Час лежали они,
Замурованы в рухнувшей Зале. Но словно
Звезды над мертвым морем, провидя Смерть,
Битвы грядущие и пораженья, — восстали в тумане и страхе
над миром,

Молча последовав за Властелином Огня прочь из пышных
развалин
В змиеподобный и Змию воздвигнутый храм на вершине,
с которой
Он затмевал небо Англии, тенью своею мрача белый остров.
В тучах, чреватых войною, ступал огненосный Владыка
по свету,
Ангелы следом вдоль Темзы берегов бесконечных в собор
поспешали;
Там, в Веруламе, священные светочи ярко горели по стенам;
Там драгоценные камни — нетленны, как те, что на небе, —
струили
Свет в двенадцать цветов, на земле из которых известно
премало,
В ту равнозвездную тьму, пяти органам чувств заповедную
темень,
Что, как Потоп, затопляет сознание живущим и очи ввергает
В две постоянных орбиты, объявшие разом и вещи, и мысли, —
Дубом обшиты — по дубу резьба — из массивного камня
колонны;
Были здесь закреплены звенья нижние вечно зыбучей спирали,
В Небо Небес уходящей; и Ноздри Златые ворот затворились
И не вбирали изнанкою изголодавшуюся Бесконечность.
Мысль претворить возмогла Бесконечность живую
в коварного Змия,

В пламени всепожирающем миру представшего, — и человеки,
Плача, бежали от взора его в Сокровенного Мрака чащобы,
Ибо из Вечных Лесов получились премногие смертные Земли,

And overwhelmèd all except this finite wall of flesh.
 Then was the Serpent temple form'd, image of Infinite,
 Shut up in finite revolutions, and Man became an Angel,
 Heaven a mighty circle turning, God a tyrant crown'd.

Now arriv'd the ancient Guardian at the southern porch,
 That planted thick with trees of blackest leaf,
 and in a vale
 Obscure enclos'd the Stone of Night; oblique it stood, o'erhung
 With purple flowers and berries red, image
 of that sweet South,
 Once open to the heavens, and elevated on the human neck,
 Now overgrown with hair, and cover'd with a stony roof.
 Downward 'tis sunk beneath th' attractive North, that round
 the feet,
 A raging whirlpool, draws the dizzy enquirer to his grave.

Albion's Angel rose upon the Stone of Night.
 He saw Urizen on the Atlantic;
 And his brazen Book,
 That Kings and Priests had copièd on Earth,
 Expanded from North to South.

And the clouds and fires pale roll'd round in the night
 of Enitharmon,
 Round Albion's cliffs and London's walls: still Enitharmon slept.
 Rolling volumes of grey mist involve Churches,
 Palaces, Towers;
 For Urizen unclasp'd his Book, feeding his soul with pity.
 The youth of England, hid in gloom, curse the pain'd heavens,
 compell'd
 Into the deadly night to see the form
 of Albion's Angel.
 Their parents brought them forth, and Agèd Ignorance preaches,
 canting,

В вихре пространства вращаясь, потоплены, как в океане, —
и только
Плоти вершины последние чуть поднимались над черной водою.
Змиеподобный воздвигнуть во славу Коварного Храма
порешили, —
Тень Бесконечности, ныне разъятой на циклы конечных
вращений,
Ангелом стал Человек, Небо кругом, Господь — венценосным
тираном.

Ныне пришел древний Страж в этот Храм и взошел он на южную
паперть,
Всю окруженную наичернейших листов чернолистом, в долине,
Глухо и скрыто обставшей Наклонную Ночи Колонну, заветным
Пурпурным цветом поросшую — образом сладко-коварного Юга,
Некогда к Небу взнесенную гордой главой Человека, а ныне
Крышкой прикрытую, как волосатая и безголовая Шея, —
Ночи Колонну, наклонную в сторону Севера, ибо оттуда,
Водоворот тошнотворный, глядела, звала и манила Погибель.

Англии Ангел встал
Над Колонною Ночи, Урижена видя,
Урижена с Медною книгой его,
Которую короли и жрецы переписали, дабы утратить мир,
Север и Юг казня.

Бледный огонь и тучи тяжело катились в ночи Энитармон,
Вкруг Альбиона утесов и лондонских стен; Энитармон спала.
Клубы густые седого тумана — Религия, Войско и Царство, —
Таяли, ибо Уризен решил книгу раскрыть, страданьем
исполняясь.

Тяжко проклинала измученные Небеса британская юность,
Ибо сплошной мрак наступил, подобающий
Ангелу Альбиона.

Родители оттаскивали их прочь, и Престарелая Невинность

On a vast rock, perceiv'd by those senses that are clos'd from
thought——

Bleak, dark, abrupt it stands, and overshadows London city.

They saw his bony feet on the rock, the flesh consum'd
in flames;

They saw the Serpent temple lifted above, shadowing the Island
white;

They heard the voice of Albion's Angel, howling in flames of Ork,
Seeking the trump of the Last Doom.

Above the rest the howl was heard from Westminster, louder and
louder:

The Guardian of the secret codes forsook his ancient mansion,
Driven out by the flames of Orc; his furr'd robes
and false locks

Adherèd and grew one with his flesh and nerves, and veins shot
thro' them.

With dismal torment sick, hanging upon the wind, he fled
Groveling, along Great George Street, thro' the Park gate:
all the soldiers

Fled from his sight: he dragg'd his torments to the wilderness.

Thus was the howl thro' Europe!

For Orc rejoic'd to hear the howling shadows;

But Palamabron shot his lightnings, trenching down his
wide back;

And Rintrah hung with all his legions in the nether deep.

Enitharmon laugh'd in her sleep to see (O woman's triumph!)

Every house a den, every man bound: the shadows are fill'd

With spectres, and the windows wove over with curses of iron:

Over the doors 'Thou shalt not,' and over the chimneys 'Fear' is
written:

With bands of iron round their necks fasten'd into the walls

The citizens, in leaden gyves the inhabitants of suburbs

Проповедовала, ползая по склону Скалы,
лишающей мыслей, —
Кости Престарелой Невинности скользили по склону,
плоть шипела огнем,
Змию воздвигнутый Храм, в воздух взмыв, затенял и мрачил
белый Остров;
Ангела Альбиона рыдания прозвучали в пламени Орка,
Тщетно трубя о начале Судного дня.

Плач — и все громче и громче — стоял и в Вестминстере;
выло аббатство;
Тайного Знания хранитель покинул свою вековую обитель,
Пламенем Орка гоним: мех на рясе топорщился,
ворс и волосья
Из парика встали дыбом и с плотью и мозгом срослись
воедино.
В диких мученьях он мчался по улицам, яростным ветром
гонимый, к воротам
Парка; солдаты шарахались; вопли его разносились в пустыне.

Крик над Европой, рев!
Скованный Орк стенаниям внемлет, ликуя,
Но Паламаброн потрясает своим
Пылающим факелом; Ринтра же держит в подземных глубинах
свои легионы до верной поры.

Энитармон смеется во сне (торжество ее женского знанья!),
Видя, что в тюрьмы жилища, и в узников люди теперь
превратились;
Призраки, тени и спектры повсюду, а окна — в проклятых
решеток;
Страшное «Бог накажет» начертано на дверях и «Страшись!» —
в Небе;
В тяжких оковах в застенке лежит горожанин; и житель
предместья

Walk heavy; soft and bent are the bones
of villagers.

Between the clouds of Urizen the flames of Orc roll heavy
Around the limbs of Albion's Guardian, his flesh consuming:
Howlings and hissings, shrieks and groans, and voices of despair
Arise around him in the cloudy heavens of Albion. Furious,
The red-limb'd Angel seiz'd in horror
and torment

The trump of the Last Doom; but he could not blow
the iron tube!

Thrice he assay'd presumptuous to awake
the dead to Judgement.

A mighty Spirit leap'd from the land of Albion,
Nam'd Newton: he seiz'd the trump, and blow'd the enormous
blast!

Yellow as leaves of autumn, the myriads
of Angelic hosts

Fell thro' the wintry skies, seeking their graves,
Rattling their hollow bones in howlings
and lamentation.

Then Enitharmon woke, nor knew that she had
slept;

And eighteen hundred years were fled
As if they had not been.

She call'd her sons and daughters
To the sports of night
Within her crystal house,
And thus her song proceeds:—

'Arise, Ethinthus! tho' the earth-worm call,
Let him call in vain,
Till the night of holy shadows
And human solitude is past!

В тяжких оковах бредет; и крестьянина кости трещат
и крошатся.

В тучах Уризена Орково пламя победно бушует, сжирая
Плоть Альбионова Стража и нежные мощные члены калеча;
Крики и стоны, стенанья и плачи, отчаянья жалкие речи
О гибели Стража над Альбионом повисли. И тщетно взывает
Огненный Ангел в позоре бесславном своем и в безмерном
мученье

К Судному дню: он трубит что есть силы — труба остается
беззвучна!

Трижды пытается он Страшный суд возвестить,
воскрешая усопших.

Очнулся мощный дух

По имени Ньютон — поднял трубу и дунул

С чудовищной силой во весь Альбион!

Как листья Осени, желты и мертвы,

Мириады Ангелов пали с Небес,

Ища свои земные могилы, треща полыми костями и жалко крича.

Тогда проснулась Энитармон, не ведая больше о том,
что она спала.

Восемнадцать веков

Миновали, как будто их не было вовсе.

Сыновей с дочерьми она призвала

На празднество пышных полночных забав

В ее хрустальный дом,

Такую Песнь запев:

«Дочь Этинта, встань! Пусть угрожает Червь —

Он тебя не пожрет, пока не пройдет Ночь,

Ночь Священных теней,

Когда одинок человек.

‘Ethinthus, Queen of Waters, how thou shinest
in the sky!

My daughter, how do I rejoice! for thy children flock
around,

Like the gay fishes on the wave, when the cold moon drinks
dew.

Ethinthus! thou art sweet as comforts to my
fainting soul,

For now thy waters warble round the feet of Enitharmon.

‘Manatha-Varcyon! I behold thee flaming in my
halls.

Light of thy mother’s soul! I see thy lovely eagles round;
Thy golden wings are my delight, and thy flames of soft
delusion.

‘Where is my luring bird of Eden? Leutha,
silent love!

Leutha, the many-colour’d bow delights upon thy wings!

Soft soul of flowers, Leutha!

Sweet smiling Pestilence! I see thy blushing light;

Thy daughters, many changing,

Revolve like sweet perfumes ascending, O Leutha,

Silken Queen!

‘Where is the youthful Antamon, Prince of the Pearly Dew?

O Antamon! why wilt thou leave thy mother Enitharmon?

Alone I see thee, crystal form,

Floating upon the bosom’d air,

With lineaments of gratified desire.

My Antamon! the seven churches of Leutha seek thy love.

‘I hear the soft Oothoon in Enitharmon’s tents;

Why wilt thou give up woman’s secrecy,

my melancholy child?

Дочь Этинта, Царица Вод, как в небесах ты сияешь
прекрасно!

Дочь Этинта, сколь счастлива я зреть твои чада
вместе с тобою!

Резвые рыбки в лунной дорожке — малые чада твои,
Этинта!

Дочь моя, ты душе угодна, боль ее ран ты заговоришь —
Дочь моя, долгожданной лаской ноги омыла Энитармон!

Маната-Варкион!

Свет материнской души, пламенеешь в доме.

С тобой, златокрылым, твои орлы.

Пламя нежного заблуждения, вымолвить трудно, насколько
ты мне желанен!

Где моя райская птица соблазна, Леута, двуединство любви
с молчаньем?

Леута, радуги многоцветье на крыльях!

Леута, мать цветов!

С нежной улыбкой Чума! Вижу твой свет!

Дщери твои, о Дщерь,

Перетекают одна в другую, переливаются, как сладкие запахи.

Встань и ты, Антамон!

Юный король серебристой росы, не медли!

Почему ты покинул Матерь свою?

Я вижу одна, как горишь хрусталем,

Я вижу, как льешься в эфире миров,

Суля исполненье желаний сердцам.

Мой Антамон! семь Храмов сестры твоей Леуты истово ищут
твоей любви!

Сладкой Утуны глас

Слышу отныне под кровом Энитармон.

Тайну женщин зачем ты открыла всем?

Between two moments Bliss is ripe.
 O Theotormon! robb'd of joy, I see thy salt
 tears flow
 Down the steps of my crystal house.

'Sotha and Thiralatha! secret dwellers of dreamful caves,
 Arise and please the horrent Fiend with your
 melodious songs;
 Still all your thunders, golden-hoof'd, and bind your horses
 black.
 Orc! smile upon my children,
 Smile, son of my afflictions!
 Arise, O Orc, and give our mountains joy
 of thy red light!

She ceas'd; for all were forth at sport beneath the solemn moon
 Waking the stars of Utizen with their immortal
 songs;
 That Nature felt thro' all her pores the enormous revelry,
 Till Morning oped the eastern gate;
 Then every one fled to his station, and Enitharmon wept.

But terrible Orc, when he beheld the morning
 in the East,
 Shot from the heights of Enitharmon,
 And in the vineyards of red France appear'd the light
 of his fury.

The Sun glow'd fiery red!
 The furious Terrors flew around
 On golden chariots, raging with red wheels,
 dropping with blood!
 The Lions lash their wrathful tails!
 The Tigers couch upon the prey and suck the ruddy tide;
 And Enitharmon groans and cries in anguish and dismay.

Увы, мое печальное дитя, наслаждение мгновенье спустя
увянет.

Теотормон! Мой сын,
Счастья лишенный, я вижу, ты горько плачешь!

Сота и Тиралата! жильцы пещер,
Восстаньте из тайной тьмы и утешьте могучего Врага
пленительной песней!
Укротите ваши златоподкованные громы и сдержите черных
коней!

Орк, на братьев взгляни!
Орк, с улыбкой взгляни!
Улыбнись, мой из сердца рожденный сын,
своим кровавым сиянием горы залей!

С этим умолкла, и чада ее принялись возле пышности лунной
Звезды будить, пленниц Лоса, свои распевая бессмертные
гимны,
В жилах природы взыграло вино небывалой разгульной Пирушки;
Утро открыло Врата Востока — бежали
Каждый на прежнее место свое. И Энитармон возрыдала.

И только страшный Орк,
Увидев Восход, не пожелал возвратиться.
Низвергнут с недавней вершины, он пал
На виноградники Франции, тут же запламеневшие кровью,
громом, огнем.

Солнце в огне, в крови!
Ужас стоит кругом!
Золотые колесницы покатались на красных колесах
по красной крови.
Гневный Лев ударил хвостом по земле!
Тигр выкрался из тумана, ища добычу!
Матерь заплакала.

Then Los arose: his head he rear'd, in snaky
 thunders clad;
And with a cry that shook all Nature
 to the utmost pole,
Call'd all his sons to the strife of blood.

И тогда грозный Лос
В громе и грохоте предстал перед всем миром
И криком, пронзившим Природу насквозь,
Созвал своих сыновей, возвещая им сраженье
до последней капли крови.

Перевод В. Л. Топорова

FROM "MILTON"

* * *

And did those feet in ancient time
Walk upon England's mountains green?
And was the holy Lamb of God
On England's pleasant pastures seen?

And did the Countenance Divine
Shine forth upon our clouded hills?
And was Jerusalem builded here
Among these dark Satanic Mills?

Bring me my Bow of burning gold:
Bring me my Arrows of desire:
Bring me my Spear: O clouds unfold!
Bring me my Chariot of fire.

I will not cease from Mental Fight,
Nor shall my Sword sleep in my hand
Till we have built Jerusalem
In England's green & pleasant Land.

* * *

Thou hearest the Nightingale begin the Song of Spring.
The Lark sitting upon his earthy bed, just as the morn
Appears, listens silent; then springing from the waving
Cornfield, loud
He leads the Choir of Day: trill, trill, trill, trill,
Mounting upon the wings of light into the Great Expanse,
Reechoing against the lovely blue & shining heavenly Shell,
His little throat labours with inspiration; every feather

ИЗ ПОЭМЫ «МИЛЬТОН»

* * *

На этот горный склон крутой
Ступала ль ангела нога?
И знал ли агнец наш святой
Зеленой Англии луга?

Светил ли сквозь туман и дым
Нам лик господний с вышины?
И был ли здесь Ерусалим
Меж темных фабрик сатаны?

Где верный меч, копье и щит,
Где стрелы молний для меня?
Пусть туча грозная примчит
Мне колесницу из огня.

Мой дух в борьбе несокрушим,
Незримый меч всегда со мной.
Мы возведем Ерусалим
В зеленой Англии родной.

* * *

Ты слышишь, первый соловей заводит песнь весны —
Меж тем как жаворонок ранний на земляной постели
Сидит, прислушиваясь молча, едва забрезжит свет.
Но скоро, выпорхнув из моря волнующейся ржи,
Ведет он хор веселый дня —
Трель-трель, трель-трель, трель-трель, —
Взвиваясь ввысь на крыльях света — в безмерное
пространство.

On throat & breast & wings vibrates with the effluence
 Divine

All Nature listens silent to him, & the awful Sun
 Stands still upon the Mountain looking
 on this little Bird

With eyes of soft humility & wonder, love & awe,
 Then loud from their green covert all the Birds begin
 their Song:

The Thrush, the Linnet & the Goldfinch, Robin & the Wren
 Awake the Sun from his sweet reverie upon
 the Mountain.

The Nightingale again assays his song, & thro' the day
 And thro' the night warbles luxuriant, every Bird
 of Song

Attending his loud harmony with admiration & love.
 This is a Vision of the lamentation of Beulah
 over Ololon.

* * *

Thou perceivest the Flowers put forth their precious Odours,
 And none can tell how from so small a center comes such sweets,
 Forgetting that within that Center Eternity expands
 Its ever during doors that Og & Anak fiercely guard.
 First, e'er the morning breaks, joy opens in the flowery bosoms,
 Joy even to tears, which the Sun rising dire,
 first the Wild Thyme

And Meadow-sweet, downy & soft waving among the reeds,
 Light springing on the air, lead the sweet Dance: they wake
 The Honeysuckle sleeping on the Oak; the flaunting beauty
 Revels along upon the wind; the White-thorn, lovely May,
 Opens her many lovely eyes listening; the Rose still sleeps
 None dare to wake her; soon she bursts her crimson curtain'd bed
 And comes forth in the majesty of beauty; every Flower,

И звуки эхом отдаются, стократ отражены
Небесной раковиной синей. А маленькое горло
Работает, не уставая, и каждое перо
На горле, на груди, на крыльях трепещет от прилива
Божественного тока. Вся природа,
Умолкнув, слушает. И солнце на гребне дальних гор
Остановилось и глядит на маленькую птичку
Глазами страха, удивленья, смиренья и любви.
Но вот из-под зеленой кровли свой голос подают
Все пробудившиеся птицы дневные — черный дрозд,
Малиновка и коноплянка, щегол и королек —
И будят солнце на вершине от сладостного сна.
А там уж снова соловей зальется щедрой трелью,
Зашелкает на все лады с заката до утра.
И всюду — в рощах и полях — с любовью,
с изумленьем
Перед гармонией его умолкнет птичий хор.

* * *

Ты замечаешь, что цветы льют запах драгоценный.
Но непонятно, как из центра столь малого кружка
Исходит столько аромата. Должно быть, мы забыли,
Что в этом центре — бесконечность, чьи тайные врата
Хранит невидимая стража бессменно день и ночь.

Едва рассвет забрезжит, радость всю душу
распахнет
Благоухающую. Радость до слез. Потом их солнце
До капли высушит.

Сперва тимьян и кашка
Пушистая качнутся и, вспорхнув
На воздух, начинают танец дня
И будят жимолость, что спит, объемля дуб.

The Pink, the Jessamine, the Wall-flower, the Carnation,
The Jonquil, the mild Lilly, opes her heavens; every Tree
And Flower & Herb soon fill the air with an innumerable Dance,
Yet all in order sweet & lovely. Men are sick with Love,
Such is a Vision of the lamentation of Beulah over Ololon.

Комментарии

КОММЕНТАРИИ ¹

Первые посмертные издания Блейка относятся к середине XIX века. В основном, они были осуществлены участниками «Прерафаэлитского братства». Особенно велики заслуги братьев Россетти и Александра Гилкрита (см. предисловие, с. 6—7).

Научное издание Блейка было впервые подготовлено в 1925 г. сэром Дж. Кинсом, посвятившим изучению его творчества в целом около шестидесяти лет. Ученый осуществил и факсимильные перепечатки всех дошедших до нас награвированных самим Блейком произведений. Итогом работы Дж. Кинса над творчеством Блейка явились его издания 60-х годов: Geoffrey Keynes (Ed.). *The Complete Writing of William Blake*, Oxford, 1966; Geoffrey Keynes (Ed.). *The Letters of William Blake*, Hart-Davis, 1968.

Из других современных изданий укажем однотомники под редакцией У. Б. Йетса (*The Poems of William Blake*, Ed. by W. B. Yeats, Lnd. 1905), А. Кейзина (*The Portable Blake*, Ed. by A. Kazin, N. Y., 1946) и новейшее издание А. Острайкер.

В России первое упоминание о Блейке появилось в 1834 г., когда в журнале «Телескоп» была перепечатана из какого-то английского журнала заметка, характеризовавшая поэта в духе тогдашних представлений как «безумца». Первые стихотворные переводы из Блейка были сделаны в 1900 г. К. Бальмонтом (вошли в его книгу «Из мировой поэзии», Берлин, 1921). С 10-х годов Блейка начал переводить С. Маршак, периодически возвращавшийся к нему на протяжении десятилетий и сделавший его творчество достоянием широкого круга русских читателей. В 1965 г. вышел его итоговый сборник «Вильям Блейк в переводах С. Маршака». Многие переводы С. Маршака без изменений перепечатывались в после-

¹ Настоящие комментарии опираются на следующие исследования: Damon S. F. *The Blake Dictionary: The Ideas and Symbols of William Blake*, Providence, 1965; Beer, John. *Blake's Visionary Universe*, Manchester, 1969; Erdman D. V. *Blake: Prophet Against Empire*, N. Y., 1977. Используются также примечания А. Острайкер в издании *The Complete Poems of William Blake*, Ed. by Alicia Ostriker, Penguin Books, 1977.

1. SONG

1. ПЕСНЯ

Одно из первых стихотворений Блейка, написанных, когда ему было около 14 лет.

the Prince of Love — Эрос, или Купидон

my golden wing — вероятно, имеется в виду Психея, нередко изображавшаяся в виде бабочки или молодой женщины с крыльями бабочки

Приводим перевод А. Парина:

Несли беззаботные крылья мои
 Меня по лугам, по долинам,
 Пока я не встретила князя любви
 И стал он моим властелином.

И он плетеницей увил мне чело
 И в волосы вплел мне лилеи,
 И в сад, где все золотом буйным цвело,
 Вошла я, от счастья хмелея.

И майские росы кропили крыла,
 И пела я песни, ликуя, —
 Шелковая сеть мне крыла оплела,
 Попала я в клеть золотую.

И любо с улыбкой у клетки сидеть
 И слушать меня чародею,
 На крылья мои золотые глядеть,
 Глумясь над неволей моею.

2. TO SPRING

2. К ВЕСНЕ

Первое стихотворение из так наз. «Стихов о временах года», где у Блейка впервые выражена идея цикличности человеческой

жизни и принцип четырехступенчатого построения, важный для его космогонии (см. коммент. к «Странствию» и «Бракосочетанию Рая и Ада»).

...languish'd head — цитата из Мильтона (John Milton, 1608-1674): «Комус» (*Comus*, 1634, 1. 744); «Самсон Борец» (*Samson Agonistes*, 1671, 1. 119)

5. TO WINTER

5. К ЗИМЕ

mount Hecla — Гекла, вулкан в Исландии

6. MAD SONG

6. БЕЗУМНАЯ ПЕСНЯ

Навечно чтением «Короля Лира», прежде всего монологами Эдгара. В сборнике Томаса Перси (Thomas Percy, 1729-1811) «Реликты древнеанглийской поэзии» (*Reliques of Ancient English Poetry*, 1765), с которым Блейк, по всей видимости, был хорошо знаком, есть цикл из шести стихотворений под общим заглавием «Безумные песни». Считается одним из первых произведений Блейка, в которых выразилось неприятие узкорационалистического материализма XVIII в.

...the night is a-cold — ср. в «Короле Лире» (акт III, сц. 4): "Poor Tom's a-cold"

Like a fiend in a cloud — у Блейка облако — символ тела, являющегося темницей души (см. в «Песнях Неведения» «Вступление» и «Черный мальчик», а также в «Песнях Познания» — «Дитя-горе»)

7. TO THE MUSES

7. К МУЗАМ

Ida — Ида, гора на о. Крит, место рождения Зевса; по другим мифам, эта гора находилась в окрестностях Трои и на ней происходил суд Париса

Fair Nine — Девять муз античной мифологии

8. BLIND MAN'S BUFF
8. ИГРА В ЖМУРКИ

Ритмика стихотворения и образность первых строк наводят на предположение, что перед нами подражание комедии Шекспира «Напрасные усилия любви» (*Love's Labour's Lost*, Act V, Sc. 2): “When icicles hang by the wall/And Dick the shepherd blows his nail.”

9. GWIN, KING OF NORWAY
9. КОРОЛЬ ГВИН

Сюжет баллады позаимствован у Томаса Чаттертона (Thomas Chatterton, 1752-1770), чьи произведения представляют собой имитации средневековой фольклорной поэзии. В сборнике Чаттертона «Всякая всячина» (*Miscellanies in Prose and Verse*, 1778) есть баллада «Гордред Ковен» (*Gordred Covan*), повествующая о норвежском тиране, покорившем Остров человека. Д. Эрдман полагает, что в этом стихотворении Блейк откликнулся на события американской революции 1776 г. Как и некоторые другие комментаторы, он считает Гордред прообразом Орка из «пророческих книг» (см. коммент. к «Америке»).

Like blazing comets — возможно, заимствование из первой части «Генриха IV» (акт I, сц. 1), где армии сходятся “like the meteors of a troubled heaven”

10. FROM “KING EDWARD THE THIRD”
10. ПЕСНЯ МЕНЕСТРЕЛЯ

Отрывок (сц. VI) из незавершенной драмы «Эдуард III», навеянной шекспировскими хрониками, главным образом, «Генрихом V». Основным источником для Блейка послужила, видимо, книга Томаса Кука (Thomas Cooke. *Life of King Edward III of England*, Lnd., 1734), изображавшая Эдуарда III «прославленным обходительным убийцей» (“a gallant and illustrious Murderer”), хотя

образ, созданный Блейком, противостоит такой трактовке исторического персонажа. В драме впервые появляются символы, развитые в «пророческих книгах»: Орел — воплощение Гения, Альбион — символ человечества, поработленного механическим разумом (см. также коммент. к «Америке»).

Trojan Brutus — имеется в виду Брут, который, согласно мифу, бежал из Трои и, победив гигантов, населявших Британские острова, положил начало нации бриттов

prevented — зд. prefigured, anticipated

11. FROM "AN ISLAND IN THE MOON"

11. СТИХИ ИЗ «ОСТРОВА НА ЛУНЕ»

Неоконченная рукопись Блейка в прозе и стихах, своего рода сатирическое обозрение в традициях литературы XVIII в., была создана примерно к 1784 г. По замыслу должна была изображать жителей Луны как общество, «имеющее некоторое сходство с Англией». В персонажах произведения пародийно запечатлены некоторые друзья Блейка и он сам. Публикуются песни из 9-й и 11-й глав этой рукописи: они исполняются философом Квидом по прозвищу Циник (имеется в виду Блейк) и мисс Джиттипин (вероятно, имеется в виду жена Джона Флаксмена, см. коммент. к «Поэтическим наброскам»).

Sir Isaac Newton — на Ньютона Блейк бесосновательно возлагал вину за воцарение механистического разума как нормы мышления и поведения

Doctor South/Or Sherlock upon Death — Подразумеваются авторы религиозных трактатов Роберт Саут (1634—1716) и Уильям Шерлок (1641—1707); последнему, в частности, принадлежит сочинение *A Practical Discourse concerning Death*, 1689.

Sutton — Томас Саттон (1532—1611), филантроп, основавший на началах благотворительности мужскую школу и приют для престарелых «Чартерхаус».

SONGS OF INNOCENCE AND OF EXPERIENCE

*Shewing the Two Contrary States
of the Human Soul*

ПЕСНИ НЕВЕДЕНИЯ И ПОЗНАНИЯ,

*изображающие два противоположных
состояния человеческой души*

«Песни Неведения» создавались приблизительно между 1784—1790 гг., впервые награвированы в 1789 г. (31 лист, сохранился 21 экземпляр). Стихотворения «Нянюшкина песня», «Заблудившийся мальчик», «Святой четверг» первоначально входили в рукопись «Острова на Луне».

«Песни Познания» создавались в основном между 1790—1792 гг., впервые награвированы совместно с «Песнями Неведения» в 1794 г. (54 листа, сохранилось 27 экземпляров). В дальнейшем гравировались только вместе с первым циклом.

При окончательном редактировании из «Песен Неведения» в «Песни Познания» были перенесены 4 стихотворения: «Заблудшая дочь», «Обретенная дочь», «Школьник», «Голос древнего барда». Стихотворение «К Тирзе» добавлено не ранее 1803 г.

Идея объединения «Песен» в единое целое могла быть подсказана Блейку его любимым поэтом Мильтоном, издавшим в 1645 г. в виде диптиха свои юношеские поэмы *L'Allegro* и *Il Penseroso*, где один и тот же герой изображен на двух стадиях своего духовного развития. Сходный принцип композиции применен Айзеком Уоттсом (Isaac Watts, 1674-1748) в его «Божественных песнях для детей на простом языке» (*Divine Songs Attempted in Easy Language for the Use of Children*, 1715). По своему содержанию, однако, стихи Блейка либо очень далеки от поэзии Уоттса, либо полемичны по отношению к ней.

В издании Дж. Сэмпсона стихи расположены согласно блейковскому изданию 1794 г. В дальнейшем порядок расположения менялся, окончательный вариант установлен сэром Дж. Кинсом и принят во всех новейших изданиях, включая и настоящее.

SONGS OF INNOCENCE
ПЕСНИ НЕВЕДЕНИЯ

13. INTRODUCTION

13. ВСТУПЛЕНИЕ

Стихотворение содержит основную мысль всего цикла: от безмятежности Неведения через горечь Познания к высшему жизнепрятию. Приводим перевод В. Топорова:

С дудкой я бродил в лесах,
Дул в зеленое жерло.
Вижу: с тучки в небесах
Свесилось дитя мало.

— Про ягненка мне сыграй! —
Я сыграл, как мне велят.
— Ах! и снова начинай! —
Вижу: божий мальчик рад.

— Если в песне есть слова,
Их, счастливец, не таи! —
Спел я, что играл сперва.
Хвалит он слова мои.

— В книжку песню помести,
Чтобы все прочесть могли! —
И уж облачко в пути...
Взял я пригоршню земли,

Ею воду замутил
И тростинку поломал:
Без пера и без чернил
Детям книгу написал.

15. THE ECHOING GREEN

15. ЗЕЛЕНОЕ АУ

Приводим перевод С. Маршака:

Смеющееся эхо

Солнце взошло,
И в мире светло.
Чист небосвод.
Звон с вышины
Славит приход
Новой весны.
В чаще лесной
Радостный гам
Вторит весной
Колоколам.

А мы, детвора,
Чуть свет на ногах,
Играем с утра
На вешних лугах,
И вторит нам эхо
Раскатами смеха.
Вот дедушка Джон.
Смеется и он.
Сидит он под дубом
Со старым народом,
Таким же беззубым
И седобородым.

Натешившись нашей
Веселой игрой.
Седые папаши
Бормочут порой:
— Кажись, не вчера ли
На этом лугу

Мы тоже играли,
Смеясь на бегу,
И взрывами смеха
Нам вторило эхо!

А после заката
Пора по домам.
Теснятся ребята
Вокруг своих мам.
Так в сумерках вешних
Скворчата в скворешнях,
Готовясь ко сну,
Хранят тишину.
Ни крика, ни смеха
Впотьмах на лугу.
Устало и эхо.
Молчит, ни гугу.

16. THE LAMB

16. ЯГНЕНОК

В стихотворении содержится евангельская реминисценция: «На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира» (От Иоанна, I, 29). Ср. также заключительные строки трактата Блейка «Не существует естественной религии» (*There is No Natural Religion*): “Therefore God becomes as we are, that we may be as He is.” Перевод В. Топорова публикуется впервые.

Приводим перевод С. Маршака:

Агнец
Агнец, агнец белый!
Кем ты, агнец, сделан?
Кто пастись тебя привел
В наш зеленый вешний дол,

Дал тебе волнистый пух,
Голосок, что нежит слух?

Кто он, агнец милый?
Кто он, агнец милый?

Слушай, агнец кроткий,
Мой рассказ короткий.
Был, как ты, он слаб и мал.
Он себя ягненком звал.
Ты — ягненок, я — дитя.
Он такой, как ты и я.

Агнец, агнец милый,
Бог тебя помилуй!

17. THE LITTLE BLACK BOY
17. НЕГРИТЕНОК

В стихотворениях Уоттса (см. коммент. на с. 503) *Praise for Birth and Education in a Christian Land* и *Praise for the Gospel* английский мальчик благодарит Бога за то, что родился христианином, а не язычником. Стихотворение Блейка утверждает равенство всех обитающих в царстве Неведения.

Приводим перевод С. Маршака:

Черный мальчик

Мне жизнь в пустыне мать моя дала,
И черен я — одна душа бела.
Английский мальчик светел, словно день,
А я черней, чем темной ночи тень.

Учила мать под деревом меня
И, прерывая ласками урок,
В сиянье раннем пламенного дня
Мне говорила, глядя на восток:

— Взгляни на Солнце — там господь живет,
Он озаряет мир своим огнем.
Траве, зверям и людям он дает
Блаженство утром и отраду днем.

Мы посланы сюда, чтоб глаз привык
К лучам любви, к сиянию небес.
И это тельце, этот черный лик —
Ведь только тучка иль тенистый лес.

Когда глазам не страшен будет день,
Растает тучка. Скажет он: «Пора!
Покиньте, дети, лиственную сень,
Резвитесь здесь, у моего шатра!»

Так говорила часто мать моя.
Английский мальчик, слушай, если ты
Из белой тучки выпорхнешь, а я
Освобожусь от этой черноты, —

Я заслону тебя от зноя дня
И буду гладить золотую прядь,
Когда, головку светлую клоня,
В тени шатра ты будешь отдыхать.

to bear the beams of love — ср. стихотворение Уоттса *Grace Shining and Nature Fainting*: “Nor is my soul refined enough/To bear the beaming of his love,/And feel his warmer smiles.”

Is but a cloud — см. коммент. к стихотворению «Безумная песня»; ср. также Данте «Чистилище», II, ст. 122—123

19. THE CHIMNEY SWEEPER

19. МАЛЕНЬКИЙ ТРУБОЧИСТ

Стихотворение представляет собой отклик Блейка на призывы передовой общественности Англии запретить эксплуатацию дет-

В это утро мы шли на работу впотьмах,
Каждый с черным мешком и с метлою в руках.
Утро было холодным, но Том не продрог.
Тот, кто честен и прям, не боится тревог.

'weep! 'weep! 'weep! — иронически обыгрывается типичное для того времени разговорное произношение слова “sweep”

20. THE LITTLE BOY LOST

20. ЗАБЛУДИВШИЙСЯ МАЛЬЧИК

Некоторыми комментаторами стихотворение рассматривается как предвестие позднейших философских произведений Блейка о человечестве, оказавшемся в плену плоскорационалистических представлений и утратившем Бога. Перевод В. Топорова публикуется впервые.

Приводим перевод С. Маршака:

«Где ты, отец мой? Тебя я не вижу,
Трудно быстрее мне идти.
Да говори же со мной, говори же,
Или собьюсь я с пути!»

Долго он звал, но отец был далеко.
Сумрак был страшен и пуст.
Ноги тонули в тине глубокой,
Пар вылетал из уст.

And away the vapour flew — Слово “vapour” употреблено здесь в значении «блуждающий огонек», подобный болотным огням (ср. will-o'-the wisp), и непосредственно связано с “wandr'ng light” следующего стихотворения. Лист, на котором награвированы эти стихи, изображает мальчика, протягивающего руки к лучу света: он предчувствует приближение Отца.

21. THE LITTLE BOY FOUND

21. МАЛЬЧИК НАЙДЕННЫЙ

Перевод В. Топорова публикуется впервые.

Приводим перевод С. Маршака:

Маленький мальчик, устало бредущий
 Вслед за болотным огнем,
 Звать перестал. Но отец вездесущий
 Был неотлучно при нем.

Мальчика взял он и краткой дорогой,
 В сумраке ярко светя,
 Вывел туда, где с тоской и тревогой
 Мать ожидала дитя.

23. A CRADLE SONG

23. КОЛЫБЕЛЬНАЯ

По своей метрической организации «Колыбельная» близка стихотворению Уоттса *Cradle Hymn*. Однако, если в стихотворении Уоттса благополучие младенца противопоставлено бесприютности Иисуса, по преданию родившегося в хлеву (“How much better thou’rt attended/Than the Son of God could be... Here’s no ox anear thy bed”), то Блейк скорее подчеркивает близость ребенка и творца (“Sweet babe once like thee,/Thy maker lay and wept for me”).

24. THE DIVINE IMAGE

24. ПО ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ

all must love — В данном случае слово “must” указывает не только долженствование, но и существование, выступая синонимом как should, так и do.

25. HOLY THURSDAY

25. СВЯТОЙ ЧЕТВЕРГ

Приводим перевод С. Маршака:

Куда идут ряды детей, умытых, чистых, ясных,
 В нарядных платьях — голубых, зеленых, синих, красных?

Седые дядьки впереди. Толпа течет под своды
Святого Павла, в гулкий храм, шумя, как Темзы воды.

Какое множество детей — твоих цветов, столица!
Они сидят над рядом ряд, и светятся их лица.
Растет в соборе смутный шум, невинный гул ягнят.
Ладони подняты у всех, и голоса звенят.

Как буря, пенье их летит вверх из пределов тесных,
Гремит, как гармоничный гром среди высот небесных.
Седые пастыри внизу. Лелейте же сирот,
Чтоб добрый ангел не ушел от запертых ворот.

Holy Thursday — День Вознесения в англиканской церкви
(первый четверг мая). В лондонском соборе св. Павла в этот день
на торжественную службу собирали сирот.

mighty wind — ср. *Acts*, II, 2-4

26. NIGHT

26. НОЧЬ

Приводим перевод В. Топорова, публикуемый впервые:

Ночь

Взошла, хоть все еще закат,
Вечерняя звезда.
Умолкши, в гнездах птицы спят,
Лишь я лишен гнезда.
Луна, как растение,
В небесном цветении
Любуется тьмой
С улыбкой немой.

Покойны травы и стога,
Отрада дневных стад.

Ягнята дремлют. На луга
Заступники спешат.
Они, светозарные,
Вольют в благодарные
Земные создания
Свое ликование.

Они обстанут тишь гнезд
И мир звериных нор,
Ночных деревьев неслышный рост
И сонный плеск озер.
А встретят неспящего
И жалко кричащего —
Пребудут при нем
Забвеньем и сном.

Где кровоалчны Волк и Лев,
Они вздымают стон
О том, чтоб сгинул глад и гнев
И агнец был спасен.
А зверь не отступится —
Пред богом заступятся
За тварь убиенную,
За душу бесценную.

И в рай ведут овцу со львом,
Но лев уже не тот:
Из огненных очей ручьем
Златые слезы лет.
«Мое превращение —
В его всепрощение,
И кротость его —
Мое естество!

Теперь, ягненок, я пасусь
С тобою наравне

И Агнцу Божьему молюсь
 В небесной вышине.
 В блаженном раскаянье
 Сбылись мои чаянья,
 Ночь стала благой,
 А грива — златой!»

And now beside thee... — ср. Исаия, II, 6: «Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их»

...life's river — ср. Откровение Иоанна Богослова, 22, 1: «И показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца»

30. A DREAM

30. СОН

В сборнике Уоттса имеется стихотворение *The Ant, or Emmet* по метрическому рисунку совпадающее с этим стихотворением Блейка.

hie = hasten

31. ON ANOTHER'S SORROW

31. О СКОРБИ БЛИЖНЕГО

Wiping all our tears away — ср. Откровение Иоанна Богослова, 7, 17: «...и отрет Бог всякую слезу с очей их»

SONGS OF EXPERIENCE

ПЕСНИ ПОЗНАНИЯ

32. INTRODUCTION

32. ВСТУПЛЕНИЕ

Стихотворение содержит призыв к Падшему Человеку, чьим символом выступает Земля, восстать и вернуть себе утраченное могущество над Вселенной. Человек должен жить не по законам

механического разума, а по законам воображения, являющегося для Блейка высшей способностью человека.

Calling the lapsèd soul — подразумевается грехопадение Адама и Евы

The starry pole — Северный полюс. В символике Блейка ассоциируется с состоянием войны.

O Earth, O Earth, return! — ср. Иеремия 22, 29: «О, земля, земля, земля! Слушай слово Господне»

The starry floor, /The wat'ry shore — в символике Блейка обозначения царства Уризена, или же «ньютоновского (см. коммент. на с. 505) космоса», как и *starry Jealousy* и *the heavy chain* в следующем стихотворении

33. EARTH'S ANSWER

33. ОТВЕТ ЗЕМЛИ

Развитие темы предыдущего стихотворения: волею Уризена мир окован цепями страха и зла, а Вечность подменена в нем конечностью времени и пространства.

35. HOLY THURSDAY

35. СВЯТОЙ ЧЕТВЕРГ

Параллель к одноименному стихотворению «Песен Неведения». Перевод В. Топорова публикуется впервые.

Приводим перевод С. Маршака:

Святой четверг

Чем этот день весенний свят,
Когда цветущая страна
Худых, оборванных ребят,
Живущих впроголодь, полна?

Что это — песня или стон
Несется к небу, трепеща?
Голодный плач со всех сторон.
О, как страна моя нища!

Видно, сутки напролет
Здесь царит ночная тьма,
Никогда не тает лед,
Не кончается зима.

Где сияет солнца свет,
Где роса поит цветы, —
Там детей голодных нет,
Нет угрюмой нищеты.

36. THE LITTLE GIRL LOST

36. ЗАБЛУДШАЯ ДОЧЬ

Grave = engrave

And the desert wild / Become a garden mild — Согласно античной мифологии, Земля превращается в бесплодную пустыню в период пребывания Персефоны в подземном царстве Аида и вновь расцветает каждой весной, когда по велению Зевса Персефона возвращается к своей матери Деметре. Ср. также Исаия, 35, I: «Возвеселится пустыня и сухая земля, и возрадуется страна необитаемая, и расцветет, как нарцисс».

Луца — Один из блейковских образов чистой души, которая страдает, приобщаясь к Познанию (ср. «Книгу Тэль»). Гравюра изображает не семилетнюю девочку, а девушку-подростка в объятиях юноши.

37. THE LITTLE GIRL FOUND

37. ОБРЕТЕННАЯ ДОЧЬ

allay = put to rest

38. THE CHIMNEY SWEEPER

38. МАЛЕНЬКИЙ ТРУБОЧИСТ

Параллель к одноименному стихотворению «Песен Неведения».

39. NURSE'S SONG

39. нянюшкина ПЕСНЯ

Параллель к одноименному стихотворению «Песен Неведения».

40. THE SICK ROSE
40. БОЛЬНАЯ РОЗА

В представлениях Блейка любовь — это чисто духовное переживание, непримиримое с физическим инстинктом, символом которого является червь в данном стихотворении и других произведениях, изображающих мир Познания (в стихах о Неведении этот образ отсутствует). Приводим перевод А. Парина:

О роза, ты гибнешь!
Червь, миру незрим,
В рокотании бури,
Под покровом ночным

Высмотрел ложе
Алого сна твоего
И потайной и мрачной любовью
Губит твое естество.

41. THE FLY
41. МОТЫЛЕК

В XVIII в. слово “fly” означало любое крылатое насекомое яркой окраски. Перевод В. Топорова публикуется впервые. Приводим перевод С. Маршака:

Муха

Бедняжка муха,
Твой летний рай
Смахнул рукою
Я невзначай.

Я — тоже муха:
Мой краток век.
А чем ты, муха,
Не человек?

Вот я играю,
Пою, пока
Меня слепая
Сметет рука.

Коль в мысли сила,
И жизнь, и свет,
И там могила,
Где мысли нет, —

Так пусть умру я
Или живу, —
Счастливой мухой
Себя зову.

Am not I/A fly like thee? — Ср. у Т. Грея (Thomas Gray, 1716-1771) *Ode on the Spring*: “Poor Moralist! and what art Thou? A solitary fly!”

42. THE ANGEL

42. АНГЕЛ

По своему общему смыслу перекликается с «Больной розой».

43. THE TYGER

43. ТИГР

Параллель к стихотворению «Ягненок» из «Песен Неведения». Многочисленные толкования «Тигра» отражают сложность центрального образа-символа. Большинство современных комментаторов в большей или меньшей степени разделяют интерпретацию, предложенную С. Ф. Демонем (S. F. Damon): олицетворяя ярость разрушения, Тигр символизирует и очистительную энергию, необходимую, чтобы сокрушить заблуждения и зло мира, поработанного Уризенем, и проложить путь к свету через темные заросли людских самообманов и жестокостей, составляющих сущность современного бытия.

Приводим перевод К. Бальмонта:

Тигр, тигр, жгучий страх,
Ты горишь в ночных лесах.
Чей бессмертный взор, любя,
Создал страшного тебя?

В небесах иль среди зыбей
Вспыхнул блеск твоих очей?
Как дерзал он так парить?
Кто посмел огонь схватить?

Кто скрутил и для чего
Нервы сердца твоего?
Чьею страшною рукой
Ты был выкован — такой?

Чей был молот, цепи чьи,
Чтоб скрепить мечты твои?
Кто взметнул твой быстрый взмах,
Ухватил смертельный страх?

В тот великий час, когда
Возвала к звезде звезда,
В час, как небо все зажглось
Влажным блеском звездных слез, —

Он, создание любя,
Улыбнулся ль на тебя?
Тот же ль он тебя создал,
Кто рожденье агнцу дал?

Приводим также широкоизвестный перевод С. Маршака:

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чащи,

Кем задуман огневой
Соразмерный образ твой?

В небесах или глубинах
Тлел огонь очей звериных?
Где таился он века?
Чья нашла его рука?

Что за мастер, полный силы,
Свил твои тугие жилы
И почувствовал меж рук
Сердца первый тяжкий звук?

Что за горн пред ним пылал?
Что за млат тебя ковал?
Кто впервые сжал клещами
Гневный мозг, метавший пламя?

А когда весь купол звездный
Оросился влагой слезной, —
Улыбнулся ль, наконец,
Делу рук своих творец?

Неужели та же сила,
Та же мощная ладонь
И ягненка сотворила,
И тебя, ночной огонь?

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чащи!
Чьей бессмертной рукой
Создан грозный образ твой?

forests of the night — у Данте («Ад») и Мильтона («Комус») лесная чащоба олицетворяет земное бытие

45. AN! SUN-FLOWER...

45. АХ! ПОДСОЛНУХ!..

Who countest the steps of the sun — В «Метаморфозах» Овидия нимфа Клития, отвергшая любовь бога солнца Гипериона, обращена в цветок, на протяжении всего дня поворачивающий голову вслед солнцу.

46. THE LILY

46. ЛИЛЕЯ

Приводим перевод С. Маршака:

Есть шип у розы для врага,
А у барашка есть рога.
Но чистая лилия так безоружна,
И, кроме любви, ничего ей не нужно.

Приводим также перевод В. Потаповой:

Лилии

Шипы для защиты испытаны Розой.
Своей красоты не пятнают угрозой
В любовном всесии лишь белые Лилии,
Восторженно льющие свой блеск в изобилии.

47. THE GARDEN OF LOVE

47. САД ЛЮБВИ

Согласно Блейку, в сфере Познания властвует церковность, обращающая в кладбище райский сад Неведения, тогда как подлинная вера не имеет ничего общего с религиозной догматикой и запретами. Перевод В. Топорова публикуется впервые.

Приводим перевод В. Потаповой:

Я увидел в Саду Любви,
На зеленой лужайке, — там,
Где, бывало, резвился я, —
Посредине стоящий Храм.

Я увидел затворы его,
«Ты не должен!» — прочел на вратах.
И взглянул я на Сад Любви,
Что всегда утопал в цветах.

Но, вместо душистых цветов,
Мне предстали надгробья, ограды
И священники в черном, вязавшие терном
Желанья мои и отрады.

48. THE LITTLE VAGABOND
48. МАЛЕНЬКИЙ БРОДЯЖКА

Приводим перевод В. Топорова, публикуемый впервые:

Сорванец

Маманя, чем в церкви холодной дрожать,
Уж лучше в кабаке я отправлюсь опять;
Хоть знаю о том, что пиво с вином
На небе считают смертельным грехом.

Вот если бы в церкви давали пивка,
Да грели бы грешников у камелька,
Любой бы орал священный хорал,
А грязный кабаке за углом прогорал.

Вот что бы священнику выпить со мной —
Я возликовал бы, как птичка весной;
Да выгнать к чертям уродливых дам,
Которые нас приучают к постам.

Да если б Господь, как папаша хмельной,
Играл бы, дурачился вместе со мной,
Не клял Сатану за тягу к вину,
А выпил бы с ним, да притом не одну!

49. LONDON

49. ЛОНДОН

Приводим перевод В. Топорова, публикуемый впервые:

Лондон

Размышляя о Правах,
Я по Лондону брожу.
В каждом взоре вижу страх,
Страх и горе нахожу.

В каждом крике каждых уст,
В хоре детских голосов, —
Каждый шорох, каждый хруст —
Ржанье ржавых кандалов.

Церковь каждую клянут
Трубочистов черных кличи,
Вопли ветеранов льют
Кровь — в дворцовое величье.

А в ночи — всего лютей
Шлюхи визг, чернотворящий
Новорожденных — в чертей,
Новобрачных — в прах смердящий.

each charter'd street ... charter'd Thames — Блейк иронически обыгрывает слово “charter”, означающее сумму привилегий и свобод, предоставленных хартиями городу Лондону.

50. THE HUMAN ABSTRACT

50. ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ АБСТРАКЦИЯ

Параллель к стихотворению «По образу и подобию» из «Песен Неведения».

51. INFANT SORROW

51. ДИТЯ-ГОРЕ

Параллель к стихотворению «Дитя-радость» из «Песен Неведения».

53. A LITTLE BOY LOST

53. ЗАБЛУДИВШИЙСЯ МАЛЬЧИК

Параллель к стихотворениям «Заблудившийся мальчик» и «Мальчик найденный» из «Песен Неведения». Перекликается со стихотворением Уоттса *Obedience to Parents*.

55. TO TIRZAN

55. К ТИРЗЕ

Имя Тирза взято из «Песни Песней» (6, 4). Персонаж фигурирует у Блейка также в «Мильтоне» и «Иерусалиме». Олицетворение физической страсти, отвергнутой, поскольку плотский инстинкт лишает любовь духовности. На гравюре изображено тело мертвеца, над которым склонился старик, готовящий его к погребению; на одеянии старика начертано: “It is raised a spiritual body” (*I Corinthians*, 15, 44).

FROM “THE ROSSETTI MANUSCRIPTS”

ИЗ «МАНУСКРИПТА РОССЕТТИ»

Альбом, представляющий собой рабочую тетрадь Блейка и заполнявшийся рисунками и стихами приблизительно с 1789 по 1811 гг. Был приобретен в 1847 г. Данте Габриэлем Россетти. Содержит первоначальные варианты ряда стихотворений из «Песен Неведения и Познания», а также стихи, не включенные в этот цикл, рисунки, прозаические заметки и пр. В издании Дж. Кинса обосновано деление материала этой тетради на три раздела по хронологическому принципу, сохраняемое и нами. Датировка обосновывается, исходя из размещения набросков тех гравюр, относительно которых с большей или меньшей точностью известно время исполнения.

1789—1793

58. NEVER SEEK TO TELL THY LOVE...

58. СЛОВОМ ВЫСКАЗАТЬ НЕЛЬЗЯ...

Приводим перевод В. Топорова, ранее не публиковавшийся:

Изреченная любовь
Станет отреченной;
И безмолвен, и незрим
Ветер сокровенный.

Я ей открыл, я ей открыл
Любовь мою и душу —
Задрожала, зарыдала,
Убежала тут же.

А прохожий той порой,
Сокровенно хладен,
И безмолвен, и незрим,
Быстро с нею сладил.

59. I SAW A CHAPEL ALL OF GOLD...

59. ПРЕДСТАЛ МНЕ ЗЛАТОГЛАВЫЙ ХРАМ...

Одно из стихотворений Блейка, обличающих церковь-«блудницу», которая, по его представлениям, не имеет ничего общего с духом и смыслом христианского учения.

Перевод В. Топорова публикуется впервые. Приводим перевод В. Потаповой:

Я храм увидел золотой —
И оробел. Он был открыт,
И тьма народа перед ним
Молилась, плакала навзрыд.

Увидел я змею меж двух
Колонн, сверкавших белизной.
Сбив створки с петель золотых,
Она вползла в проем дверной.

В рубинах, перлах гладкий пол
Раскинулся, как жар горя.

А склизкая ползла, ползла
И доползла до алтаря.

На вино и хлеб святой
Изрыгнула яд змея.
Я вернулся в хлев свиной.
Меж свиней улегся я.

61. I HEARD AN ANGEL SINGING...

61. Я СЛЫШАЛ АНГЕЛА ПЕНЬЕ...

Предполагалось в качестве параллели к стихотворению «По образу и подобию» из «Песен Неведения». Отдельные строки в несколько измененном виде вошли в «Человеческую абстракцию» из «Песен Познания».

62. A CRADLE SONG

62. КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Предполагалось в качестве параллели к «Колыбельной» из «Песен Неведения».

Перевод В. Топорова публикуется впервые.

64. INFANT SORROW

64. ДИТЯ-ГОРЕ

Две первые строфы вошли в одноименное стихотворение из «Песен Познания».

But the time of youth is fled / And grey hairs are on my head — строки повторены в стихотворении «Под миртовым деревом» и с небольшим изменением в стихотворении «Ангел» («Песни Познания»).

67. TO NOBODADDY

67. НИЧЬЕМУ ОТЦУ

Одно из многочисленных стихотворений Блейка, направленных против официозной церковности. *Nobodaddy* — неологизм Блейка (*Daddy Nobody* в противоположность *Father of All*).

Перевод В. Топорова публикуется впервые.

Приводим перевод В. Потаповой:

Ничьему папе

Отец придирчивый! Зачем
Ты в облаках, высоко,
Скрываешься, незрим и нем,
От ищущего ока?

Зачем твой сумрачный закон,
Язык твой темный, полный гнева,
Нам повелят вкушать плоды
Не с древа, — у змеи из зева?

Ужели оттого, что к тайности
Отзывчив женский пол до крайности?

71. MERLIN'S PROPHECY

71. ПРОРОЧЕСТВО МЕРЛИНА

Merlin's Prophecy — ср. слова Шута после исполнения им сатирических куплетов в «Короле Лире» (акт III, сц. 2): “This prophecy Merlin shall make; for I live before his time.” Мерлин — маг при дворе короля Артура.

73. WHY SHOULD I CARE FOR THE MEN OF THAMES...

73. ТЕМЗА И ОГАЙО

Один из ранних откликов Блейка на Войну за независимость в Северной Америке 1775—1783 гг. Блейк воспринял ее как начало освобождения всего человечества из темниц современного Вавилона (см. также «Америку»).

charter'd streams — см. коммент. к стихотворению «Лондон»

80. LET THE BROTHELS OF PARIS BE OPENED...

80. ДВЕРИ НАСТЕЖЬ, ПАРИЖСКИЕ БОРДЕЛИ!..

Стихотворение навеяно событиями Французской революции 1789 г.

Queen of France — Мария-Антуанетта (1755—1793), казненная вместе с Людовиком XVI. Ее описание пародирует портрет, созданный Эдмундом Берком (Edmund Burke, 1729-1797) в «Размышлениях о революции во Франции» (*Reflections on the Revolution in France*, 1790), где низвергнутая королева изображена в патетических тонах.

...old Nobodaddy — см. коммент. к стихотворению «Ничьему отцу». В данном контексте образ приобретает дополнительный, конкретно-исторический смысл, поскольку старший сын Людовика XVI скончался в 1789 г., а младший, отличавшийся слабым здоровьем, с 1791 г. находился в заточении (умер в 1795 г.).

suckers — зд. растения-паразиты

Fayette — Маркиз де Лафайет (1757—1834), французский политический деятель, один из генералов американской армии в период Войны за независимость в Северной Америке 1775—1783 гг. По возвращении во Францию командовал Национальной гвардией, охранявшей низложенного короля. Был сторонником Конституционной монархии, за что подвергался нападкам радикалов, добивавшихся его отставки. Бежал из Франции и был арестован в Австрии, где провел в заточении четыре года (1793—1797). См. также поэму «Французская революция».

1800—1803

81. MY SPECTRE AROUND ME NIGHT AND DAY...

81. СПЕКТР И ЭМАНАЦИЯ

Перевод В. Топорова публикуется впервые.

Spectre ... Emanation — По определению Н. Фрая, «Блейк называет Призраками абстрактные идеи и прежде всего Себялюбие. С этим понятием связано другое — Эманация, т. е. целостная форма всех вещей, которые любит и которые создает человек» (N. Frye. *Fearful Symmetry*, 1947). Ср. также определения, которые даны этим понятиям у А. Острайкер: до грехопадения Спектр и Эманация сосуществуют в одном существе, а в даль-

нейшем женское начало (Эманация) приобретает самостоятельное существование. Призрак, или Спектр, — это человеческий радио на той ступени, когда связь человека и Бога, а тем самым и целостность человека уже утрачены. В поэме «Милтон» читаем: «Дух Отрицания есть Спектр, или же Рациональные Способности Человека, и это Позолота, скрывающая Бессмертный мой Дух, и это Себялюбие, которое необходимо отринуть и уничтожить навеки». По символике Блейка, человек, обращающий себя в Спектр, неполноценен даже физически — Эманация есть утраченное «женское» начало, та духовность, которая восстанавливает целостность личности и в физическом отношении, поскольку Рай — это преодоление не только разлада между рациональным и чувственным, но и разделения Человека на начала мужское и женское. См. также коммент. к стихотворению «Странствис».

This the Wine, and this the Bread — от Матфея, 26, 26—28; от Марка, 14, 22—24; от Луки, 22, 19—20.

Приводим перевод В. Потаповой:

Призрак и Эманация

Мой Призрак день и ночь теперь
Следит за мной, как хищный зверь,
А Эманация — мой грех
Оплакивает горше всех.

В бездонной глубине, в бескрайней,
Блуждаем втайне, плачем втайне.
Под вихрем, воющим в алчбе,
Крадется Призрак мой к тебе —

Узнать, обнюхивая снег,
Куда отправишь ты свой бег.
Сквозь частый дождь и зимний град
Когда воротишься назад?

В гордыне, ты затмила бурей
Блеск утренней моей лазури.
Ночь, — с ревностью и неприязнью, —
Слезами кормишь и боязнью.

Семь раз любовь мою сразил
Твой нож, семь мраморных могил
Я воздвигал, с холодным страхом,
И хмуро слезы лил над прахом.

И семь еще осталось милых:
Они рыдают на могилах.
И семь любимых, не тревожа
Мой сон, жгут факелы у ложа.

Мне семь возлюбленных, в постели,
На скорбный лоб венки надели
Из виноградных лоз и, в жалости,
Прощают все грехи — до малости!

Когда, сменив на милость гнев,
Вернешься — оживить семь дев?
Ответь, когда вернешься ты
Для всепрощенья и доброты?

«Не вернись, — не жди и ведай:
Я горю одной победой!
Живой, — мне быть твоею милой,
А мертвой, — быть твоей могилой!

Сквозь небо, землю, рай и ад
Помчусь вдогон — мне нет преград!
Дни и ночи напролет
Длиться будет мой полет».

Мой долг — избавиться от власти
 Гееннской рощи, женской страсти,
 Затем чтоб Вечности порог
 Достоинo преступить я мог.

Не дам тебе насмешки множить!
 Тебя я должен уничтожить
 И, сотворив другую статью,
 Слугу судьбы моей создать.

Покончим оба, по условию,
 С гееннской рощей и с любовью
 И узрим, вне ее игры,
 Блаженной Вечности миры.

Нам жить — в прощенье обоюдном.
 Не так ли в поученье чудном
 Спасителем изречено?
 «Се хлеб, — сказал он, — се вино».

82. WHEN KLOPSTOCK ENGLAND DEFIED...

82. КЛОПШТОК АНГЛИЮ ХУЛИЛ, КАК ХОТЕЛ...

Немецкий поэт Фридрих Готлиб Клопшток (1724—1803) в августовском номере лондонского *The German Museum* за 1800 г. сопоставлял немецкие и английские переводы Гомера, порицая англичан за «грубость стиха» и приписывая этот недостаток дурному влиянию Свифта. Стихи Блейка написаны в ответ на эти обвинения, чем и объясняется вызывающая, «свифтовская» приземленность их лексики. Перевод В. Топорова публикуется впервые.

For old Nobodaddy aloft / ...and belch'd and cough'd — повторы строки из стихотворения «Двери настезь, парижские бордели!»; **Nobodaddy** — см. коммент. к стихотворению «Ничьему отцу»

Lambeth — Ламбет, район Лондона, где в 1791—1800 гг. жил Блейк

83. MOCK ON, MOCK ON, VOLTAIRE. ROUSSEAU...

83. ЖИВЕЙ, ВОЛЬТЕР! СМЕЛЕЙ, РУССО!..

В целом Блейк объективно оценивал роль великих французских мыслителей, считая, что их идеи подготовили события 1789 г. Однако нараставшее разочарование поэта во Французской революции вызвало несколько горьких и язвительных стихотворений, включая и эти строки.

The Atoms of Democritus — согласно учению греческого философа Демокрита (ок. 470 или 460 до н. э. — умер в глубокой старости), каждая вещь в мире состоит из мельчайших атомов, находящихся в непрерывном движении

Newton's Particles — речь идет о ньютоновском открытии семи основных цветов спектра

85. ON THE VIRGINITY OF THE VIRGIN MARY
AND JOHANNA SOUTHCOTT

85. О ДЕВСТВЕННОСТИ ДЕВЫ МАРИИ
И ДЖОАННЫ САУСКОТТ

Джоанна Саускотт (1750—1814) — полуграмотная служанка, последовательница одной из хилиастических сект. В 1813 г. объявила, что носит во чреве второго мессию, и была подвергнута медицинской экспертизе. Год спустя умерла от водянки.

86. MORNING

86. УТРО

...the Western path — у Блейка Запад всегда ассоциируется с духовным высвобождением

The war of swords and spears/Melted by dewy tears — образ, доносящий впечатление от усыпанного звездами небосклона, символа царства Разума, которое исчезает с приходом рассвета (ср. «Тигр»: “When the stars threw down their spears/And water’d heaven with their tears”)

1808—1811

Эпиграммы, в основном преобладающие в этом разделе «Манускрипта Россетти», вызваны ссорой Блейка с издателем Р. Х. Кромекком и художниками, работавшими по его заказам, а также неуспехом выставки работ Блейка в 1809 г. и охлаждением в отношениях с Флаксменом (см. коммент. к «Поэтическим наброскам»), разделявшим, как казалось Блейку, негативную оценку его графики и живописи (см. также предисловие, с. 9, и хронологическую таблицу).

89. HERE LIES JOHN TROT, THE FRIEND
OF ALL MANKIND...

89. НИ ОДНОГО ВРАГА, ВСЕОБЩИЙ ДРУГ,
ДЖОН ТРОТ...

Джон Трот — имя нарицательное, обозначает мужлана

92. GROWN OLD IN LOVE...

92. ВСЮ ЖИЗНЬ ЛЮБОВЬЮ ПЛАМЕННОЙ СГОРАЯ...

Предполагается, что эпиграмма была написана в 1806 г., когда Блейку было 49 лет.

93. ALL PICTURES THAT'S PANTED WITH SENSE AND
WITH THOUGHT...

93. ЧУВСТВА И МЫСЛИ В КАРТИНЕ НАШЕДШИЙ...

pant = paint; считается, что Блейк пародировал произношение Р. Х. Кромекка

Fuseli — Генри Фюзели (1741—1825), художник, швейцарец по происхождению; один из значительных представителей английского романтизма; был другом Блейка и поклонником его таланта

they can't see an outline — речь идет о способе гравирования. Блейк придерживался старого «контурного» метода с четкой линией рисунка, в то время как в моду вошел «точечный» метод с размытыми контурами (см. также коммент. к стихотворению «Блейк в защиту своего Каталога»).

94. WHY WAS CUPID A BOY...

94. КУПИДОН

woman into a statue of stone — по всей вероятности, подразумевается легенда о Пигмалионе и Галатее

95. I ASKED MY DEAR FRIEND ORATOR PRIGG...

95. ЧТО ОРАТОРУ НУЖНО...

panter — см. коммент. к стихотворению «Чувства и мысли в картине нашедший...»

96. HAVING GIVEN GREAT OFFENCE

BY WRITING IN PROSE...

96. БЛЕЙК В ЗАЩИТУ СВОЕГО КАТАЛОГА

Имеется в виду Каталог выставки 1809 г. (см. предисловие, с. 7).

as soft as Bartoloze — Франческо Бартолоци (Bartolozzi, 1727-1815), флорентийский гравёр, большую часть жизни проживший в Англии; член Королевской академии; популяризировал метод «точечного» гравирования, который благодаря размытости контуров отличался особенной мягкостью рисунка

Dryden, in rime — В 1674 г. Джон Драйден (John Dryden, 1631-1700) написал рифмованными стихами либретто *The State of Innocence* по мотивам «Потерянного Рая», исказив дух и смысл мильтоновского произведения. Блейк отозвался об этом опыте переложения Мильтона следующим образом: «Глупость отдаст предпочтение Драйдену, поскольку он пишет в рифму, монотонно перезвякивая от начала до самого конца».

Tom Cooke cut Hogarth down with his clean graving — Гравёр Томас Кук (Cooke, 1744-1818) копировал работы Хогарта и приспособлял их к тому стилю, который был моден во времена Блейка

Hayley — У. Хейли; см. предисловие, с. 6, и хронологическую таблицу

Homer is ... improv'd by Pope — имеется в виду перевод «Илиады» и «Одиссеи», сделанный ведущим поэтом английского

классицизма Александром Попом (1688—1744). Стих перевода подчинен классицистическим нормам, отчего пострадал язык Гомера.

Stothard — Томас Стотхард (1755—1834), художник, которому Кромек отдал заказ на иллюстрации к «Кентерберийским рассказам» Чосера, ранее обещанный Блейку

poor Schiavonetti died of the Cromek — Гравер Луиджи Скьявонетти (1770—1812) умер во время работы над гравюрой с оригинала Стотхарда.

99. I ROSE UP AT THE DAWN OF DAY...

99. Я ВСТАЛ, КОГДА РЕДЕЛА НОЧЬ...

the Throne of Mammon — mammon — по-арамейски «богатство» (ср. Матфей, 6, 24; Лука, 16, 9—13); позднее в средневековых книгах стало употребляться как имя собственное, означающее дьявола

THE PICKERING MANUSCRIPT МАНУСКРИПТ ПИКЕРИНГА

Тетрадь из 11 листов, находившаяся в 1868 г. во владении издателя Бэзила Пикеринга. Часть стихов из нее появилась в жизнеописании А. Гилкрита. Стихотворения из этой тетради обычно датируются 1801—1803 гг.

100. THE SMILE

100. УЛЫБКА

Приводим перевод В. Топорова, публикуемый впервые:

Улыбка

Есть Улыбка любви,
Есть Улыбка обмана
И есть Улыбка Улыбок —
В ней обе других слиянны.

Есть пристальный Взор вражды,
Есть пристальный Взор презренья,
И есть этих Взоров Взор —
И несть от него спасенья.

Ибо он прожигает мозг,
Ибо душу он разъедает
И о прежних улыбках всех
Память в мускулах рта стирает.

Но единожды за всю жизнь
Есть Улыбка еще сильнее —
И бессильно земное Зло,
Если ты улыбнешься ею.

101. THE GOLDEN NET

101. ЗЛАТАЯ СЕТЬ

«Сеть» в этом стихотворении имеет тот же смысл, что и «клетка» в стихотворении «Песня» из «Поэтических набросков»: незримые — или позолоченные — оковы, которыми в земной юдоли сковано Воображение.

102. THE MENTAL TRAVELLER

102. СТРАНСТВИЕ

По мнению большинства исследователей, «дитя» в этом стихотворении — дух Свободы, «старуха» — современное Блейку общество. Стихи представляют собой аллегорию, изображающую тернистый и причудливый путь Свободы через века истории, как представлял себе этот путь автор. Свобода облагораживает общество. Однако, восторжествовав, Свобода отрицает самое себя (мотив, по всей вероятности, подсказанный событиями во Франции); Жизнь — вышедшая из огня дева — прогоняет такую Свободу (дряхлый старец, ищущий подругу в жертвы), но Земля (девочка, которая оказывается в руках старца) по-прежнему жаждет Свободы, и теперь уже Земля облагораживает старца — только для того, чтобы от этого союза родился Младенец, т. е. все тот же дух Свободы, и «все, как сказано, опять».

По другим толкованиям, «Странствие» — стихи о конечной бессмысленности жизни, пока она не достигает стадии Рая. В символике Блейка Вселенная представлена в процессе прохождения через четыре духовных состояния. Рай (Eden) — высшее единство Творца и его творения; Порождение (Generation) — распад органической связи между человеком и Богом, человеком и другими людьми; Беула (Beulah) — христианский идеал восстановления этой связи, который для Блейка и при условии его осуществления не означает обретенного Рая, ибо Беула рассматривается им только как Лимб; Ульро (Ulro) — мир современной Блейку действительности, Ад. Каждому из этих состояний присуща своя доминирующая «эмоция»: Раю — страсть, Порождению — интеллект, Беуле — милосердие и любовь, Ульро — желание и инстинкт. В «Странствии» содержится призыв к радикальному освобождению Поэтического Гения, таящегося в человеке и единственно способного открыть человечеству такие пути духовной жизни, которые сделают возможным истинный ее прогресс, а не механическое кружение на месте. Помимо евангельских мотивов, в стихотворении обнаруживаются отголоски мифа о Прометее и созданного Блейком мифа о Лосе (см. коммент. на с. 498).

Just as we reap in joy the fruit / Which we in bitter tears did sow — библейская реминисценция: “They that sow in tears shall reap in joy” (*Psalms*, 126, 5)

105. THE CRYSTAL CABINET

105. ХРУСТАЛЬНАЯ ШКАТУЛКА

Перекликается со стихотворением «Песня» из «Поэтических набросков». В символическом плане стихотворения изображено состояние Беулы (см. выше), для которого характерно триединство тела, интеллекта и страсти, однако четвертый компонент целостного человека — дух — еще отсутствует. Поэтому отношения между любящими перерастают в конфликтную ситуацию: оба стремятся подчинить другого своей воле — подлинный союз невозможен.

Перевод В. Топорова публикуется впервые.
Приводим перевод С. Маршака:

Хрустальный чертог

На вольной воле я блуждал
И юной девой взят был в плен.
Она ввела меня в чертог
Из четырех хрустальных стен.

Чертог светился, а внутри
Я в нем увидел мир иной:
Была там маленькая ночь
С чудесной маленькой луной.

Иная Англия была,
Еще неведомая мне, —
И новый Лондон над рекой,
И новый Тауэр в вышине.

Не та уж девушка со мной,
А вся прозрачная, в лучах.
Их было три — одна в другой.
О сладкий, непонятный страх!

Ее улыбкою тройной
Я был, как солнцем, освещен.
И мой блаженный поцелуй
Был троекратно возвращен.

Я к сокровеннейшей из трех
Простер объятья — к ней одной.
И вдруг распался мой чертог.
Ребенок плачет предо мной.

Лежит он на земле, а мать
В слезах склоняется над ним.
И, возвращаясь в мир опять,
Я плачу, горестью томим.

Surrey bower — Во времена Блейка территория графства Серрей, славящегося парками и лесами, включала лондонский район Ламбет, где поэт жил в 1791—1800 гг.

a weeping Babe — ср. символику «Странствия»

107. AUGURIES OF INNOCENCE

107. ИЗРЕЧЕНИЯ НЕВИННОСТИ

По форме это произведение Блейка напоминает назидательные поэмы Кристофера Смарта (Ch. Smart, 1722-1771) «Песнь Давиду» (*A Song to David*, 1763) и *Jubilat Agno*, в которых разнообразные явления окружающего мира сопоставляются с теми или иными библейскими образами или цитируемыми стихами из Евангелия. Перевод В. Топорова публикуется впервые. Вступительное четверостишие считается одной из афористических формулировок сущности романтизма.

Приводим его в переводе С. Маршака:

В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир — в зерне песка,
В единой горсти — бесконечность
И небо — в чашечке цветка.

The game-cock clipt — петушиные бои были официально запрещены в Англии в 1849 г.

chafer = dark beetle

108. LONG JOHN BROWN AND LITTLE MARY BELL

108. ДЛИННЫЙ ДЖОН БРАУН И МАЛЮТКА МЭРИ БЕЛЛ

Отдельные исследователи, основываясь на сюжетном сходстве, усматривают в стихотворении переключку с десятой новеллой третьего дня «Декамерона».

109. WILLIAM BOND

109. ВИЛЬЯМ БОНД

Then what have I to do with thee — см. коммент. к стихотворению «К Тирзе» («Песни Познания»)

THE BOOK OF THEL
КНИГА ТЭЛЬ

Написана и отпечатана в 1789 г., сохранилась в 15 экземплярах. Наряду с «Тириэлем» самая ранняя из «пророческих книг». Свидетельствует о влиянии Мильтона, в частности, «Комуса», «маски», рассказывающей о Деве, которая заблудилась в лесу, где она повстречала злого мага. Братья, обратившись к нимфе Сабрине, спасают сестру от Комуса. Подобно героине Мильтона, Тэль — чистая душа, которая впервые соприкасается с миром Познания и в ужасе бежит от него. Одни комментаторы интерпретируют символику «Книги Тэль» преимущественно в физиологическом плане (лилия — невинность героини, облако — плодотворящее начало, глина — материнство), другие считают, что Тэль — символ фантазии, посетившей реальный мир и поспешившей укрыться в долине Гара; возможны и параллели с аттическим мифом о Прозерпине.

TheI — др.-греч. «желание», «воля»; см. коммент. к стихотворению «Заблудшая дочь» из «Песен Познания»

Seraphim — толкуется по-разному; в частности, указывается, что в сочинениях философа-алхимика Корнелия Агриппы (1486—1535) понятие «сыновья Серафима» означает людей, чьи семьи особенно многочисленны, а стада приносят самое большое потомство. В таком случае речь идет об отказе Тэль служить протым инструментом продолжения рода.

the river of Adona — вероятно, река Адонис, упомянутая Мильтоном в «Потерянном Рае» при описании ритуалов плодородия

the voice /Of Him that walketh — ср. *Genesis*, 3,8: “And they heard the voice of the Lord God walking in the garden in the cool of the day”

the vales of Har — царство непорочной любви. В мифологии Блейка — Гар и Хева (Нева) — прародители человечества.

Luvah — Лува; зд. символ Эроса. Позднее в мифологии Блейка — Князь любви, ведущий борьбу с Уризенем за человеческую душу.

Worm — см. коммент. к стихотворению «Болезнь роза» из «Песен Познания»

to her own grave-plot — т. е. в темницу собственного физического существования

and there she sat down — ср. *Psalms*, 137, I: “By the rivers of Babylon, there we sat down, yea, we wept...”

THE MARRIAGE OF HEAVEN AND HELL
БРАКОСОЧЕТАНИЕ РАЯ И АДА

Датируется примерно 1790 г. «Песнь Свободы» добавлена позднее, в 1792—1793 гг. Поэма представляет собой философский диспут, порой открытую полемику со шведским теологом Эммануилом Сведенборгом (1688—1722; см. предисловие, с. 12—13). В 1789 г. Блейк присутствовал на собрании лондонских сведенборгианцев, это могло послужить поводом к созданию поэмы. В 80-е гг. он читал ряд трудов Сведенборга, впервые тогда переведенных на английский язык (сохранились маргиналии Блейка на экземпляре книги Сведенборга «Мудрость ангелов»). Поэма содержит первое последовательное изложение идей самого Блейка и критику современных ему социальных и религиозных институтов. Вступление к поэме считается самым ранним образцом свободного стиха в английской поэзии.

Rintrah — Ринтра, один из сыновей Лоса (см. коммент. на с. 498), пророк, олицетворяющий гнев, который охватывает Воображение при взгляде на порочный мир

swag = sag, sway

Where lions roam — ср. с историями пророков Исаяи (24) и Иезекииля (5 и 32), возглашающих истину в пустыне

As a new heaven is begun, and it is now thirty-three years since its advent... — имеется в виду 1757 г., год рождения Блейка, когда в

Лондоне была учреждена сведенборгианская «Новая церковь». Согласно Сведенборгу, Страшный суд начнется в 1757 году. К моменту создания поэмы Блейку 33 года, т. е. столько, сколько, по общераспространенному тогда мнению, было Христу к моменту распятия

the dominion of Edom — страна Исава, старшего сына Исаака, лишенного прав первородства хитроумием младшего своего брата Иакова. Исаак сказал ему: «Вот, от тука земли будет обитание твое, и от росы небесной свыше» (Бытие, 27, 39—40)

Isiah XXXIV and XXXV chap. — в этих главах Книги Пророка Исаии говорится об отмщении Божьем всем народам и о возвращении Творца, когда возрадуется бесплодная земля

Good is Heaven. Evil is Hell. — ср. маргиналии Блейка на полях сочинения Сведенборга «Мудрость ангелов»: “Heaven and Hell are born together.”

The Governor of Reason is call'd Messiah — в «Потерянном Рае» Мильтона Сын Божий низвергает Сатану, изгнав его из райских кущ, и судит Адама и Еву за их грех

Milton's Messiah is called Satan — Блейк имел в виду ту карающую роль, которую выполняет Сын Божий у Мильтона, подобно Сатане в Книге Иова

This is shown in the Gospel — см. от Иоанна, 14, 16—17, 26

Proverbs of Hell — помимо Псалтири (*Book of Proverbs*) одним из произведений, определивших выбор такой формы, считаются хорошо известные Блейку «Афоризмы» (1788) И. К. Лафатера (1741—1801)

this firm persuasion removed mountains — ср. слова Иисуса: «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет» (от Матфея, 17, 20)

our great poet, King David — Давиду приписывается авторство библейских псалмов

I also asked Isaiah what made him go naked and barefoot three years — ср. Исаия, 20

I then asked Ezekiel why he ate dung... — ср. Иезекииль, 4

the cherub with his flaming sword — после изгнания Адама Бог «поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни» (Бытие, 3, 24)

the doors of perception — имеются в виду пять органов чувств

...chinks of his cavern — образ восходит к диалогу Платона («Республика», VII)

...Parable of sheep and goats! — см. от Матфея, 25, 32—33; 10, 34

...between saturn and the fixed stars — в докоперниковой астрономии Сатурн рассматривался как предельная небесная сфера

Paracelsus — Парацельс (1493—1541), швейцарский врач и естествоиспытатель; был известен и как алхимик и еретический теолог

Jacob Behmen — Якоб Бёме (1575—1624), немецкий философ и теолог (см. также предисловие, с. 20)

...Did He not mock at the sabbath — см. от Марка, 2, 27; от Иоанна, 8—22; 11; от Матфея, 27, 13—14; мотив развит Блейком в «Вечносущем евангелии» (*The Everlasting Gospel*, с. 1818)

Jesus was all virtue — в данном случае “virtue” употреблено в специфическом значении, выделяющем латинский корень “vir” — «муж»

A Song of Liberty — навеяно взятием Бастилии (1789) и попытками европейских монархий задушить Французскую революцию. В частности, здесь нашла отражение неудавшаяся интервенция во Францию в сентябре 1792 г., предшествовавшая войне, которую Англия объявила Французской республике в феврале 1793 г.

По Блейку, Революция — дитя Природы; Тирания пытается удушить Младенца, однако на его защиту встает Человечество, и Тирания вынуждена временно отступить.

dungeon — Бастилия

thy keys — ключи традиционно служили у пап символом власти

starry king — Уризен. О значении символики звезд у Блейка см. коммент. к стихотворению «Вступление» («Песни Познания»).

the hoary element — морские воды

Urthona's dens — Уртона, в мифологии Блейка, олицетворение инстинкта, интуиции; предстает в виде кузнеца, обитающего в провалах и пещерах

VISIONS OF THE DAUGHTERS OF ALBION ВИДЕНИЯ ДЩЕРЕЙ АЛЬБИОНА

Поэма награвирована в 1793 г., сохранилась в 17 экземплярах (один — в связке с «Книгой Тэль»). Заглавие на титульном листе: “Visions of the Daughters of Albion. The Eye sees more than the Heart knows. Printed by Willm Blake. 1793.”

Поэма тематически связана с «Книгой Тэль»: если Тэль обитает в царстве Неведения, то Утуна (предполагается, что ей была посвящена несохранившаяся отдельная поэма Блейка) оказывается уже в царстве Познания, и поэму в целом можно рассматривать как резкую критику принципов, на которых основывались в английском обществе той поры семейные отношения. Блейк обрушивается и на такие явления современной ему действительности, как работорговля, эксплуатация детского труда, политическая тирания, религиозная нетерпимость, — все это для него Рабство, противостоящее Свободе. Сюжет поэмы незатейлив: Утуна (дочь Лоса и Энитармон, являющейся женским началом Вечного пророка) любит Теотормона (он появляется и в других блейковских произведениях — иногда как один из сыновей Лоса, олицетворяя осторожность, самоконтроль художника, иногда как персонаж гамлетовского типа), однако подвергается

насилию со стороны Бромииона (от греч. βρόμιος — «рев»; зд. символ грубой, бездуховной силы; в других «пророческих книгах» — один из сыновей Лоса). Это не поколебало чувства Утоны к Теотормону, однако она не встречает ответного чувства.

Leutha — Леута, дочь Лоса и Энитармон, эманация Бромииона, наделенная чертами, с обыденной точки зрения, говорящими о греховности

Stamp'd with my signet — т. е. клейменная наподобие рабов

Theotormon's Eagles — отголосок мифа о Прометее, прикованном к скале; посланный Зевсом орел прилетал клевать его печень

The Father of Jealousy — Уризен

one Law for both the lion and the ox? — ср. заключительные строки «Бракосочетание Рая и Ада»

THE FRENCH REVOLUTION ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Сохранилась в виде гранок несостоявшегося издания. На титульном листе набрано: "The French Revolution. A Poem in Seven Books. Book the First. London. Printed for J. Johnson. N 72. St. Paul's Church-yard, MDCCXCI."

В предуведомлении издателя говорилось, что «остальные части произведения завершены и будут напечатаны в соответствующем порядке», однако написал ли Блейк другие главы, помимо первой, остается неизвестным.

Сюжет поэмы определяется выдающимся событием — падением Бастилии 14 июля 1789 г. В поэме отразилась хроника революционного 1789 г. во Франции, хотя, конечно, многое изменено и дополнено воображением Блейка. Стих — свободный семистопный анапест — применен Блейком только в этой поэме.

Перевод В. Топорова публикуется впервые.

the Prince — Людовик XVI (1754—1793)

Necker — Жак Неккер (1732—1804), швейцарец, министр финансов при Людовике XVI в 1777—1781 и 1788—1790 гг. Сочувствовал оппозиции. Сыграл значительную роль в подготовке Генеральных Штатов 1789 г.

...five thousand years — Дохристианское поверье, сохранившееся среди сектантов, утверждало, что мир был сотворен в 4004 г. до н. э. и просуществует ровно 6000 лет. Таким образом, в 1804 г. должен был произойти Страшный суд. Кроме того, по мысли Блейка, на земле пять тысячелетий господствовала монархия, которую теперь сменяет республика.

Forty men — имеется в виду Королевский совет

the Commons — Блейк называет так представителей третьего сословия, собиравшихся в мае и июне 1789 г. в Версале

in the Louvre — на самом деле сторонники короля собирались не в Лувре, а в Версале

Hide from the living — ср. Откровение Иоанна Богослова, 6, 15—16

Duke of Burgundy — в действительности последний герцог Бургундский умер в 1714 г.

Atlantic mountains = Atlantean Hills, см. коммент. к «Америке»

starry hosts — см. коммент. на с. 535

Fayette — Лафайет (см. коммент. к стихотворению «Двери настезь, парижские бордели!»). В действительности Лафайет командовал гвардией с 15 июля 1789 г.

Necker... leave the kingdom — Неккер как либерал был отстранен королем от должности 11 июля 1789 г.

the Archbishop — ср. Иов, 4, 17: «Человек праведнее ли Бога? и муж чище ли Творца своего?»

Aumont — Герцог Омон (1723—1799) отказался от командования гвардией накануне 14 июля

Abbé de Sieyes — аббат Эманнюэль Жозеф Сийес (1748—1836), один из деятелей Великой французской революции, которого Блейк называл «голосом народа»

King Henry the Fourth — Генрих IV (1553—1610), французский король, пользовавшийся любовью подданных; Блейк сравнивает его с аббатом Сийесом

Bourbon ... Duke of Bretagne... Earl of Bourgogne — вымышленные персонажи.

Orleans — Герцог Орлеанский (1747—1793) завоевал популярность жертвованиями в голодные годы. Штурмующие Бастилию несли в своих колоннах скульптурные изображения герцога, а также Неккера.

instead of words harsh hissings — см. «Потерянный Рай», X, 517—519

Mirabeau ... Target ... Bailly ... Clermont — лидеры политических группировок в Учредительном собрании: Оноре Габриель Рикети Мирабо (1749—1791), мэр Парижа Жан Сильвен Байи (1736—1793), граф Станислав де Клермон-Танер (1757—1792) и, видимо, Жак Гийом Туре (1746—1794)

...Great Henry's soul — имеется в виду Генрих IV (см. выше)

...nor a soldier be seen — в действительности с требованием распустить королевскую гвардию выступил не Сийес, а Мирабо (8 июля 1789 г.)

black southern Prison — видимо, Сен-Жерменское аббатство, служившее тюрьмой; было взято штурмом 29 июня, при этом освобождены 11 узников

the General of the Nation — Лафайет; см. коммент. к стихотворению «Двери настежь, парижские бордели!»

...ten miles from Paris — вымышленный эпизод

AMERICA
АМЕРИКА

Поэма отпечатана Блейком в 1793 г., сохранилось 15 экземпляров.

На титульном листе значится: “America. A Prophecy. Lambeth. Printed by William Blake in the year 1793.”

Поэма содержит упоминания о важнейших событиях американской революции и Войны за независимость 1775—1783 гг., истолкованных мифологически. Борьба Ангела Альбиона и Орка — гнета и вольности — станет одним из постоянных «сюжетов» в «пророческих книгах» Блейка. Орк, появляющийся из толщи вод Атлантики, бросает вызов Ангелу Альбиона, призывая к освобождению человечества. Начавшееся восстание тринадцати колоний Нового Света Ангел Альбиона пытается подавить, насылая чуму, которая, однако, поражает самое Англию. Вмешательством Уризена революция отсрочена на двенадцать лет, но ее огонь не угас — по истечении этого срока он вспыхнет вновь во Франции и охватит всю Европу.

Перевод В. Топорова публикуется впервые.

The shadowy Daughter of Urthona — ср. в «Европе» *Shadowy Female*: Уртона — см. коммент. на с. 547; дочь Уртоны — символ Природы после грехопадения. Насилие Орка над дочерью Уртоны знаменует начало революционной войны.

...an eagle ... a lion ... a whale ... a serpent — символы свободы на знаменах национально-освободительных движений в Северной и Южной Америке

Washington ... Greene — лидеры американской революции, ее идеологи и полководцы во время Войны за независимость: Джордж Вашингтон (1732—1799), Бенджамин Франклин (1706—1790), Томас Пейн (1737—1809), Джозеф Уоррен (1741—1775), Горацио Гейтс (1728?—1806), Джон Хэнкок (1737—1793), Нэ-таниел Грин (1742—1786).

The morning comes... — здесь и далее Блейк говорит об основ-

ных принципах американской «Декларации независимости», провозгласившей право человека на жизнь, свободу и счастье

Lion and Wolf — эмблемы британского могущества

Orc ... serpent-form'd — Орк предстает символом бунта, подобно библейскому Сатане или Змию на канадском стяге

Enitharmon — см. коммент. к «Видениям дочерей Альбиона»

Thirteen Angels — Английские властители тринадцати колоний в Новом Свете

Atlantean hills = Atlantic mountains — по Блейку, идеальное мифическое государство Атлантида (единство Англии и Америки), которое пало из-за колониалистских устремлений Англии; океан — символ их сегодняшней разъединенности

Ariston — Аристон, в истории Геродота — спартанский царь, похитивший невесту у друга. В мифической блейковской Атлантиде — царь красоты.

Bostons Angel — Бостон был центром революционно-освободительных идей, вызревавших в колониях

Bernards house — сэр Фрэнсис Бернард, губернатор Массачусетса в 1760—1769 гг.; эпизод вымышленный

The Bard of Albion — имеется в виду поэт-лауреат Уайтхед (William Whitehead, 1715-1785), восхвалявший британскую колониальную политику

Allen ... and Lee — Итен Аллен (1738—1789), солдат, герой Войны за независимость, и Чарлз Ли (1731—1782), генерал в армии Вашингтона

the Pestilence began — Блейк имеет в виду беспорядки в Бристоле и Лондоне, вызванные войной в американских колониях, а также частые случаи дезертирства из английских войск и начинающуюся в те годы душевную болезнь короля Герога III

a wine... the tender grape — ср. Песнь Песней, 2, 13

twelve years — с 1777 г. (разгар революции в Америке) по 1789 г. (взятие Бастилии)

the five gates — пять органов чувств

EUROPE

ЕВРОПА

Поэма отпечатана в 1794 г., сохранилась в 12 экземплярах. На титульном листе: “Europe. A Prophecy. Lambeth. Printed by Willm Blake, 1794.”

«Европа» тематически связана с «Америкой». Изображенный в поэме сон Энитармон (см. коммент. к «Видениям дочерей Альбиона») повествует о восемнадцати веках рабства от Рождества Христова до Французской революции. Вопреки усилиям Англии отсрочить рассвет, он начался со взятием Бастилии.

Перевод В. Топорова публикуется впервые.

Five windows — пять чувств

The nameless Shadowy Female — Природа, которая в последующем монологе сетует на то, что ее силы тратятся впустую: создавая жизнь, она не может ее освободить для духовного величия. См. также коммент. к «Америке».

Los, possessor of the Moon — Обычно у Блейка Лос выступает богом Солнца, Энитармон — богиней Луны

Urthona — см. коммент. к «Бракосочетанию Рая и Ада»

Arise, O Orc — Орк за непослушание родительской воле прикован, подобно Прометею, к скале в пещере

That Woman ... may have dominion — Энитармон мечтает о власти церкви, теснящей дух истинного христианства. Церковь ассоциируется с культом девственности и подавлением свободного Эроса.

Rintrah — см. коммент. к «Бракосочетанию Рая и Ада»

Palamabron — Паламаброн, сын Лоса и Энитармон, символ художника, сострадающего человечеству

Elynittria — дочь Лоса и Энитармон, эманация Паламабронна (см. выше)

Ocalythron — дочь Лоса и Энитармон, эманация Ринтры (см. выше)

the council-house — парламент

his ancient temple, serpent-form'd ... Verulam — речь идет о друидической религии древних бриттов

...deluge — библейский потоп под пером Блейка приобретает особый смысл, символизируя крах истинной веры под натиском материализма

God a tyrant crown'd — согласно интерпретации Блейка, друидическая религия знаменовала ту же ограниченность и превратность верований, что и рационализм XVIII в.

Stone of Night ... attractive North — Север у Блейка знаменует холодную рациональность, Юг — тепло и любовь

Palamabron shot .../And Rintrah hung — согласно новейшим толкованиям, сыновья Лоса здесь уподоблены Уильяму Питту-младшему (1759—1806) и Эдмунду Берку (1729—1797), политическим лидерам Англии той поры

A mighty Spirit .../Nam'd Newton — см. коммент. к стихам из «Острова на Луне»

Ethinthus — Этинта, дочь Лоса и Энитармон, богиня Луны

Manatha-Varcyon — супруг Этинты

Leutha — см. коммент. к «Видениям дочерей Альбиона»

Antamon — Антамон, сын Лоса и Энитармон, символ романтических устремлений юности

Oothoon — см. коммент. к «Видениям дочерей Альбиона»

Theotormon — см. коммент. к «Видениям дочерей Альбиона»

Sotha — Сота, сын Лоса и Энитармон, олицетворение Эроса, иногда — бог войны

Thiralatha — эманация Соты

Then Los arose — зд. Лос выступает в своей обычной функции Вечного пророка и бога Солнца

FROM "MILTON"

ИЗ ПОЭМЫ «МИЛЬТОН»

Поэма отпечатана в 1809 г. (начата в 1804 г.); сохранилось 4 экземпляра. На титульном листе значится: "Milton. A Poem in two books. The Author and Painter William Blake, 1804. To Justify the Ways of God to Men."

«Мильтон» является наиболее сложной по символике «пророческой книгой» Блейка. С. Маршаком переведена стихотворная часть вступления к поэме, ставшая в XIX в. народной песней, часто исполнявшейся на рабочих митингах, а также фрагмент из второй части (с выпуском одной строки, так что образуются как бы два самостоятельных стихотворения). В целом «Мильтон» представляет собой апофеоз борьбы Блейка с механистическим, «уризеновским» миропониманием. Мильтон призван сбросить «уризеново ярмо» и освободить Альбион. По Блейку, он терпит поражение в этой борьбе не только из-за неравенства сил, но и потому, что сам Мильтон остается в плену ложного, церковно-теологического сознания.

Jerusalem — см. предисловие, с. 21

Og & Anak — в Библии — гиганты, поверженные Израилем, у Блейка — символ мнимой мощи и угрозы

А. Зверев

ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА БЛЕЙКА

1757, 28 ноября — В семье Джеймса и Кэтрин Блейков родился сын Уильям.

1767 — Начинает посещать школу рисования на Стрэнде.

1771 — Становится учеником гравера Джеймса Бэзайра.

1776—1777 — Завершена книга «Поэтические наброски».

1779 — Начало профессиональной работы в качестве гравера у Джозефа Джонсона и других издателей и книготорговцев.

1780 — Знакомство с гравером Генри Фюзели, ставшим одним из ближайших друзей Блейка. Несколько рисунков выставлено в Королевской академии.

1782 — Женитьба на дочери зеленщика Кэтрин Софии Баучер. Знакомство с художником Джоном Флаксменом, который вводит Блейка в салон Генри Мэтью.

1783 — Напечатан сборник «Поэтические наброски».

1784 — Совместно с гравером Джеймсом Паркером открывает собственную печатню на Броуд-стрит. Три года спустя печатня продана из-за угрозы банкротства. Написан «Остров на Луне», представляющий собой сатиру на Г. Мэтью и посетителей его салона.

1788—1789 — Первые издания, награвированные способом «иллюминированной печати» (афоризмы о «естественной религии», содержащие краткое изложение основных идей Блейка). Чтение Сведенборга («Мудрость ангелов»). Написана самая ранняя из «пророческих книг» «Тириэль».

1789 — «Книга Тэль». «Песни Неведения». Первые стихотворения так наз. «Манускрипта Россетти».

1790 — «Бракосочетание Рая и Ада».

1791 — «Французская революция». Рукопись набрана в

типографии Дж. Джонсона и рассыпана ввиду гонений на вольнодумцев и друзей революционной Франции. «Видения дочерей Альбиона». «Америка». Знакомство с Томасом Баттсом, министерским чиновником, оказывавшим Блейку поддержку и материальную помощь до конца его жизни.

1794 — «Песни Познания». «Европа». «Первая книга Уризена».

1795 — «Книга Лоса». «Книга Ахании».

1796 — Иллюстрации к «Ночным мыслям» Эдуарда Юнга.

1797—1799 — Из-за отсутствия новых заказов Блейк оказывается на краю нищеты.

1800—1803 — Знакомство с Уильямом Хейли, пребывание в Фелпхеме (Суссекс).

1803, сентябрь — Возвращение в Лондон.

1805 — Иллюстрации к поэме «Могилы» Э. Блэра. Издатель Р. Х. Кромек приобретает их за ничтожно малую цену.

1807—1808 — Иллюстрации к «Потерянному Раю» Джона Мильтона.

1808—1809 — Награвирован «Мильтон» («пророческая книга», начатая примерно в 1804 г.).

1809, май—сентябрь — Выставка работ Блейка в галантерейной лавке его брата Джеймса.

1810 — Иллюстрации к «Кентерберийским рассказам» Джеффри Чосера.

1811—1817 — Так наз. «темный период» биографии Блейка, относительно которого почти не сохранилось фактов и свидетельств.

1818 — Знакомство с Джоном Линнелом и молодыми художниками его круга, преклонявшимися перед Блейком.

1820 — Награвирован «Иерусалим» («пророческая книга», начатая примерно в 1804 г.).

1821 — По заказу Т. Баттса выполнены иллюстрации к «Книге Иова» (акварели).

1822 — Поощрительная премия Королевской академии (25 фунтов стерлингов).

1825 — Награвированы иллюстрации к «Книге Иова» (отпечатаны в марте 1826 г.).

1825—1826 — По заказу Дж. Линнела выполнены иллюстрации к «Божественной комедии» Данте.

1827, 12 августа — Смерть Уильяма Блейка. Кэтрин Блейк умерла 18 октября 1831 г.

Уильям Блейк

ИЗБРАННОЕ

(На английском языке)

Сборник

Составитель ЗВЕРЕВ АЛЕКСЕЙ МАТВЕЕВИЧ

ИБ № 9428

Издательский редактор *В. Я. Бонар*
Корректоры *Л. В. Данинбург* и *Е. В. Солнцева*
Художественный редактор *Т. А. Иващенко*
Технический редактор *Г. В. Трушина*

Сдано в набор 9.7.1981 г. Подписано в печать 24.12.1981 г. Формат 60×84¹/₆. Бумага офсетная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Условн. печ. л. 32,55. Уч.-изд. л. 18,40. Тираж 142 500 экз. Заказ № 377. Цена в суперобложке 2 р., без суперобложки 1 р. 80 к. Изд. № 29715.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва 119021, Зубовский бульвар, 17

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Калинин, пр. Ленина, 5.

